

Тана Френч Брокен- Харбор

роман

18+

Дублинский отдел убийств

Тана Френч
Брокен-Харбор

«Фантом Пресс»

2012

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Френч Т.

Брокен-Харбор / Т. Френч — «Фантом Пресс»,
2012 — (Дублинский отдел убийств)

ISBN 978-5-86471-930-5

Детектив из знаменитого Дублинского цикла. В маленьком поселке-новостройке, уютно устроившемся в морской бухте с живописными видами, случилась леденящая душу трагедия. В новеньком, с иголки, доме жило-поживало молодое семейство: мама, папа и двое детей. Но однажды милое семейное гнездышко стало сценой дикого преступления. Дети задушены. Отец заколот. Мать тяжело ранена. Звезда отдела убийств Майкл Кеннеди по прозвищу Снайпер берется за это громкое дело, рассчитывая, что оно станет украшением его послужного списка, но он не подозревает, в какую сложную и психологически изощренную историю погружается. Его молодой напарник Ричи также полон сыщицкого энтузиазма, но и его ждет путешествие по психологическому лабиринту, выбраться из которого прежним человеком ему не удастся. Расследование, которое поначалу кажется простым, превратится в сложнейшую головоломку с непростыми нравственными дилеммами. Блестящий психологический детектив о том, что глянцевая картинка зачастую скрывает ужасающие бездны.

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-86471-930-5

© Френч Т., 2012
© Фантом Пресс, 2012

Содержание

1	7
2	19
3	27
4	41
5	56
6	67
7	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Тана Френч Брокен-Харбор

Посвящается Дарли, волшебнику и джентльмену

BROKEN HARBOUR by TANA FRENCH
Copyright © 2012 by Tana French

Публикуется при содействии *Darley Anderson Literary, TV & Film Agency* и *The Van Lear Agency*

© Любовь Карцивадзе, перевод, 2023
© “Фантом Пресс”, издание, 2023

1

Давайте начистоту – это дело было по плечу только мне. Вы удивитесь, сколько из наших парней, будь у них выбор, шарахнулись бы от него на милю, а у меня выбор был – по крайней мере, сначала. Пара ребят мне так прямо и сказали: “Хорошо, что оно досталось тебе, а не мне”. Однако я лишь сочувствовал им, а о себе и не думал беспокоиться.

Кое-кто не в восторге от крупных громких дел – мол, слишком много шумихи в прессе, слишком велики последствия провала. Весь этот негатив не по мне. Если думать о том, как больно будет падать, – считай, ты уже летишь в пропасть. Я фокусируюсь на позитиве, а его тут полно: даже те, кто притворяется, будто они выше этого, знают: за большие достижения повышают по службе. Так что дайте мне расследование, что красуется на первых полосах, а дела о зарезанных барыгах оставьте себе. Если не можешь держать удар, служи в участке.

Некоторым из наших неважно работать с детьми, и их вполне можно понять. Однако позвольте полюбопытствовать: если вас тошнит от зверских убийств, то какого черта вы взялись их расследовать? Неженки с распростертыми объятиями примут в отделе по защите интеллектуальной собственности. У меня были убитые младенцы, утопленники, изнасилования с убийствами, человек, которому отстрелили голову из дробовика так, что ошметки мозга разлетелись по всем стенам, – и при условии, что виновный попадает за решетку, мой безмятежный сон ничто не тревожит. Кто-то должен брать такие дела на себя, и если за них берусь я, то справляюсь так, что комар носа не подточит.

Раз уж зашел разговор, давайте проясним еще кое-что: я чертовски хорош в своей работе. Я и сейчас так считаю. В отделе убийств я уже десять лет, и семь из них – с тех пор, как я освоился, – у меня была самая высокая раскрываемость. В этом году я на втором месте, потому что нынешнему лидеру перепала черед верняков с бытовухой, когда подозреваемый буквально сам защелкивает браслеты на своих запястьях и подает себя на тарелочке с яблочным соусом. Мне же доставались самые геморройные, глухие случаи – мертвые торчки и ни единого свидетеля, – и я все равно давал результат. Если бы наш главный инспектор хоть раз – хоть раз! – во мне усомнился, то мигом снял бы меня с дела.

Вот что я пытаюсь сказать: все должно было пройти как по маслу. Дело попало бы в учебники – блестящий пример того, как надо работать. По всем писанным правилам оно должно было стать для меня колоссальным успехом.

* * *

Я сразу понял, что дело крупное. Мы все это поняли. Обычные убийства достаются первым в очереди, а если первый отлучился, то тому, кто окажется на месте, – и только большие, важные дела, требующие особого подхода, распределяет лично главный инспектор. Так что когда О’Келли просунул голову в дверь отдела, показал на меня пальцем, рявкнул: “Кеннеди, в мой кабинет!” – и исчез, мы сразу все поняли.

Я схватил со спинки стула свой пиджак и надел его. Сердце мое билось учащенно. Давно, слишком давно мне не перепали такие дела.

– Никуда не уходи, – сказал я Ричи, своему напарнику.

– О-о-о, – в притворном ужасе протянул Квигли из-за своего стола и помахал пухлой ладонью. – Неужто Снайпер опять вляпался в дерьмо? Вот уж не думал, что доживу...

– Наслаждайся, пока жив, старина.

Я проверил, ровно ли повязан мой галстук.

Квигли ехидничал, потому что был следующим в очереди, и не будь он такой бестолочью, О'Келли поручил бы дело ему.

– Что ты натворил?

– Трахнул твою сестру. Рвотными пакетами запасся заранее.

Парни заржали, а Квигли по-старушечьи поджал губы.

– Не смешно.

– Что, задело за живое?

Ричи сидел открыв рот и едва ли не подпрыгивал на стуле от любопытства. Я достал из кармана расческу и быстро провел ею по волосам.

– Как я, нормально?

– Жополиз, – буркнул Квигли.

Я его проигнорировал.

– Ага, – сказал Ричи. – Супер. Что...

– Никуда не уходи, – повторил я и пошел к О'Келли.

Второй знак: главный инспектор стоял за столом, сунув руки в карманы, и раскачивался на пятках. Адреналин в нем так кипел, что он не мог усидеть в кресле.

– А ты не торопишься.

– Прошу прощения, сэр.

Он не сдвинулся с места и, цыкнув зубом, принялся перечитывать лежащий на столе отчет о вызове.

– Как продвигается дело Маллена?

Последние несколько недель я потратил на сбор досье для главного гособвинителя по запутанному делу с одним наркоторговцем – чтобы не осталось ни щелочки, в которую мог бы проскользнуть этот ублюдок. Некоторые следователи считают свою работу оконченной в момент предъявления обвинений, но если с крючка соскакивает мой улов – что хоть и редко, но случается, – я принимаю это близко к сердцу.

– Уже готово. Ну, плюс-минус.

– Его сможет закончить кто-то другой?

– Без проблем.

О'Келли кивнул и продолжил читать. Он любит, когда ему задают вопросы, любит показывать, кто тут главный, – и, поскольку он действительно мой начальник, я не против чуток прогнуться для пользы дела.

– Что-то новое поступило, сэр?

– Брайанстаун знаешь?

– Никогда не слышал.

– Я тоже. Один из этих новых поселков на побережье, за Балбриганом¹. Раньше назывался Брокен-Бэй или как-то так.

– Брокен-Харбор, – сказал я. – Да, Брокен-Харбор я знаю.

– Теперь это Брайанстаун. И к вечеру о нем услышит вся страна.

– Серьезное, значит, дело.

О'Келли положил тяжелую ладонь на отчет о вызове, словно пытался его удержать.

– Муж, жена и двое детей зарезаны в собственном доме. Жена находится при смерти, ее сейчас везут в больницу. Остальные мертвы.

Мы помолчали, слушая, как по воздуху пробегает мелкая дрожь, вызванная последним словом.

– Кто сообщил? – спросил я.

---

¹ Балбриган – небольшой город в ирландском графстве Фингал, недалеко от Дублина. – *Здесь и далее примеч. перев.*

– Сестра жены. Они созваниваются каждое утро, а сегодня утром она не смогла позвонить. Это настолько ее беспокоило, что она села в машину и отправилась в Брайанстаун. Машина на подъездной дорожке, в доме горит свет среди дня, никто не открывает. Она звонит полицейским, те вышибают дверь, и – сюрприз-сюрприз.

– Кто там сейчас?

– Только местные. Глянули разок, смекнули, что не потянут, и сразу связались с нами.

– Прекрасно, – сказал я.

В полиции полно идиотов, которые готовы часами играть в детективов и топтать место преступления, прежде чем признают поражение и вызовут реальных профессионалов. Похоже, на этот раз нам повезло – котелки у сельских копов варили.

– Я хочу, чтобы этим занялся ты. Возьмешься?

– Почту за честь.

– Если не можешь все бросить, скажи, и я отдам дело Флаэрти. Оно в приоритете.

Флаэрти – тот самый чемпион по раскрываемости, который закрывает верняки.

– Не надо, сэр. Я беру.

– Хорошо, – сказал О'Келли, но отчет не отдал, а наклонил к свету и принялся внимательно рассматривать, потирая большим пальцем подбородок. – А Курран? Он готов?

Юный Ричи Курран был в команде всего две недели. Многие не любят натаскивать новичков, так что это приходится делать мне. Если ты знаешь свое дело, твой долг – передать свои знания.

– Будет готов.

– Я могу на время куда-нибудь его засунуть, а тебе дать человека, который знает, что к чему.

– Если Курран не вывозит, то лучше выяснить это сейчас. – Я не хотел получить напарника, который знает, что к чему.

Один из плюсов выпаса новичков заключается в том, что ты избавляешь себя от кучи хлопот: у всех “стариков” есть свои устоявшиеся подходы, а, как говорится, два медведя в одной берлоге не живут. Новичок, если правильно с ним обращаться, тормозит тебя куда меньше, чем старый служака. Сейчас мне было некогда играть в эти игры – “нет-вы-нет-только-после-вас”.

– В любом случае главным будешь ты.

– Сэр, поверьте, Курран справится.

– Это риск.

Примерно год новички проходят испытательный срок. Неофициально, конечно, но вполне всерьез. И если Ричи с порога ошибется, да еще под прицелом прессы, то может собирать вещички.

– У него получится. Я прослежу.

– Я не только про Куррана. Когда ты последний раз вел большое дело?

Его пронизательные глазки вперились в меня. Мое прошлое громкое дело пошло наперекосяк. Я тут ни при чем – человек, которого я считал другом, кинул меня и утопил в дерьме. Но люди все помнят.

– Почти два года назад.

– Точно. Если разберешься с этим, то вернешься в строй.

Но что будет с моей карьерой в противном случае, осталось невысказанным и тяжелой тучей повисло между нами.

– Разберусь, сэр.

О'Келли кивнул:

– Не сомневаюсь. Держи меня в курсе.

Он перегнулся через стол и протянул мне отчет о вызове.

– Спасибо, сэр. Я вас не подведу.

– Купер и криминалисты уже в пути.

Купер – это наш судмедэксперт.

– Тебе понадобятся люди, я распорядюсь, чтобы общий отдел прислал летунов. Шестерых пока хватит?

– Вполне. Если понадобится еще, я сам затребую.

Когда я был уже на пороге, О'Келли добавил:

– И, бога ради, сделай что-нибудь с его одеждой.

– Я потолковал с ним на прошлой неделе.

– Так потолкуй еще раз. Черт побери, в чем он явился вчера – в *фуфайке*?

– По крайней мере, я заставил его избавиться от кроссовок. Какой-никакой, а шагжок вперед.

– Если он хочет остаться на этом деле, пусть научится шагать поживее – до того, как прибудете на место. Журналисты слетятся туда как мухи на дерьмо. Хотя бы скажи ему, чтоб не снимал пальто и не светил своими трениками, или в чем уж там он соизволил прийти.

– У меня в столе есть запасной галстук. Все будет в порядке.

О'Келли проворчал что-то про свинью в смокинге.

На обратном пути я бегло просмотрел отчет – все в точности соответствовало сводке, изложенной шефом. Жертвы: Патрик Спейн, его жена Дженнифер и их дети Эмма и Джек. Сестра, вызвавшая полицию, – Фиона Рафферти. Под ее именем диспетчер предупреждающе добавил заглавными буквами: “ВНИМАНИЕ: ЗВОНИВШАЯ В ИСТЕРИКЕ”.

* * *

Ричи не сиделось, он подпрыгивал, словно у него пружины в коленях.

– Что...

– Собирайся. Мы уезжаем.

– Я же говорил, – сказал Квигли моему напарнику.

Ричи невинно распахнул глаза:

– Правда? Извини, бро, я прослушал. Голова другим занята, понимаешь?

– Курран, я вообще-то пытаюсь оказать тебе услугу. Впрочем, дело твое. – Вид у Квигли был по-прежнему обиженный.

Я натянул пальто и проверил свой портфель.

– Похоже, у вас тут увлекательная беседа. Может, поделитесь?

– Ерунда, – тотчас отозвался Ричи. – Просто болтаем о том о сем...

– Я посоветовал юному Ричи задуматься о том, почему главный вызывает тебя одного и передает информацию за его спиной, – лицемерно сказал Квигли. – Это не лучшим образом свидетельствует о репутации юноши в отделе.

Квигли обожает пудрить мозги новичкам, а также давить на подозреваемых чуть сильнее, чем следует. Мы все не без греха, однако он получает от этого особенный кайф. Впрочем, обычно у него хватает мозгов не трогать моих ребят. Ричи чем-то его разозлил.

– В ближайшие дни юноше будет о чем подумать, ему незачем отвлекаться на всякий вздор. Ну как, детектив Курран, идем?

– *Что ж*, – прошипел Квигли, напыжившись. – Не позволяйте мне себя задерживать.

– Само собой, приятель. – Я вытащил из ящика галстук и сунул его в карман пальто – под столом, чтобы не давать Квигли повода для подколов. – Детектив Курран, готов? Тогда погнали.

– До встречи, – не слишком любезно проворчал Квигли нам вслед.

Ричи послал ему воздушный поцелуй, и, поскольку зрелище это не предназначалось для моих глаз, я ничего не заметил.

Было туманное, холодное и серое утро вторника, такое хмурое и мрачное, словно на дворе не октябрь, а март. Я вывел из гаража любимый серебристый “бумер”. Официально машины разбирают в порядке живой очереди, однако салаги, занимающиеся бытовым насилием, не посмеют и приблизиться к лучшей тачке отдела убийств, так что машина всегда к моим услугам, и в салоне не валяются обертки от бургеров. Я не сомневался, что и с закрытыми глазами найду дорогу в Брокен-Харбор, но сейчас не время было проверять это на практике, поэтому я включил навигатор. Где находится Брокен-Харбор, прибор не знал. Он хотел ехать в Брайанстаун.

В свои первые две недели в отделе Ричи помогал мне собирать досье по делу Маллена и заново опрашивать свидетелей. Это было его первое настоящее дело об убийстве, и он буквально из штанов выпрыгивал от нетерпения. Парень сдерживался изо всех сил, но, как только машина двинулась с места, выпалил:

– Нам дали дело?!

– Да.

– Какое?

– Убийство. – Я остановился на красный, достал галстук и передал его Ричи.

К счастью, сегодня на нем была белая рубашка – правда, дешевая и настолько тонкая, что просвечивала безволосая грудь, – и серые брюки, почти приличные, только на размер больше, чем надо.

– Вот, надень.

Он уставился на галстук так, словно никогда не видел подобной диковины.

– Да?

– Да.

Я уже было смирился с мыслью, что придется съехать на обочину и самому повязать Ричи галстук, – скорее всего, он в последний раз надевал его на первое причастие, – но в конце концов парень справился – ну, более-менее.

– Круто выгляжу, да? – спросил он, наклонив солнцезащитный козырек, чтобы посмотреть в зеркало.

– Лучше, чем было, – ответил я.

О’Келли оказался прав: галстук ничего не исправил. Галстук-то был что надо – шелковый, темно-бордовый, в тонкую полоску, – но кто-то умеет носить хорошие вещи, а другим это просто не дано. Росту в Ричи пять футов девять дюймов, причем в прыжке, он весь из углов, ноги тонкие, плечи узкие, выглядит лет на четырнадцать, хотя в личном деле сказано, что ему тридцать один. Считайте меня предвзятым, но я с одного взгляда понял, из какого он района Дублина. Это очевидно: слишком короткие неопределенного цвета волосы, острые черты лица, подпрыгивающая беспокойная походка, и одним глазом он словно высматривает опасность, а другим – все, что не прикручено. На парне этот галстук казался краденым.

Ричи нерешительно потер его пальцем:

– Симпатичный. Потом верну.

– Оставь себе. А при случае купи еще несколько.

Он мельком покосился на меня и, кажется, хотел что-то ответить, но сдержался.

– Спасибо.

Мы выехали на набережную и направлялись к шоссе М-1. С моря вдоль Лиффи дул сильный ветер, заставляя пешеходов пригибаться. Когда мы застряли в пробке – какой-то баран на внедорожнике не заметил или наплевал, что не успевает проскочить перекресток, – я достал телефон и отправил сообщение своей сестре Джералдине: “Джери, СРОЧНО выручай. Выдерни Дину с работы КАК МОЖНО СКОРЕЕ. Если начнет ныть, что потеряет день, скажи, что я компенсирую. Не волнуйся, насколько я знаю, с ней все нормально, но пусть пару дней побудет у тебя. Позвоню позже. Спасибо”.

Шеф прав: через пару часов Брокен-Харбор наводнит пресса. Дина – младшая в семье, и мы с Джери по-прежнему ее опекаем. Когда сестренка услышит про эту историю, она должна быть в безопасном месте.

Ричи тактично не замечал того, что я уткнулся в телефон, и изучал маршрут на экране навигатора.

– Едем за город, да? – спросил он.

– В Брайанстаун. Слышал о нем?

Он покачал головой:

– Судя по названию, один из новых поселков.

– Точно. На побережье. Раньше там была деревня Брокен-Харбор, но, похоже, с тех пор ее застроили.

Баран на внедорожнике наконец убрался с дороги, и пробка рассосалась. Один из плюсов экономического кризиса: половина автовладельцев сидит дома, и те из нас, кому действительно нужно ехать по делам, теперь могут добраться до места назначения.

– Скажи, что самое страшное ты видел на службе?

Ричи пожал плечами:

– Я сто лет работал на трассе, еще до транспортного отдела. Видел всякую жуть. Аварии.

Все они так считают. Когда-то я и сам так думал.

– Нет, сынок. Ничего ты не видел. Ты просто невинный ягненок. Да, вовсе не весело, когда некий урод не сбавляет скорость на повороте и сбивает ребенка, однако это цветочки. Смотреть на детский труп с разбитым черепом, зная, что какой-то мудака долбил этого ребенка головой о стену, пока он не перестал дышать, – совсем другое. Пока что ты имел дело только с несчастными случаями, а теперь сможешь взглянуть на то, что люди творят друг с другом умышленно. Разные вещи, поверь.

– А что там, куда мы едем? Ребенок?

– Семья – отец, мать и двое детей. Женщина, возможно, еще выкарабкается. Остальные уже покойники.

Его руки вяло лежали на коленях. Я впервые видел Ричи совершенно неподвижным.

– Господи Иисусе. Сколько лет детям?

– Пока неизвестно.

– Что с ними случилось?

– Похоже, зарезали. У них дома – скорее всего, вчера вечером.

– Жесть! Нет, ну просто охренеть... – Лицо Ричи исказила гримаса.

– Точно. И к тому времени, когда мы приедем на место, ты уже должен это переварить.

Правило номер один, можешь записать: никаких эмоций на месте преступления. Считаю до десяти, читай молитвы, тупо шути – все что угодно. Если нужен совет, как справиться с чувствами, спрашивай сейчас.

– Я в порядке.

– Надеюсь. Там сестра жены, и твои переживания ее не интересуют. Ей надо знать, что у тебя все под контролем.

– У меня все под контролем.

– Хорошо. На, почитай.

Я протянул ему отчет о вызове и дал тридцать секунд на то, чтобы просмотреть текст. Сосредоточившись, Ричи сразу стал выглядеть старше и умнее.

– Когда доберемся, что выяснишь у патрульных в первую очередь? – спросил я, выждав.

– Про оружие. Найдено ли оно на месте преступления?

– А почему не о наличии следов взлома?

– Взлом кто угодно мог симитировать.

– Давай без обиняков, – сказал я. – Под кем угодно ты подразумеваешь Патрика или Дженнифер Спейн?

Он чуть поморщился – и я заметил это только потому, что внимательно наблюдал за ним.

– Всех, у кого был доступ, – родственников, друзей. Всех, кого они бы впустили.

– Но ты ведь думал не про них, а про Спейнов.

– Да, наверное.

– Так бывает, сынок, и незачем это отрицать. То, что Дженнифер Спейн выжила, делает ее главной подозреваемой. С другой стороны, в подобных случаях это, как правило, отец: женщины убивают только детей и себя, а вот мужчины – всю семью. В любом случае обычно никто не пытается имитировать взлом. О подобных ухищрениях они уже не думают.

– И все-таки это мы можем выяснить сами, когда приедут криминалисты. Полагаться на слова патрульных не будем. А вот насчет оружия я хотел бы узнать сразу.

– Молодец. Да, это главный вопрос. А о чем ты в первую очередь спросишь сестру?

– О том, кто мог желать зла Дженнифер Спейн. Или Патрику Спейну.

– Разумеется, но об этом мы будем спрашивать всех, кого найдем. А о чем ты хочешь спросить именно Фиону Рафферти?

Он покачал головой.

– Ни о чем? Лично мне очень интересно услышать, что она там делала.

– Тут сказано... – Ричи поднял отчет, – они созванивались каждый день. Она не смогла дозвониться.

– И что? Ричи, подумай. Допустим, обычно они созваниваются часов в девять, когда муженьки уже на работе, а дети в школе...

– Или когда женщины сами на работе. Может, они тоже работают.

– Дженнифер Спейн не работала, иначе сестра сказала бы: “Ее нет на работе”, а не “Я не смогла дозвониться”. Итак, Фиона звонит Дженнифер около девяти, самое раннее в полдевятого – до этого обе заняты утренними заботами. А в десять тридцать шесть, – я постучал по листку, – она уже в Брайанстауне и звонит в полицию. Не знаю, где живет и работает Фиона Рафферти, но Брайанстаун находится в добром часе езды от цивилизации. Иными словами, из-за того, что Дженнифер часок не берет трубку, – *максимум* часок, а может, и того меньше – Фиона впадает в такую панику, что бросает все и мчится к черту на рога. Не слишком ли бурная реакция? Не знаю, как ты, а я бы с удовольствием разобрался, почему она так разволновалась.

– Может, ей не час ехать. Может, она просто живет по соседству и решила провести сестру.

– Тогда зачем ехать на машине? Если пешком не дойти, значит, она живет слишком далеко – и, следовательно, ведет себя странно. А вот и правило номер два: странное поведение – это подарок, и нельзя выпускать его из рук, пока не развернешь. Здесь тебе не транспортный отдел, Ричи. У нас не говорят: “Да ерунда какая-то, наверняка в тот день ей просто захотелось почудить. Забей”. Никогда так не рассуждай.

Повисла напряженная пауза, означавшая, что разговор еще не окончен.

– Я хороший детектив, – сказал Ричи наконец.

– Уверен, когда-нибудь ты станешь отличным детективом, но пока что тебе еще учиться и учиться.

– Для этого необязательно носить галстук.

– Приятель, тебе не пятнадцать лет, – сказал я. – Прикид гопника еще не делает тебя страшной угрозой буржуям. Ты просто выглядишь как идиот.

Ричи потеревил тонкую ткань своей рубашки и сказал, тщательно подбирая слова:

– Я знаю, что большинство парней из отдела не из моего района. У них родители фермеры или учителя. Я понимаю, что я для вас белая ворона.

Зеленые глаза Ричи твердо смотрели на меня в зеркало заднего вида.

– Неважно, откуда ты родом. Происхождение не выбирают, так что даже не думай об этом. Важно то, куда ты двигаешься. И вот это, друг мой, уже зависит от тебя.

– Знаю. Я же здесь, так?

– И моя задача – помочь тебе пойти дальше. Один из способов выбрать направление – вести себя так, словно ты уже прибыл. Улавливаешь?

Ричи выглядел растерянным.

– Ну смотри: почему мы едем на “БМВ”?

Он пожал плечами:

– Потому что вам нравится эта тачка.

Я снял ладонь с руля и ткнул в Ричи пальцем:

– То есть ты решил, что машина нравится моему эго. Не обманывай себя, все не так просто. Ричи, мы не магазинных воришек ловим, убийцы – крупная рыба. Прикатить на место преступления в побитой десятилетней “тойоте” – значит проявить неуважение, показать, что жертвы не заслуживают лучшего. Людей это напрягает. Ты же не хочешь начинать на такой ноте?

– Нет.

– Вот именно, что нет. Вдобавок в старой побитой “тойоте” мы будем выглядеть неудачниками. Это важно, дружище, – и не только для моего эго. Если преступники увидят неудачников, то подумают, что они круче нас, и их труднее будет сломать. Если неудачников увидят хорошие люди, то решат, что таким ни за что не раскрыть преступление, а значит, и помогать не стоит. И если мы сами по утрам будем видеть в зеркале пару неудачников, что станет с нашими шансами на победу?

– Наверное, их станет меньше.

– В точку! Если хочешь добиться успеха, Ричи, ты не должен выглядеть как неудачник. Понимаешь?

Он коснулся узла на своем новом галстуке.

– Проще говоря, нужно лучше одеваться.

– Нет, сынок, тут нет ничего простого. Правила придуманы не зря – и об этом нужно помнить, прежде чем их нарушать.

Я выехал на пустое шоссе и позволил “БМВ” проявить себя во всей красе. Я знал, что еду точно с разрешенной скоростью, ни на милю быстрее; Ричи поглядывал на спидометр, но помалкивал – вероятно, думал о том, какой я зануда. Так многие считают, однако все они подростки – если не по возрасту, то по уровню развития. Только подросток может считать, что скука – это плохо. Взрослые, те, кто кое-что повидал на своем веку, знают, что скука – дар небесный. У жизни в рукаве достаточно потрясений, которые обрушиваются на тебя в самый неожиданный момент, так что нагнетать драму вовсе необязательно. Скоро Ричи поймет это на собственном опыте.

* * *

Я фанат масштабной застройки. Если хотите, можете винить в рецессии застройщиков, их прикормленных банкиров и политиков, но факт остается фактом: если бы они не мыслили на перспективу, мы бы до сих пор выкарабкивались из предыдущего кризиса. Как по мне, многоэтажка, под завязку набитая жильцами, которые каждое утро идут на работу, поддерживают страну на плаву, а вечером возвращаются домой в уютные гнездышки, куда лучше, чем поле, приносящее пользу разве что паре коров. Людские поселения все равно что акулы: перестав двигаться, они погибают. Однако у каждого из нас есть место, которое, как нам нравится думать, никогда не изменится.

Когда-то я, тощий паренек с самопальной стрижкой и в заштопанных джинсах, знал Брокен-Харбор как свои пять пальцев. Нынешние детки, выросшие во времена экономического бума, привыкли проводить каникулы под солнышком, уж две недели на Коста-дель-Соль – это самый минимум. Но мне сорок два, и наше поколение довольствовалось малым: несколько дней в арендованном трейлере на берегу Ирландского моря – и ты круче всех.

В то время Брокен-Харбор был захолустьем: дюжина раскиданных домов, в которых с незапамятных времен обитали семейства с фамилиями типа Уиланы или Линчи, лавка “У Линча”, паб “Уилан” да парковка для трейлеров. Короткая пробежка босиком по осыпавшимся песчаным дюнам между зарослей тростника – и ты на пляже. Каждый июнь мы проводили там две недели в ржавом четырехместном трейлере, который отец бронировал за год вперед. Нам с Джери доставались верхние койки, а Дине приходилось спать внизу, напротив родителей. Джери по праву старшинства могла занять любое место, но всегда выбирала сторону, обращенную к полю, чтобы смотреть на пасущихся пони. Поэтому первое, что я видел каждое утро, – это сверкающие под рассветным солнцем белые полосы морской пены и длинноногие птицы, скачущие по песку.

Ни свет ни заря мы трое, зажав в руках куски хлеба с сахаром, убегали на пляж, где целыми днями играли в пиратов с детьми из других трейлеров, покрывались веснушками и облезали от соленой воды, ветра и редких солнечных лучей. К чаю мама жарила на походной плитке яичницу с сосисками, а потом отец отправлял нас в магазин Линча за мороженым. Когда мы возвращались, мама уже сидела у отца на коленях, положив голову ему на плечо, и мечтательно улыбалась, глядя на воду. Он наматывал ее волосы на свою свободную руку, чтобы морской ветерок не сдувал их в ее мороженое. Я весь год ждал, чтобы увидеть родителей такими.

Как только мы свернули на проселок, с задворок моей памяти, словно выцветший набросок, начал всплывать маршрут: проехать мимо этой рощи – деревья уже вымахали, – за изгибом в каменной стене повернуть налево... Но если раньше с низкого зеленого холма открывался вид на воду, сейчас откуда ни возмись навстречу вырос поселок и, словно баррикада, преградил нам путь: за высокой оградой из шлакобетонных блоков – ряды черепичных крыш и белых фасадов, казалось тянувшиеся на мили в обоих направлениях. При въезде – щит, на котором яркими затейливыми буквами, каждая размером с мою голову, написано: “Добро пожаловать в Оушен-Вью в Брайанстауне. Новое слово на рынке жилья премиум-класса. Роскошные дома открыты для просмотра”. Поперек надписи кто-то нарисовал большой красный член с яйцами.

На первый взгляд Оушен-Вью выглядел довольно симпатично: большие дома (нечто осязаемое за ваши деньги), подстриженные полосы газонов, старомодные указатели: “Детский сад «Самоцветы»”, “Развлекательный центр «Бриллиант»”. Второй взгляд – сорняки, щербатые тротуары. Третий взгляд – что-то не так.

Дома были слишком похожи друг на друга. Даже у тех, что были отмечены кричащими красно-синими знаками с торжествующей надписью “Продано”, никто не покрасил входную дверь в какой-нибудь отстойный цвет, не расставил на подоконниках цветочные горшки и не разбросал по лужайке пластмассовые детские игрушки. Кое-где были припаркованы автомобили, но большинство подъездных дорожек пустовало – причем совершенно не похоже, что жильцы разъехались поддерживать экономику. Три четверти домов просматривались насквозь – через голые окна, выходящие на другую сторону, проглядывали серые лоскуты неба. По тротуару, толкая перед собой коляску, шла крупная молодая женщина в красном анорাকে, волосы ее раздувал ветер. Казалось, она и ее круглолицый ребенок – единственные люди на несколько миль вокруг.

– Иисусе, – сказал Ричи. В тишине его голос прозвучал так громко, что мы оба вздрогнули. – Деревня проклятых.

В отчете о вызове значилось: “Проезд Оушен-Вью, 9”, и название имело бы смысл, будь Ирландское море океаном или если бы его отсюда было видно. Навигатор, похоже, столкнулся с непосильной задачей: привел нас проездом Оушен-Вью в тупик, кончавшийся рощей Оушен-Вью, которая заслуживала главный приз, поскольку там не было ни одного дерева, и сообщил: “Вы прибыли в место назначения. До свидания”.

Я развернул машину и принялся искать. Мы словно смотрели фильм задом наперед: чем дальше мы продвигались вглубь поселка, тем больше дома напоминали чертежи. Вскоре они превратились в беспорядочные наборы из стен и строительных лесов – с зияющими дырами вместо окон и отсутствующими фасадами, открытые взгляду комнаты, заваленные сломанными стремянками, трубами и плесневеющими мешками с цементом. За каждым поворотом я ожидал увидеть толпу строителей, занятых работой, но нам повстречался лишь накренившийся старый желтый экскаватор на пустыре, среди развороченной грязи и холмиков выкопанной земли.

Здесь никто не жил. Я попытался вернуться к въезду, но поселок был выстроен наподобие старых лабиринтов из живой изгороди – сплошные тупики и крутые повороты, – и мы почти сразу заблудились. Я ощутил легкий укол паники. Терпеть не могу терять ориентиры.

На перекрестке я притормозил – рефлекторно, вряд ли кто-то выскочил бы мне под колеса, – и во внезапной тишине мы услышали утробный рокот моря. Ричи вскинул голову:

– Что это?

Короткий, истошный, надрывный вопль повторялся снова и снова, настолько регулярно, что казался механическим. Он разносился через вскопанную землю и бетон и отскакивал от незаконченных стен, так что мог исходить откуда угодно или отовсюду. Насколько я мог судить, этот вопль и гул моря были единственными звуками в поселке.

– Готов поспорить, что это сестра, – сказал я.

Ричи глянул на меня так, словно я вешаю ему лапшу.

– Это лиса или какой-то еще зверь. Может, ее переехала машина.

– А я-то думал, ты тертый калач, повидал изнанку жизни. Готовься, Ричи, тебя ждут неизгладимые впечатления.

Я опустил окно и поехал на звук. Несколько раз эхо сбило меня с курса, но дом мы узнали с первого взгляда. С одной стороны проезда Оушен-Вью аккуратно, словно костяшки домино, парами стояли чистенькие белые дома с эркерами, а с другой тянулись строительные леса и валялся мусор. Между костяшками, над стеной поселка, шевелились обрывки серого моря. Перед некоторыми домами стояли одна-две машины, а у одного – целых три: белый хэтчбек “вольво”, на котором не хватало только надписи “Семейный”, выдавший виды желтый “фиат-сеиченто” и полицейский автомобиль. Вдоль низкой садовой ограды была натянута сине-белая оградительная лента.

Я не шутил, когда говорил Ричи, что в нашем деле важно все – даже то, как открываешь дверцу автомобиля. Еще прежде, чем я скажу первое слово свидетелю или подозреваемому, он должен понять: прибыл Мик Кеннеди и у него все схвачено. Кое в чем мне повезло: я симпатичный (уж поверьте на слово), высокий, еще не облысел, и мои волосы по-прежнему на девяносто девять процентов каштановые. Все это располагает в мою пользу, а остальное добыто ценой опыта и многолетнего усердного труда. Я до последней секунды не сбрасывал скорость, потом ударил по тормозам, одним махом выскочил из машины, прихватив портфель, и быстрым энергичным шагом направился к дому. Однажды Ричи научится не отставать.

Один из полицейских неуклюже сидел на корточках рядом со своей машиной и пытался успокоить человека на заднем сиденье, который, безусловно, и был источником воплей. Второй нервно расхаживал перед воротами, сцепив руки за спиной. Воздух – свежий, сладко-соленый, отдающий морем и полями – был холоднее, чем в Дублине. Среди строительных лесов и голых балок вяло посвистывал ветер.

Тот, что расхаживал, был моего возраста, уже с брюшком. Вид у него был такой, словно его пришибли пыльным мешком, – очевидно, прослужил лет двадцать, не сталкиваясь ни с чем подобным, и надеялся спокойно прослужить еще столько же.

– Патрульный Уолл. У машины патрульный Мэллон, – сказал он.

Ричи с щенячьим дружелюбием протянул ему руку.

– Детектив-сержант Кеннеди и детектив Курран, – представил нас я, прежде чем Ричи начал набиваться Уоллу в друзья. – Вы заходили в дом?

– Только когда приехали, но сразу вышли и позвонили вам.

– Верное решение. Теперь рассказывайте в подробностях, что делали, от входа до выхода.

Патрульный бросил взгляд на дом, словно не мог поверить, что всего пару часов назад прибыл именно сюда.

– Нас вызвали проверить, все ли в порядке, – сестра жилицы волновалась. Мы подъехали к дому в начале двенадцатого и попытались связаться с жильцами, звоня в дверь и по телефону, однако ответа не получили. Следов взлома не заметили, но, когда заглянули в переднее окно, увидели, что на первом этаже горит свет, а в гостиной беспорядок. Стены...

– Через минуту мы сами увидим этот беспорядок. Продолжайте. – Нельзя, чтобы кто-то подробно описывал тебе место преступления, на котором ты еще не был, иначе увидишь то же, что и он.

– Ладно. – Патрульный моргнул, помолчал, собираясь с мыслями. – В общем, так. Мы хотели обойти дом, но, сами видите, тут и ребенку не протиснуться. (И правда: расстояния между домами едва хватало для ограды.) Мы рассудили, что беспорядок и беспокойство сестры – достаточное основание для взлома входной двери. Мы обнаружили...

Он переминался с ноги на ногу, стараясь не выпускать из виду дом, будто тот – свернувшийся клубком зверь, в любую секунду способный броситься в атаку.

– Мы вошли в гостиную, не нашли ничего существенного – беспорядок, но... Затем мы проследовали на кухню и обнаружили мужчину и женщину, лежащих на полу. Выглядело так, что обоих зарезали. Одна рана на лице женщины была отчетливо видна мне и патрульному Мэллону и напоминала ножевую. Она...

– Это решат врачи. Что вы сделали потом?

– Мы были уверены, что оба мертвы. Там море крови. Множество... – Уолл несколько раз клюнул свое туловище сложенными вместе пальцами. Да, не просто так некоторые так и остаются патрульными. – Мэллон все равно проверил у них пульс – на всякий случай. Женщина лежала вплотную к мужчине, как будто прижалась к нему и заснула... ее голова... голова лежала у него на руке... И тут Мэллон сказал, что у нее прощупывается пульс. Мы никак не ожидали... Он сам был в шоке, поверил, только когда услышал, как она дышит. Тогда мы вызвали “скорую”.

– А пока вы ждали?

– Мэллон остался с женщиной. Разговаривал с ней. Она была без сознания, но... он просто говорил ей, что все нормально, что мы из полиции, что “скорая” уже едет и чтоб она держалась... Я поднялся наверх. В задних спальнях... Там, в кроватках, двое маленьких детей – мальчик и девочка. Я попробовал сердечно-легочную реанимацию. Они... они были холодные, застывшие, но я все равно попробовал. Подумал – после того, что случилось с матерью, кто знает, может, они еще... – Уолл безотчетно провел руками по передней части куртки, словно пытался отмыться. Я не стал делать ему выволочку за порчу улики: его поступок был вполне естествен. – Бесполезно. Убедившись в этом, я вернулся в кухню к Мэллону, и мы позвонили вам и все такое.

– Женщина приходила в сознание? Говорила что-нибудь? – спросил я.

Он покачал головой.

– Она не двигалась. Мы думали, она вот-вот умрет, и поэтому постоянно проверяли... – Он снова вытер руки.

– Рядом с ней в больнице есть наши люди?

– Мы позвонили в участок, чтобы кого-нибудь прислали. Наверное, одному из нас следовало поехать с ней, но надо было оградить место преступления, а ее сестра, она... Сами слышите.

– Вы ей сообщили.

Родственников я стараюсь извещать сам. Первая реакция бывает весьма красноречива.

– Прежде чем войти, мы велели ей подождать снаружи, но оставить с ней было некого, – виновато сказал Уолл. – Она довольно долго там стояла, потом зашла в дом. Мы были с жертвой, ждали вас, а когда ее заметили, она была уже на пороге кухни. Она стала кричать. Я вывел ее, но она сопротивлялась... Пришлось мне все рассказать, иначе она бы рвалась внутрь, пока мы не наденем на нее наручники.

– Ладно, сделанного не поправишь. Что было дальше?

– Я остался с сестрой. Мэллон с жертвой дождался “скорую”, потом вышел.

– Не обыскав дом?

– Я еще раз зашел, когда он вышел побыть с сестрой. Сэр, Мэллон был весь в крови, не хотел разнести ее повсюду, а я поверхностно осмотрел дом, просто чтобы убедиться, что там никого нет. То есть живых. Мы решили, что тщательный обыск проведете вы и криминалисты.

– Вот это я одобряю. – Я взглянул на Ричи и приподнял бровь.

Парнишка уловил намек и тут же спросил:

– Оружие нашли?

Полицейский покачал головой.

– Но, возможно, оно и там – под телом мужчины или где угодно. Я же говорю – мы старались без необходимости ничего не трогать на месте преступления.

– А как насчет записки?

Снова покачивание головой.

Я кивнул в сторону полицейского автомобиля:

– Как сестра?

– Время от времени нам удавалось немного ее успокоить, но каждый раз... – Патрульный нервно оглянулся через плечо на машину. – Медики хотели дать ей седативное, но она отказалась. Можем их вернуть, если...

– Нет, все верно. Не хочу, чтобы ее накачивали успокоительными, пока мы с ней не поговорили. Мы сейчас осмотрим место преступления. Остальная команда уже в пути. Если придет судмедэксперт, может подождать здесь, но парней из морга и криминалистов не подпускайте, пока мы не потолковали с сестрой: один взгляд на них – и она действительно слетит с катушек. Ну а в остальном... пусть она остается здесь, соседи – у себя, и, если подтянутся зеваки, держите их на расстоянии. Ясно?

– Супер. – Полицейский был так рад сбыть с рук это дело, что сплясал бы и танец маленьких утят, если бы я его попросил. Ему явно не терпелось добраться до местного паба и залпом опрокинуть двойной виски.

А я сейчас не хотел находиться нигде, кроме как в этом доме.

– Перчатки, – велел я Ричи. – Бахилы.

Свои я уже вынимал из кармана. Он вытащил все необходимое, и мы пошли по подъездной дорожке. Протяжный рокот и шипение моря разом приблизились и встретили нас, словно приветствие или вызов. За нами, будто удары молота, по-прежнему раздавались вопли.

2

На месте преступления мы не одни. Пока криминалисты не дадут добро, нам туда доступ заказан. До тех пор всегда находятся другие дела: свидетелей нужно опросить, выживших – уведомить о гибели близких, и ты занимаешься всем этим, каждые тридцать секунд смотришь на часы и борешься с яростной тягой зайти за оградительную ленту. На сей раз было иначе: полицейские и медики уже затоптали все что можно, и мы с Ричи ничего бы не испортили, быстро осмотрев дом Спейнов.

Это было весьма кстати – если Ричи не выдерживает тяжелых зрелищ, неплохо было бы узнать об этом сейчас, без чужих глаз. К тому же если выпадает шанс увидеть место преступления без посторонних, его нельзя упускать. Там, словно заключенное в янтаре, тебя ждет само преступление – целиком, до последней душераздирающей секунды. Плевать, если кто-то прибрался, спрятал улики, попытался инсценировать самоубийство, – янтарь сохранит и это, но как только начинается обработка, все пропадает – остаются только наши люди, копошащиеся на месте преступления и деловито разбирающие его на части отпечаток за отпечатком, нить за нитью. Этот шанс казался подарком, добрым предзнаменованием в деле, где я больше всего в нем нуждался. Я поставил телефон на беззвучный режим. Скоро многие захотят со мной связаться, но им придется подождать, пока я обойду место преступления.

Приоткрытая на несколько дюймов дверь дома покачивалась под дуновением ветерка. С виду она казалась дубовой, но когда полицейские высадили замок – вероятно, с одного удара, – выяснилось, что внутри у нее какая-то труха, явно нечто переработанное. Сквозь щель виднелся черно-белый ковер с геометрическим узором – последняя мода и наверняка высокий ценник.

– Это всего лишь предварительный обход, – сказал я Ричи. – Серьезный осмотр подождет до тех пор, пока криминалисты все не зафиксируют. Сейчас ничего не трогаем, стараемся ни на что не наступать, ни на что не дышать – составляем общее представление, с чем имеем дело, и выходим. Готов?

Ричи кивнул. Я толчком открыл дверь, нажав кончиком пальца на расщепленный край.

Моя первая мысль: если этот коп считает, что здесь беспорядок, у него обсессивно-компульсивное расстройство. Полутемный коридор был идеально прибран: сияющее зеркало, верхняя одежда аккуратно висит на стойке, запах лимонного освежителя. Стены чистые, на одной акварель – что-то зеленое и безмятежное с коровами.

Вторая мысль: у Спейнов есть сигнализация. Навороченная современная панель благо-разумно спрятана за дверью, индикатор светится желтым.

Потом я увидел дыру в стене. Кто-то задвинул ее телефонным столиком, но она была слишком большая, и сбоку все равно виднелся зазубренный полумесяц. Тогда-то я и почувствовал тонкую, как игла, вибрацию, начинавшуюся в висках и двигавшуюся вниз по костям в барабанные перепонки. Некоторые детективы чувят это загривком, у кого-то встают дыбом волосы на руках – я знаю одного бедолагу, у которого реагирует мочевого пузырь, что весьма неудобно, – но так или иначе это чувство испытывают все стоящие детективы. Лично у меня гудят кости черепа. Называйте это как хотите – социальная девиантность, психологическое расстройство, внутренний зверь, даже зло – если вы в него верите, – в общем, то, с чем мы боремся всю жизнь. Если оно рядом, распознать его присутствие не поможет самая лучшая подготовка в мире. Ты либо чувствуешь, либо нет.

Я коротко взглянул на Ричи: он морщился и облизывал губы, словно съевший тухлятину зверь. У него ощущения возникают во рту, и ему придется научиться это скрывать, но по крайней мере он тоже чувствует.

Слева от нас была полуоткрытая дверь – гостиная. Прямо – лестница и кухня.

На обустройство гостиной не пожалели времени. Коричневые кожаные диваны, изящный кофейный столик из стекла и хромированного металла. По причинам, понятным только женщинам и дизайнерам интерьеров, одна стена выкрашена в масляно-желтый цвет. Вид обжитой: хороший большой телевизор, игровая приставка, несколько блестящих гаджетов, полочка с книгами в мягкой обложке, еще одна – с DVD и играми, на полке газового камина – свечи и фотографии блондинистого семейства. Все это должно было создавать ощущение уюта, если бы не покоровившиеся полы, пятна сырости, низкие потолки и неправильные пропорции. Они сводили на нет все, что было создано с такой любовью и заботой, из тесной мрачной комнаты хотелось поскорее выйти.

Занавески почти полностью задернуты – только щелка, в которую заглянули полицейские. Торшеры включены. Что бы тут ни произошло, это случилось ночью, – по крайней мере, кто-то хотел, чтобы я так думал.

В стене над газовым камином была дыра размером примерно с обеденную тарелку. Еще одна, побольше, – рядом с диваном. В темноте смутно виднелись трубы и беспорядочные провода.

Ричи старался не дергаться, но я чувствовал, что у него дрожит колено. Ему хотелось, чтобы эти неприятные минуты поскорее закончились.

– В кухню, – сказал я.

Сложно было поверить, что ее и гостиную проектировал один и тот же человек. Кухня – она же столовая и комната для игр – тянулась вдоль всей задней части дома и состояла преимущественно из стекла. Снаружи был все такой же серый день, а здесь глаза моргали от ослепительного света, какой бывает только у моря. Никогда не понимал радости показывать соседям, что у вас на завтрак, – мне по нраву тюлевые занавески, и неважно, в моде они или нет, – но, увидев этот свет, я почти изменил свое мнение.

За аккуратным садиком стояли еще два ряда недостроенных домов, сурово и уродливо громоздящихся на фоне неба; свисающая с голой балки пластиковая растяжка громко хлопала на ветру. За ними – стена поселка, а еще дальше, за свалкой досок и цемента, там, где земля уходила вниз, – вид, которого я ждал весь день, с тех самых пор, как мой голос произнес: “Брокен-Харбор”. Гладкий, плавный изгиб залива, с обеих сторон окаймленный низкими холмами; мягкий серый песок, тростник, гнувшийся под чистым ветром, там и сям у линии воды – пичуги. И море – беспокойное, зеленое, мускулистое – поднялось мне навстречу. Груз того, что находилось с нами в кухне, накренил мир, всколыхнул воду, и она словно готова была вот-вот обрушиться на блестящее стекло.

Те же заботливые руки, которые примоднили гостиную, эту комнату сделали веселой и уютной. Длинный стол из светлого дерева, подсолнечно-желтые стулья; компьютер на таком же желтом деревянном столике; цветные пластмассовые игрушки, кресла-мешки, меловая доска. Карандашные рисунки в рамках на стенах. В комнате порядок – особенно учитывая, что в ней играли дети. Кто-то прибрался здесь вечером, который для всех четверых стал последним.

Не комната, а просто мечта риелтора – только вот невозможно представить, кто теперь захочет здесь жить. Во время отчаянной борьбы стол опрокинули, угол столешницы угодил в окно, и на стекле трещина, разбегающаяся огромной звездочкой. В стенах снова дыры, одна высоко над столом, другая, большая, – за перевернутым замком из “лего”. Все вокруг усыпано крошечными белыми шариками, вывалившимися из распоротого кресла-мешка; на полу валяются кулинарные книги, блестят осколки разбитой рамки с рисунком. Всюду кровь: брызги на стенах, безумные перекрестия капель и отпечатков ног на кафельном полу, широкие мазки на окнах, запекшиеся сгустки, впитавшиеся в желтую обивку стульев. В нескольких дюймах от моих ног разорванный пополам ростомер с картинкой – мультяшный ребенок, взбирающийся по бобовому стеблю с большими листьями. Надпись “Эмма 17.06.09” почти не видна под свернувшейся кровью.

Патрик Спейн лежал ничком на полу в дальнем конце комнаты, там, где устроили игровую зону, среди кресел-мешков, мелков и книжек с картинками. Он был в покрытой высохшими темными пятнами пижаме – синяя рубашка и штаны в бело-синюю полоску. Одна рука согнута под телом, другая вытянута над головой, лицо повернуто к нам: очевидно, до последней секунды он пытался ползти, добраться до детей – причину можете выбрать сами. Светловолосый, высокий и широкоплечий парень; судя по телосложению, когда-то, возможно, играл в регби, а теперь уже начинал расплываться. Чтобы напасть на него, нужна немалая сила, ярость или безбашенность. Кровь в растекшейся из-под его груди луже загустела и потемнела. По всему полу – чудовищная сеть мазков, отпечатков ладоней и полос. Из этого хаоса выходили путанные переплетающиеся следы и направлялись в нашу сторону, но исчезали на полпути, словно оставившие их окровавленные люди растворились в воздухе.

Слева от трупа лужа крови расширялась, ярко поблескивала. Надо будет уточнить у полицейских, но можно с уверенностью предположить, что именно здесь они нашли Дженнифер Спейн. Либо она приползла, чтобы умереть, обнимая мужа, либо он остался лежать рядом, когда покончил с ней, либо кто-то позволил им умереть вместе.

Я простоял на пороге дольше, чем необходимо. Когда впервые попадаешь на место преступления, не сразу получается уложить в голове увиденное – внутренний мир отрывается от внешнего, чтобы защититься; твои глаза открыты, но до сознания доходят только красные полосы и сообщение об ошибке. За нами никто не наблюдал, поэтому Ричи мог не торопиться. Я отвел от него взгляд.

Сквозь какую-то щель в заднюю часть дома ворвался порыв ветра и разлился вокруг нас, словно холодная вода.

– Иисусе, – сказал Ричи, поежившись. Он был бледнее, чем обычно, но говорил без дрожи в голосе и пока что держался на ура. – Пробрало до костей. Из чего эта хибара? Из туалетной бумаги?

– Не ворчи. Чем тоньше стены, тем вероятнее, что соседи что-то слышали.

– Если у них есть соседи.

– Будем надеяться. Готов идти дальше?

Он кивнул. Мы оставили Патрика Спейна на его светлой, обдуваемой сквозняками кухне и пошли наверх.

На втором этаже было темно. Я открыл портфель и достал фонарик; скорее всего, полицейские уже захватили все своими жирными лапами, но прикасаться к выключателям все равно нельзя – возможно, кто-то включил или выключил свет намеренно. Я зажег фонарик и толкнул ближайшую дверь носком ботинка.

Очевидно, на каком-то этапе информацию переврали, потому что Джека Спейна – курного мальчика с длинноватыми, светлыми, выющимися волосами – не кромсали. После кровавого месива на первом этаже его комната действовала почти умиротворяюще. Ни капли крови, ничто не сломано, не перевернуто. Мальчик лежал на спине, руки вскинута над головой, словно целый день играл в футбол, а потом рухнул на кровать и заснул. Мне почти захотелось прислушаться к его дыханию, однако все становилось ясно по лицу. Он казался загадочно спокойным, такой вид бывает только у мертвых детей: тонкие веки крепко зажмурены, как у нерожденного младенца, будто, заметив смертельную опасность, дети прячутся назад, вглубь, в самое первое безопасное место.

Ричи издал негромкий звук, словно кот, пытающийся выблевать комок шерсти. Я обвел фонариком комнату, давая ему время собраться. Стены пересекала пара трещин, но никаких дыр, если только их не закрывали постеры: Джек болел за “Манчестер Юнайтед”.

– У тебя дети есть? – спросил я.

– Нет. Пока нет.

Он говорил вполголоса, как будто боялся разбудить Джека Спейна или вызвать у него кошмары.

– У меня тоже, – сказал я. – И в такие дни это к лучшему. Став отцом, ты даешь слабину. Бывает, что детектив крут как скала, после вскрытия может обедать стейком с кровью, а потом жена рождает спиногрыза – и вот парень уже раскисает, если жертве меньше восемнадцати. Сто раз такое видел – и всегда благодарю Бога за контрацептивы.

Я снова направил луч фонарика на кровать. У моей сестры Джери есть дети, и я часто с ними вижусь, так что мог прикинуть возраст Джека Спейна – года четыре, может, три, если он был крупным ребенком. Проводя свою безуспешную реанимацию, патрульный откинул одеяло; красная пижамка вся перекрутилась, обнажив хрупкую грудную клетку. Я даже видел вмятину там, где сломалась пара ребер, – надеюсь, это произошло в ходе непрямого массажа сердца.

Губы ребенка посинели.

– Удушение? – спросил Ричи, стараясь справиться с голосом.

– Придется подождать вскрытия, но похоже на то, – ответил я. – Если причина смерти подтвердится, можно будет предположить, что это сделали родители. Они часто предпочитают нежные способы – если, конечно, такое слово вообще здесь уместно.

Я по-прежнему не смотрел на Ричи, но чувствовал, что он еле сдерживается, чтобы не поморщиться.

– Идем искать дочь, – сказал я.

В соседней комнате тоже ни дыр в стенах, ни следов борьбы. Когда полицейский отчаялся вернуть Эмму Спейн к жизни, он снова накрыл ее розовым одеялом – ведь она девочка. Эмма такая же курносая, как брат, но кудри у нее песочно-рыжие, а все лицо в веснушках, выделяющихся на фоне голубоватой кожи. Рот приоткрыт, и виден зазор на месте переднего зуба. Она была старшим ребенком в семье – лет шести-семи. Комната принцессы – розовая, в рюшах и оборках; на кровати гора подушек с вышитыми большеглазыми котятками и щенятами. Выхваченные фонариком из темноты, рядом с маленьким пустым лицом девочки они походили на падальщиков.

Я не смотрел на Ричи, пока мы не вернулись на лестничную площадку.

– Заметил в обеих комнатах что-нибудь необычное?

Даже в полумраке он выглядел словно жертва тяжелого пищевого отравления. Ричи пришлось дважды сглотнуть, прежде чем он смог сказать:

– Крови нет.

– В точку.

Я толкнул дверь ванной фонариком. Полотенца сочетающихся цветов, пластиковые игрушки для ванны, шампуни и гели для душа, сверкающая белая сантехника. Если здесь кто-то мылся, то чрезвычайно аккуратно.

– Попросим криминалистов опрыскать пол люминолом, поискать следы, но если мы ничего не упускаем, то либо убийц было несколько, либо убийца сначала разделался с детьми. Нельзя прийти сюда после той кровавой резни, – я кивнул вниз, в сторону кухни, – и ничего не заляпать кровью.

– Это дело рук кого-то из своих, да? – спросил Ричи.

– Почему?

– Если я псих и хочу перебить всю семью, то с детей начинать не стану. Вдруг родители услышат и заглянут их проведать, когда я занят делом? Я и ахнуть не успею, как мамочка с папочкой отметелят меня будь здоров. Не-е, я подожду, пока все уснут, а потом перво-наперво расправлюсь с самыми опасными целями. Отсюда я начну только в одном случае, – Ричи дернул уголок рта, но удержал себя в руках, – если знаю, что мне не помешают. Значит, убийца – один из родителей.

– Верно. Версия далеко не окончательная, однако на первый взгляд выглядит все именно так. Заметил, что еще указывает на них?

Он покачал головой.

– Входная дверь. Там два замка, “чабб” и “йель”, и, пока полицейские ее не вышибли, она была закрыта на оба. Дверь не просто затворили за собой, а заперли на два ключа. Кроме того, я не заметил ни одного открытого или разбитого окна. Если кто-то влез в дом – или Спейны сами его впустили, – то как он выбрался наружу? Опять же версия не окончательная: окно могло быть незаперто, ключи могли украсть, у кого-то из друзей или знакомых мог быть запасной комплект – и все это нужно проверить. Однако факт весьма показательный. С другой стороны... – Я указал фонариком: над самым плинтусом на лестничной площадке виднелась еще одна дыра размером с книгу карманного формата. – Откуда в стенах такие повреждения?

– В ходе борьбы. После... – Рот Ричи снова дернулся. – После смерти детей, иначе они бы проснулись. Сдается мне, кто-то отчаянно отбивался.

– Может, и отбивался, но дыры в стенах появились не вчера вечером. Прочисти голову и посмотри еще раз. Объяснишь, почему это так?

Постепенно зеленая бледность на лице Ричи уступила место выражению глубокой сосредоточенности, которое я уже видел в машине.

– Вокруг дыр нет крови, а на полу – кусков штукатурки, – сказал он чуть погодя. – Даже пыли нет. Кто-то прибрался.

– Правильно. Возможно, убийца или убийцы – по своим причинам – задержались и хорошенько все пропылесосили. Но доказательств у нас пока нет, поэтому самое вероятное объяснение: дыры были проделаны по крайней мере пару дней назад, а может, и гораздо раньше. Есть идеи, откуда они взялись?

Теперь, когда Ричи приступил к работе, он выглядел лучше.

– Строительные проблемы? Сырость, осадка... А может, кто-то чинил неисправную проводку... В гостиной сырость – видели состояние пола и пятно на стене? Вдобавок по всему дому трещины – не удивлюсь, если проводка тоже накрылась. Весь поселок – настоящая свалка.

– Может быть. Позовем строительного инспектора, пусть посмотрит. Но, если честно, только очень хреновый электрик оставил бы дом в таком состоянии. Другие объяснения в голову не приходят?

Ричи втянул воздух сквозь зубы и задумчиво посмотрел на дыру в стене.

– Если навскидку, – сказал он, – то, кажется, здесь что-то искали.

– Согласен. Иной раз прячут оружие или драгоценности, но обычно это старая добрая наркота или наличка. Попросим криминалистов поискать следы наркотиков.

– А дети? – возразил Ричи, дернув подбородком в сторону комнаты Эммы. – Родители хранили что-то, из-за чего их могли убить? Хотя в доме *дети*?

– Мне казалось, Спейны возглавляют твой список подозреваемых.

– Это другое. Если человек рехнулся, он каких только дикостей не натворит. Такое с каждым может случиться. Но кило герыча за обоями, где его могут найти дети, – такого просто не бывает.

Снизу раздался скрип, и мы оба резко обернулись, но это просто входная дверь раскачивалась на ветру.

– Да ладно тебе, сынок, – сказал я. – Я такое сотни раз видел, да и ты сам наверняка тоже.

– Не в таких семьях.

Я поднял брови:

– Не думал, что ты сноб.

– Не, я не про сословия. Смотрите – дом ведь в порядке, понимаете? Везде чисто, даже за сортиром, все подобрано в тон, даже специи на полочке не просрочены. Эта семья старалась жить *как надо*. А мутные делишки... Это на них не похоже.

– Прямо сейчас – нет, но не забывай: мы ни хрена не знаем об этих людях, кроме того, что они убрали в доме, по крайней мере иногда, и что их убили. Уж поверь, второе гораздо важнее. Пылесосить может каждый, но убивают не всех.

Ричи, благослови Господь его невинное сердечко, устремил на меня взгляд, полный скепсиса и праведного возмущения.

– Многие жертвы убийств никогда в жизни не делали ничего опасного.

– Некоторые – да, но многие? Ричи, друг мой, открою тебе грязную тайну твоей новой работы. Ты не слышал о ней ни в интервью, ни в документалках, потому что мы держим ее при себе: большинство жертв получили по заслугам.

Ричи открыл рот.

– Конечно, к детям это не относится, – добавил я. – Детей мы сейчас не обсуждаем, но взрослые... Если толкаешь дурь на территории, принадлежащей другому отморозку, если выходишь замуж за прекрасного принца после того, как из-за него четыре раза валялась в реанимации, если пыряешь ножом парня, потому что его брат зарезал твоего друга за то, что тот зарезал его кузена, то, извини за неполиткорректность, ты просто нарываешься. Знаю, приятель, в полицейском колледже такому не учат, но в реальном мире убийство на удивление редко вторгается в жизнь людей. В девяноста девяти случаях из ста они сами открывают дверь и приглашают его войти.

Ричи переступил с ноги на ногу. Гуляющий по лестнице сквозняк охлаждал щиколотки, гремел дверной ручкой комнаты Эммы.

– Не понимаю, как кто-то мог на такое напроситься, – сказал Ричи.

– Я тоже – по крайней мере, пока. Но если Спейны жили, как Уолтоны², то кто проломил им стены? И почему они не вызвали ремонтников? Может, не хотели, чтобы кто-то узнал, чем один из них – или оба – тут занимаются?

Ричи пожал плечами.

– Ты прав – возможно, это тот самый единственный случай из сотни, – сказал я. – Не будем делать поспешных выводов. Если Спейны ни в чем не замешаны, нам тем более нельзя ошибиться.

Спальня Патрика и Дженнифер, как и остальные комнаты, была идеальна – как с картинки. Оформлена под старину – в розовых цветочках, кремовом и золоте. Ни крови, ни следов борьбы, ни пылинки. Над кроватью, на стыке стены и потолка, небольшая дыра.

Две вещи бросались в глаза. Во-первых, одеяло и простыни были смяты и откинуты, словно кто-то только что вскочил с постели. Судя по остальным комнатам, в этом доме не оставляли кровати незастеленными. Когда все началось, один из них точно спал.

Во-вторых, прикроватные столики. На каждом маленький светильник с кремовым абажуром, украшенным кисточками, оба светильника выключены. На дальнем столике – пара баночек, крем для лица или что-то подобное, розовый мобильный телефон и книга в розовой обложке с напечатанным завитушчатыми буквами названием. Ближний столик завален гаджетами: два белых устройства, похожих на рации, два серебристых мобильного – оба поставлены на док-станции – и еще три незанятые зарядки, тоже серебристые. Насчет раций я был не уверен, но пять мобильных бывает только у крутых брокеров и у наркоторговцев, а этот дом не похож на жилище брокера. На секунду я подумал, что кусочки головоломки начинают складываться воедино. И тут:

– Иисусе! – Ричи вскинул брови. – Немного чересчур, да?

– В смысле?

– Радионяни. – Он кивнул на столик Патрика.

– Это радионяни?

---

² “Уолтоны” – американский телесериал о крепком добропорядочном семействе из сельской местности.

– Ага. У моей сестры дети. Белые транслируют звук, а те, что похожи на телефоны, – это видео, чтобы смотреть, как дети спят.

– Прямо как в “Большом брате”. – Я провел по гаджетам лучом фонарика: экраны белых слабо светятся, серебристые отключены. – А сколько их обычно? По одной на ребенка?

– Не знаю про обычно, но у моей сестры трое детей и всего одно устройство, в комнате младенца. Она его включает, когда малыш спит. Когда девочки были маленькие, у нее была только аудионяня – типа этих раций, – но малец родился недоношенным, так что она купила видеоняню, чтобы за ним присматривать.

– Ну, значит, Спейны были не в меру заботливы, раз поставили по радионяне в каждой комнате. – И я должен был их заметить. Это Ричи позволительно отвлечься на душераздирающее зрелище и упустить детали, но я-то не первый год замужем.

Ричи покачал головой:

– Но зачем? Дети достаточно большие – если что, могли сами позвать маму. Да и дом не такой уж огромный, если бы кто-то поранился, вопли было бы слышно.

– Ты узнаешь вторые половины этих нянь, если увидишь? – спросил я.

– Скорее всего.

– Хорошо. Тогда идем их искать.

На розовом комодике Эммы стояла круглая белая штука, похожая на радиобудильник, – по словам Ричи, аудиомонитор.

– Она слишком взрослая для такой штуки, но, возможно, у родителей был крепкий сон и они боялись не услышать, что она их зовет...

Второй аудиомонитор – на комодике Джека, но видеокамеры мы увидели, только когда снова вышли на лестницу.

– Пусть криминалисты проверят чердак, – сказал я, – на случай, если наш неизвестный искал... – Тут я посветил на потолок и осекся.

Лаз на чердак был на месте, за ним – чернота; луч фонаря осветил прислоненную к чему-то крышку люка и голую балку высоко вверху. Проем кто-то законопатил снизу проволоочной сеткой, не особо заботясь о красоте – рваные концы проволоки, большие шляпки гвоздей торчали во все стороны. В противоположном углу лестничной площадки, высоко на стене, было криво установлено нечто серебристое – я и без Ричи понял, что это видеомонитор. Камера направлена прямо на проем.

– Какого черта? – воскликнул я.

– Крысы? Эти дыры...

– Кто станет устанавливать наблюдение *за крысами*? Достаточно просто закрыть люк и вызвать дератизаторов.

– А потом?

– Не знаю. Может, поставить ловушку на случай, если тварь, которая пробила стены, вернется, чтобы провести второй раунд. Надо предупредить криминалистов, чтобы соблюдали там осторожность. – Я поднял фонарик над головой и посветил им вокруг, пытаюсь разглядеть, что находится на чердаке. Картонные коробки, пыльный черный чемодан. – Посмотрим, что нам дадут остальные камеры.

Вторая камера находилась в гостиной, на стеклянном столике рядом с диваном, и была направлена на дыру над камином; маленький красный индикатор говорил о том, что она включена. Третья закатилась в угол кухни, засыпанный шариками из распоротого кресла-мешка, и была направлена в пол, но по-прежнему подключена к розетке – она до последнего передавала изображение. Устройство для просмотра наполовину завалилось под плиту – я заметил его еще в первый раз, но принял за телефон, – а еще одно – под кухонный стол. Никаких следов последнего монитора и еще двух камер.

– Попросим криминалистов, чтобы искали остальное, – сказал я. – Хочешь еще разок на что-то взглянуть или зовем их?

Ричи замялся.

– Сынок, это вопрос без подвоха.

– А. Ясно. Нет, с меня хватит.

– С меня тоже. Пошли.

По дому пронесся еще один порыв ветра, и на сей раз мы оба вздрогнули. Я был на многое готов, чтобы не показать этого юному Ричи, но место начинало действовать мне на нервы. Дело было не в детях и не в крови – как я сказал, ни то ни другое меня не пугает, – а в дырявых стенах, в немигающих камерах, в огромных окнах и в остовах домов, которые таращились на нас, словно голодные звери, кружащие вокруг теплого костра. Я напомнил себе, что видел вещи и похуже и не парился, но вибрации в черепе говорили: “Это дело особенное”.

3

Прозаический маленький секрет: работа в отделе убийств наполовину состоит из управления людьми. Стажеры представляют себе волка-одиночку, который рыщет, повинуюсь чутью, но на практике парни, не умеющие работать в команде, в конечном счете переводятся в отдел спецопераций. Даже в мелком расследовании, а это расследование обещало быть отнюдь не мелким, задействованы оперативники, спецы по связям со СМИ, криминалисты, судмедэксперт – да много кто еще. И вам надо сделать так, чтобы они каждую секунду держали вас в курсе событий, никто никому не мешал и все работали согласно вашему единому плану, потому что ответственность лежит на вас. Застывшая тишина внутри янтаря закончилась: не успели мы выйти из дома, и нескольких шагов не сделали, а уже пора было разбираться с людьми.

Купер, судмедэксперт, с недовольным видом торчал за воротами, постукивая пальцами по своему чемоданчику. Впрочем, ничего другого ожидать не приходилось: даже в лучшие моменты Купер – угрюмый гаденыш, а со мной и подавно не любезничает. Я ему ничего не сделал, однако он почему-то меня невзлюбил, а уж если заносчивые ублюдки вроде Купера кого-то невзлюбили, то будут третировать его по полной программе. Хоть одна опечатка в запросе – и он заставляет переписывать заново, и о срочности можно забыть: все мои дела, неотложные и не очень, ждут своей очереди.

– Детектив Кеннеди, – сказал он, раздувая ноздри, словно от меня воняло. – Позвольте спросить: я что, похож на собаку?

– Нисколько. Доктор Купер, это детектив Курран, мой напарник.

На Ричи он даже не взглянул.

– Рад это слышать. В таком случае почему меня не пускают в дом?

Должно быть, все время ожидания он сочинял этот каламбур.

– Прошу прощения, – сказал я. – Вероятно, произошло недоразумение. Я, конечно, никогда не позволил бы себе тратить ваше время. Не станем вам мешать.

Купер окинул меня уничтожающим взглядом, давая понять, что его на такое не купишь.

– Будем надеяться, – сказал он, – что вы не слишком затоптали место преступления. – С этими словами он, поддвигивая перчатки, проскользнул мимо меня в дом.

Моих летунов пока не видно. Один из патрульных по-прежнему вертелся возле машины, в которой сидела сестра жертвы. Второй стоял на дороге, разговаривая с кучкой парней из двух белых фургонов – криминалистами и работниками морга.

– Что будем делать теперь? – спросил я у Ричи.

Как только мы вышли из дома, Ричи снова задержался – крутил головой по сторонам, оглядывая дорогу, небо, окрестные дома, барабанил пальцами по бедрам. Услышав вопрос, он подобрался.

– Отправим внутрь криминалистов?

– Конечно, но что ты собираешься делать, пока они работают? Если мы будем болтаться здесь и спрашивать: “Ну что, готово?” – то даром потратим и свое время, и их.

Ричи кивнул.

– Я бы поговорил с сестрой.

– А не хочешь для начала проверить, не расскажет ли нам что-нибудь Дженни Спейн?

– Я подумал, что она еще не скоро сможет с нами поговорить. Даже если...

– Даже если выживет. Ты, скорее всего, прав, но не стоит принимать это как данность.

У нас все должно быть под контролем.

Я уже набирал номер. Связь была такая, словно мы во Внешней Монголии, чтобы появился сигнал, пришлось дойти до конца дороги, где заканчивались дома. Я долго переключу-

чался на разных людей, прежде чем добрался до врача, к которому попала Дженнифер Спейн, и убедил его, что я не репортер. Судя по голосу, врач был молодой и чертовски уставший.

– Она пока жива, но обещать ничего не могу. Сейчас она в операционной, если не умрет на столе, тогда у нас будет более четкое понимание.

Я включил громкую связь, чтобы Ричи слышал наш разговор.

– Можете описать ее ранения?

– Я провел лишь беглый осмотр. Не уверен...

Морской ветер унес его голос, нам с Ричи пришлось склониться над телефоном.

– Мне нужно только общее представление, – сказал я. – Позже ее все равно осмотрит наш врач, а пока я просто хочу узнать, что с ней – стреляли в нее, душили, топили или еще что.

Вздых.

– Поймите, это только предварительное мнение. Я могу ошибаться.

– Понял.

– Ладно. В общем, ей повезло, что она еще жива. У нее четыре ранения в живот – по моему, ножевые, но это решать вашему эксперту. Два из них глубокие, однако похоже, что ни один важный орган или сосуд не задет, иначе она бы истекла кровью еще до того, как попала сюда. На правой щеке сквозная рана – очевидно, резаная. Если женщина выживет, ей потребуются значительное количество пластических операций. Кроме того, она получила тупую травму затылка – на рентгене микротрещина и субдуральная гематома, – но, судя по рефлексам, есть неплохие шансы, что мозг не поврежден. Повторяю, ей очень повезло.

Скорее всего, это был последний раз, когда кто-то сказал “повезло” в отношении Дженнифер Спейн.

– Это все?

Я услышал, как он что-то глотнул – надо думать, кофе – и подавил зевок.

– Извините. Возможно, есть какие-то незначительные повреждения, но я их не искал – моей первоочередной задачей было доставить ее в операционную, пока не поздно, а кровь могла скрыть какие-то порезы и ушибы. Но больше никаких тяжелых травм у нее нет.

– Признаки сексуального насилия?

– Как я сказал, у меня были другие задачи. Во всяком случае, я не заметил ничего, что на это указывало бы.

– Что на ней было надето?

Наступила короткая пауза – очевидно, врач подумал, что ошибся и выболтал лишнего какому-то особому извращенцу.

– Желтая пижама. Больше ничего.

– В больнице должен быть полицейский. Положите, пожалуйста, пижаму в бумажный пакет и передайте ему. Если возможно, укажите, кто к ней прикасался.

Вот и еще парочка аргументов в пользу того, что Дженнифер Спейн – жертва: женщины не уродуют себе лицо и уж точно не станут убивать себя в пижаме. Они надевают свои лучшие платья, тщательно наносят макияж и выбирают способ, который, по их мнению – почти всегда ошибочному, – позволит им выглядеть красивыми и умиротворенными. Они воображают, будто боль растает и останется лишь холодный светлый покой. Где-то на задворках своего разрушающегося сознания они полагают, что им будет неприятно, если их обнаружат не при параде. Большинство самоубийц на самом деле не верят, что смерть необратима. Наверное, как и мы все.

– Пижаму мы ему уже отдали. Список я составлю, как только будет время.

– Она приходила в сознание?

– Нет. Я же говорю, вполне вероятно, что она уже не очнется. После операции прогноз прояснится.

– Если она выживет, когда, по-вашему, мы сможем с ней поговорить?

Вздых.

– Об этом можно только гадать. Травмы головы непредсказуемы.

– Спасибо, доктор. Сообщите мне, если произойдут какие-то изменения в ее состоянии?

– Постараюсь. С вашего позволения, я должен...

Он дал отбой. Я тут же набрал администратора нашего отдела Бернадетту и поручил ей проследить, чтобы мне как можно скорее достали банковские выписки и распечатки звонков Спейнов. Когда я отключился, телефон зажужжал: три голосовых сообщения – кто-то не смог дозвониться из-за хреновой связи. О'Келли уведомлял, что выбил мне еще пару оперативников, знакомый журналист умолял – тщетно – дать ему эксклюзив, и, наконец, Джери. Дошли только обрывки слов: “Мик, не могу... тошнит каждые пять минут... не могу выйти из дома, даже для... все нормально? Позвони, когда...”

– *Черт*, – вырвалось у меня.

Дина работает в центре, в кулинарном магазинчике. Я попытался прикинуть, через сколько часов вернусь в город и какова вероятность, что за это время никто рядом с ней не включит радио.

Ричи вопросительно наклонил голову.

– Ничего, – сказал я.

Звонить Дине было бессмысленно, она ненавидит телефоны, а больше и некому. Я быстро вздохнул и постарался отогнать беспокойство.

– Идем. Криминалисты нас заждались.

Ричи кивнул. Я убрал телефон, и мы отправились беседовать с людьми в белом.

Главный инспектор сдержал слово: из бюро прислали Ларри Бойла, фотографа, чертежника и еще парочку людей. Бойл – пухлый круглолицый чужак, увидев которого, вы решите, что дома у него есть специальная комната, доверху набитая странными журналами, аккуратно расставленными в алфавитном порядке, зато на месте преступления он действует безупречно и вдобавок наш лучший эксперт по брызгам крови. А мне требовалось и то и другое.

– Ну наконец-то, – сказал Бойл, уже облачившийся в белый комбинезон с капюшоном. Перчатки и бахилы он держал в руке. – Кто это тут у нас?

– Мой новый напарник Ричи Курран. Ричи, это Ларри Бойл из отдела криминалистики. Будь с ним поласковее. Мы его любим.

– Хватит заигрывать, сначала посмотрим, пригожусь ли я тебе, – отмахнулся Ларри. – Что внутри?

– Отец и двое детей, все мертвы. Мать увезли в больницу. Дети наверху – их, видимо, задушили. Взрослые внизу – их, похоже, зарезали. Кровавых брызг там столько, что тебе на месяц хватит.

– Прелестно.

– И не говори потом, что я ничего для тебя не делаю. Помимо прочего, я хочу знать как можно больше о последовательности событий – на кого напали первым, где, сколько жертвы двигались, как проходила борьба. Насколько нам показалось, наверху крови нет, и это может быть важно. Проверишь?

– Без проблем. Другие пожелания будут?

– В этом доме творилось что-то очень странное, причем задолго до вчерашней ночи. В стенах куча дыр, и я понятия не имею, кто их проделал и зачем. Если найдешь какие-нибудь зацепки – отпечатки пальцев или еще что, – будем очень благодарны. Вдобавок там полно радионянь – судя по зарядкам на прикроватном столике, по крайней мере две аудио и пять видео, а может, и больше. Зачем они нужны, неизвестно, и пока что мы нашли только три камеры: на лестничной площадке, на столе в гостиной и на кухонном полу. Я бы хотел, чтобы их все сфотографировали. И еще надо найти оставшиеся две камеры или сколько их там. То

же с устройствами для просмотра – два заряжаются, два на полу в кухне, так что по меньшей мере одного не хватает.

– М-м-м, – с наслаждением протянул Ларри. – До чего же интере-е-сно. Слава богу, что на свете есть ты, Снайпер. Еще один передоз, и я бы умер со скуки.

– Вообще-то не исключено, что случившееся как-то связано с наркотиками. Ничего определенного, но мне бы очень хотелось знать, есть ли в доме наркота – и была ли раньше.

– О господи, только не это. Мы возьмем пробу со всего, что может представлять интерес, но я буду счастлив, если результаты окажутся отрицательными.

– Мне нужны их мобильники и любые финансовые документы. Кроме того, на кухне стоит компьютер, в нем тоже надо покопаться. И хорошенько осмотрите для меня чердак, ладно? Мы туда не поднимались, но странности, которые творились в доме, как-то связаны с чердаком. Сами увидите.

– Так-то лучше, – радостно сказал Ларри. – Обожаю странности. Ну, мы пойдем?

– Там, в полицейской машине, сестра пострадавшей. Мы собираемся с ней поболтать. Подождете еще минутку, пока мы ее не уведем? Не хочу, чтобы она видела, как вы входите, а то как бы рассудком не тронулась.

– Да, я нередко так действую на женщин. Не вопрос – побудем здесь, пока не дашь зеленый свет. Удачи, мальчики.

Он помахал нам на прощанье бахилами, и мы пошли к сестре.

– Он не будет так веселиться, когда побывает в доме, – хмуро сказал Ричи.

– Будет, сынок. Еще как будет.

* * *

Я не жалею никого, с кем пересекаюсь по работе. Жалость – это прекрасно, она дает почувствовать себя охренительно чудесным парнем, но тем, кого жалеешь, от нее ни холодно ни жарко. Причитая над их страданиями, ты теряешь концентрацию, слабеешь – и в одно прекрасное утро не сможешь встать с постели и пойти на работу. Пользы от этого никому не будет. Я трачу время и силы на то, чтобы найти ответы; объятия и горячий шоколад не по моей части.

Но если кого и стоит пожалеть, так это родственников жертв. Как я и говорил Ричи, девяноста девяти процентам жертв жаловаться не на что: они получили именно то, на что нарывались, – зато члены семьи примерно с той же вероятностью очутились в этом аду совершенно незаслуженно. Я не разделяю мнение о том, что во всем виновата мамочка, если малыш Джимми стал торчком и торговцем героином и по тупости решил кинуть собственного поставщика. Может, она и не помогла ему самореализоваться, но у меня тоже было небезоблачное детство, и что – я получил две пули в затылок от разъяренного наркобарона? Нет, пару лет ходил к психоаналитику, чтобы эти проблемы меня не тормозили, а тем временем жил обычной жизнью, потому что я взрослый человек и сам управляю своей жизнью. Если однажды утром мне отстрелят башку, значит, поделом, но по касательной это зацепит и мою ни в чем не повинную семью.

* * *

Беседуя с родней жертв, я особенно внимательно слежу за собой. Ничто так не сбивает с верного курса, как сострадание.

Утром, когда Фиона Рафферти вышла из дома, ее, скорее всего, можно было назвать привлекательной. Мне нравятся более высокие и ухоженные, но у нее красивые ноги и копна роскошных волос, хотя Фиона и не потрудилась привести их в порядок, хотя бы перекрасить из невзрачного мышино-бурого в более эффектный цвет. Однако сейчас она выглядела ужасно:

опухшее красное лицо в потеках соплей и туши, заплаканные глаза стали маленькими, как у поросенка. Она утирала лицо рукавами красного пальто – что ж, по крайней мере, перестала выть.

Полицейский тоже казался изрядно вымотавшимся.

– Нам нужно поговорить с мисс Рафферти, – сказал я. – Может, вернетесь в участок и попросите прислать кого-нибудь, чтобы ее отвезли в больницу, когда мы закончим?

Он кивнул и попятился. Я услышал вздох облегчения.

Ричи опустился на одно колено рядом с машиной.

– Мисс Рафферти? – мягко, словно врач, позвал он.

Возможно, Ричи даже перестарался с учтивостью: коленом он угодил прямиком в грязную колею. Теперь все будут думать, будто он путается в собственных ногах, однако сам он, похоже, ничего не заметил.

Фиона Рафферти медленно и неуверенно подняла голову. Со стороны она была похожа на слепую.

– Я вам очень соболезную.

Через секунду ее подбородок немного наклонился – она еле заметно кивнула.

– Принести вам что-нибудь? Воды?

– Мне нужно позвонить маме. Как я... О боже, *дету!* Я не могу сказать ей...

– Вас отвезут в больницу, – сказал я. – Кто-нибудь предупредит вашу мать, чтобы она встретила вас там, и поможет поговорить с ней.

Она меня не слышала – ее мысли уже унеслись прочь и срикошетили куда-то еще.

– С Дженни все в порядке? С ней все будет в порядке, да?

– Мы на это надеемся. Как только что-нибудь узнаем, сразу же вам сообщим.

– Мне не разрешили поехать с ней на “скорой”... Мне нужно быть с ней. Что, если она...

Мне нужно...

– Понимаю, – сказал Ричи. – Но врачи за ней присмотрят. Эти ребята знают, что делают. Вы бы только путались у них под ногами. Вы ведь этого не хотите?

Ее голова качнулась из стороны в сторону: нет.

– Нет. В любом случае мы очень надеемся на вашу помощь. Нам нужно задать вам несколько вопросов. Как думаете, вы сможете сейчас на них ответить?

Она открыла рот и судорожно вдохнула.

– *Нет.* Господи, вопросы... Я не могу... Я хочу домой. *Я хочу к маме.* О боже, я хочу...

Она снова была на грани истерики. Ричи отстранился, успокаивающе вскинул ладони.

– Мисс Рафферти, если хотите ненадолго заехать домой, а с нами побеседовать позже, мы не станем вас удерживать, – ловко вставил я, пока Ричи ее не отпустил. – Выбор за вами. Но с каждой минутой шансы найти того, кто это сделал, падают. Улики уничтожаются, воспоминания свидетелей тускнеют, а убийца, возможно, уходит все дальше. Думаю, вам стоит иметь это в виду, прежде чем вы примете решение.

Взгляд Фионы прояснился.

– Если я... Вы можете его упустить? Если я свяжусь с вами позже, он скроется?

Я крепко взял Ричи за плечо, отодвинул его из ее поля зрения и прислонился к дверце машины.

– Верно. Как я и сказал, выбор за вами, но лично я не хотел бы жить с таким грузом.

Ее лицо исказилось, и на секунду мне показалось, что мы ее потеряли, но она сильно прикусила щеку и собралась.

– Ладно, ладно, я могу... Ладно. Я просто... Дадите мне пару минут? Я покурю, а потом отвечу на все ваши вопросы.

– Думаю, вы приняли правильное решение, мисс Рафферти. Не торопитесь, мы подождем.

Она вылезла из машины – неуклюже, словно после операции – и, пошатываясь, побрела по дороге мимо скелетообразных домов. Я проводил ее взглядом. Она села на недостроенную стену спиной к нам и закурила.

Я показал Ларри большие пальцы. Он радостно помахал и заковылял к дому, натягивая перчатки. Остальные криминалисты последовали за ним.

Дешевая курточка Ричи не рассчитана на сельские холода, он прыгал на месте, сунув ладони под мышки, и пытался делать вид, что не замерз.

– Собирался отправить ее домой? – вполголоса спросил я.

Ричи дернул головой от неожиданности.

– Ну да, – настороженно ответил он. – Я подумал...

– Не думай. Только не об этом. Отпускать свидетеля или нет, решаю я, а не ты, понял?

– Мне показалось, что она вот-вот сорвется.

– И что? Это не значит, что можно ее отпускать, детектив Курран. Это значит, что она должна собраться. Ты чуть не запарол допрос важного свидетеля.

– Как раз этого я и старался избежать. Лучше подождать несколько часов, чем расстроить ее настолько, что она не станет говорить с нами до завтра.

– Нет, так не пойдет. Если нужно, чтобы свидетельница заговорила, найди способ ее разговаривать, и точка. Нельзя отправлять ее домой, чтобы она попила чаю с печеньем и вернулась когда ей будет угодно.

– Я посчитал, что должен дать ей выбор. Она только что потеряла...

– А я что, наручники на нее надел? Дай девушке выбор, ради бога, но сделай так, чтобы она выбрала то, что нужно тебе. Правило номер три, четыре, пять и еще десяток: на этой работе нельзя плыть по течению – его нужно направлять. Я ясно выразился?

– Да. Прошу прощения, детектив-сержант. Сэр, – сказал Ричи после паузы.

Скорее всего, в тот момент он меня ненавидел, но с этим я готов был смириться. Мне плевать, если новички используют мои фотографии в качестве мишеней для дартса, лишь бы не навредили делу или своей карьере.

– Это больше не повторится?

– Нет. То есть да, вы правы. Не повторится.

– Хорошо. Тогда приступим к допросу.

Ричи спрятал подбородок в воротник куртки и с сомнением посмотрел на Фиону Рафферти. Девушка совсем сникла – голова опустилась почти до колен, в пальцах повисла забытая сигарета. Издали она казалась красной тряпкой, которую смяли и за ненадобностью выбросили в мусор.

– Думаете, она выдержит?

– Без понятия. Это не наша проблема, лишь бы отложила нервный срыв до конца допроса. Идем.

Я не оглядываясь двинулся по дороге и секунду спустя услышал хруст гравия – Ричи спешил следом.

Фиона немного собралась: время от времени по ее телу все еще пробегала дрожь, но руки уже не тряслись, и тушь с лица она стерла, пусть и полой рубашки. Я отвел ее в один из недостроенных домов – подальше от резкого ветра и Ларри с его ребятами, – усадил на штабель шлакоблоков и дал еще одну сигарету. Я не курю и никогда не курил, но всегда держу в портфеле пачку: лучший способ поладить с курильщиком, как и с любым другим наркоманом, – дать ему взятку в его собственной валюте. Я сел рядом с Фионой, а Ричи – на подоконник, за моим плечом, чтобы наглядно учиться ведению допроса и делать записи, не привлекая к себе внимания. Условия не идеальные, но мне случалось работать и в худших.

– Может, вам нужно еще что-нибудь? – спросил я, давая ей прикурить. – Свитер? Глоток воды?

Фиона уставилась на сигарету – крутила ее в пальцах и делала быстрые неглубокие затяжки. Все ее мышцы были напряжены – к концу дня она почувствует себя так, словно пробежала марафон.

– Ничего не надо. Можем просто закончить с этим поскорее? Пожалуйста!

– Без проблем, мисс Рафферти. Мы понимаем. Для начала расскажите мне о Дженнифер.

– Дженни. Имя “Дженнифер” ей не нравилось, она считала его каким-то чопорным... Ее всегда звали Дженни – с самого детства.

– Кто из вас старше?

– Она. Мне двадцать семь, ей двадцать девять.

Я думал, что Фиона еще моложе, отчасти из-за комплекции – невысокая, худенькая, с острыми, мелкими, неправильными чертами лица, – но отчасти и из-за такой студенческой неряшливости в одежде. В дни моей молодости девушки одевались так и после окончания колледжа, но сейчас, как правило, наряжаются помоднее. Судя по дому Спейнов, Дженни наверняка побольше заботилась о своей внешности.

– Кто она по профессии?

– Пиарщица... то есть была пиарщицей, но после рождения Джека сидит дома с детьми.

– Разумно. По работе не скучает?

Фиона попыталась покачать головой, но была настолько зажата, что дернулась, словно в судороге.

– Вряд ли. Дженни нравилась работа, но она не особенно амбициозна. Она знала, что не сможет вернуться, если они заведут второго ребенка – пришлось бы оплачивать садик обоим детям, и от ее зарплаты оставалось бы евро двадцать в неделю, – но они все равно решили завести Джека.

– Проблемы на работе? Может, она с кем-то не ладила?

– Нет. Лично мне казалось, что девушки в той компании настоящие стервы – вечно ехидничали, если кто-то пару дней не обновлял искусственный загар, а когда Дженни забеременела, называли ее “Титаник” и советовали *сесть на диету*. Но Дженни не принимала это близко к сердцу... Она не любит разборок, понимаете? Скорее отмолчится. Она всегда считает... – Фиона с шипением втянула воздух сквозь зубы, словно от физической боли. – Она всегда считает, что в конце концов все будет хорошо.

– А как насчет Патрика? Он ладит с людьми?

Подгоняй их, заставляй прыгать с одной темы на другую, не давай им времени посмотреть вниз. Если они упадут, то могут уже не подняться.

Она резко повернулась ко мне, распахнув опухшие серо-голубые глаза.

– Пэт... Господи, вы же не думаете, что это он! Пэт никогда, никогда...

– Знаю. Скажите...

– Откуда вы знаете?

– Мисс Рафферти, – я подпустил суровости в голос, – вы хотите нам помочь?

– Конечно, я...

– Хорошо. Тогда сосредоточьтесь. Чем скорее вы ответите на наши вопросы, тем скорее мы сможем ответить на ваши. Договорились?

Фиона дико озиралась, словно ожидая, что вот-вот проснется и эта комната исчезнет. Нас окружали неровно сложенные голые стены из бетонных блоков; к одной из них, будто опоры, были приставлены две деревянные балки. Стопка перил “под дуб”, покрытая толстым слоем пыли; на полу – расплюснутые пластиковые стаканчики, в углу – грязная, скомканная синяя фуфайка. Мы словно очутились на раскопках, где время замерло в момент, когда археологи побросали все и разбежались, спасаясь от стихийного бедствия или захватчиков. Сейчас Фиона ничего не замечала, но эта картинка отпечатается в ее памяти до конца жизни. Вот одна из подачек, которые убийство бросает родственникам: вы можете забыть и лицо погибшего, и

последние слова, которые он вам сказал, но до мельчайших подробностей запомните место, где находились, когда в вашу жизнь ворвался этот кошмар.

– Мисс Рафферти, – сказал я. – Мы не можем позволить себе терять время.

– Да. Я в порядке. – Она затушила сигарету о шлакоблок и уставилась на окурок так, словно он появился в ее руке из ниоткуда.

– Вот, – тихо сказал Ричи, наклонившись и протянув ей пластиковый стаканчик.

Резко кивнув, Фиона бросила сигарету в стаканчик и сжала его в ладонях.

– Итак, что вы можете сказать о Патрике? – спросил я.

– Он чудесный. – Покрасневшие глаза глянули на меня с вызовом. Даже в таком подавленном состоянии строптивости ей было не занимать. – Мы все из Монкстауна³, с детства гуляли в одной компании и знакомы целую вечность. Пэт и Дженни вместе с шестнадцати лет.

– Какие у них были отношения?

– Они были без ума друг от друга. У остальных романы редко длились больше нескольких недель, но Пэт и Дженни... – Фиона глубоко вздохнула и, задрав голову, уставилась на серое небо, проглядывавшее за пустым лестничным пролетом и кое-как торчащими балками. – Они сразу поняли, что нашли друг друга, даже стали казаться нам как-то взрослее. Остальные просто играли, дурачились, понимаете? А у Пэта и Дженни было все серьезно. Любовь.

Пожалуй, на моей памяти это “серьезно” погубило больше людей, чем любые другие причины и поводы.

– Когда они обручились?

– В девятнадцать лет. В День святого Валентина.

– Довольно рано по нынешним меркам. Как отреагировали ваши родители?

– Они были в восторге! Пэта они любят, просто посоветовали им сначала окончить колледж. Пэт с Дженни были не против и поженились, когда им было двадцать два. Дженни сказала, что дальше откладывать нет смысла – все равно не передумают.

– И как у них сложилось?

– Замечательно! Пэт так относится к Дженни... Он до сих пор светится от радости, когда узнает, что ей чего-то захотелось, потому что обожает делать ей подарки. Когда я была подростком, я *молилась* встретить парня, который полюбит бы меня так, как Пэт – Дженни. Понимаете?

О тех, кого с нами больше нет, еще долго говоришь в настоящем времени. Моя мать умерла, когда я был подростком, но Дина до сих пор то и дело рассказывает, какими духами пользуется мама, какое мороженое любит. Джери это бесит до умопомрачения.

– Они ни разу не поссорились? За тринадцать лет? – спросил я без лишнего скептицизма.

– Я этого не говорила. Ссоры у всех бывают, но они никогда не ссорились по-крупному.

– Из-за чего они ссорятся?

Фиона посмотрела на меня. На ее лицо, затмив остальные эмоции, набежала тень насто-роженности.

– Из-за того же, что и остальные пары. Раньше, например, Пэт злился, если кто-то западал на Дженни. Или однажды Пэт хотел съездить в отпуск, а Дженни считала, что все деньги надо откладывать на покупку дома. Но они всегда находят компромисс. Говорю же, скандалов у них не бывает.

Деньги – единственное, что убивает больше людей, чем любовь.

– Чем занимается Патрик?

– Подбирает сотрудников... то есть подбирал. Он работал в “Нолан и Робертс” – они ищут людей для финансовых компаний, – но в феврале его уволили.

– По какой причине?

---

³ Монкстаун – пригород Дублина.

Плечи Фионы снова напряглись:

– Он ни в чем не виноват, вместе с ним сократили еще несколько человек. В финансовой сфере сейчас мало вакансий, понимаете? Кризис...

– У Патрика были проблемы на работе? Возможно, в связи с увольнением испортились отношения с кем-то из коллег?

– *Нет!* Вы пытаетесь представить все так, будто у Дженни и Пэта всюду враги, будто они постоянно ругаются... А они не такие.

Фиона отодвинулась от меня, выставив перед собой стаканчик, словно щит.

– Именно такая информация мне и нужна, – успокаивающе сказал я. – Я ведь не знаю Пэта и Дженни, вот и пытаюсь составить о них представление.

– Они чудесные. Они нравятся людям. Любят друг друга. Любят детей. Ясно? Этого вам хватит, чтобы составить представление?

На самом деле ничего путного я не узнал, но, очевидно, большего из нее было не вытянуть.

– Абсолютно. Я вам очень признателен. Семья Патрика по-прежнему живет в Монкстауне?

– Его родители умерли, папа – еще когда мы были детьми, мама – несколько лет назад. У него есть младший брат Иэн, он в Чикаго. Позвоните Иэну, спросите про Пэта и Дженни. Он скажет то же самое.

– Не сомневаюсь. Пэт и Дженни хранили в доме какие-нибудь ценности – наличность, ювелирные украшения или еще что-нибудь?

Пока Фиона обдумывала ответ, ее плечи снова немного опустились.

– Обручальное кольцо Дженни – Пэт заплатил за него пару тысяч – и кольцо с изумрудом, которое наша бабушка завещала Эмме. Еще есть довольно новый компьютер, Пэт купил его на выходное пособие. Возможно, за него можно было бы что-то выручить... Эти вещи на месте или украдены?

– Мы проверим. Больше ничего нет?

– У них *нет* ничего ценного. Раньше был большой внедорожник, но его пришлось вернуть – они не смогли платить по кредиту. Ну и есть еще одежда Дженни – пока Пэт не потерял работу, она много на нее тратила, – но кто пойдет на *такое* ради кучи ношенных тряпок?

Я знаю людей, готовых убивать и за меньшее, однако что-то мне подсказывало, что тут причина в другом.

– Когда вы видели их последний раз?

Она задумалась.

– Мы с Дженни встречались в кафе в Дублине – летом, месяца три-четыре назад. А Пэта я целую вечность не видела – с апреля, наверное. Господи, неужели мы так давно...

– А детей?

– Тоже с апреля, как и Пэта. Я приезжала на день рождения Эммы, ей исполнялось шесть.

– Заметили что-нибудь необычное?

– Например?

Голова вскинута, подбородок вздернут – Фиона заняла оборону.

– Все что угодно – может, пришел какой-то необычный гость или вы слышали странный разговор.

– Нет, ничего странного не было. Пригласили кучу одноклассников Эммы, Дженни арендовала надувной замок... О господи, Эмма и Джек... Они оба... Вы уверены, что они оба... Может, один из них просто, просто... просто ранен и...

– Мисс Рафферти, – сказал я вежливо, но твердо, – я уверен, что они не просто ранены. Если что-то изменится, мы сразу же вам сообщим, но прямо сейчас постарайтесь, пожалуйста, не отвлекаться. На счету каждая секунда, помните?

Фиона прижала ладонь ко рту и сглотнула.

– Да.

– Отлично. – Я протянул ей еще одну сигарету и щелкнул зажигалкой. – Когда вы последний раз разговаривали с Дженни?

– Вчера утром. – На этот вопрос она ответила без колебаний. – Я звоню ей каждое утро в полдевятого, как только прихожу на работу. Мы пьем кофе и как бы отмечаемся, всего на несколько минут. Такое у нас начало дня, понимаете?

– Приятная традиция. И какой Дженни была вчера?

– *Нормальной!* Она была совершенно *нормальной!* Богом клянусь, я прокручивала в памяти наш разговор, и в нем не было ничего...

– Верю, – сказал я успокаивающе. – О чем вы говорили?

– Даже не знаю... Так, о том о сем. Одна из моих соседок по квартире играет на бас-гитаре, и у ее группы скоро концерт. Я рассказала Дженни про это, а она – про то, что ищет в интернете игрушечного стегозабра, потому что в пятницу Джек привел какого-то друга из детского сада и они охотились на стегозабра в саду... У нее все было *в порядке*. В *полном порядке*.

– А она сказала бы вам, если бы что-то случилось?

– Думаю, да. То есть я уверена, что Дженни бы мне сказала.

Ее голос звучал совсем не уверенно.

– Вы с сестрой близки?

– Нас же только двое. – Услышав себя, Фиона поняла, что это не ответ. – Да. Мы близки. То есть в подростковом возрасте мы общались больше, а потом наши пути как бы разошлись. И теперь, когда Дженни живет здесь, видаться стало сложнее.

– Как давно они сюда переехали?

– Дом они купили года три назад. (Две тысячи шестой, самый пик строительного бума. Сколько бы они ни заплатили за эту развалюху, сейчас она стоит вдвое меньше.) Но тогда здесь ничего не было, только поля; они купили дом на стадии проекта. Я думала, что они свихнулись, но Дженни была на седьмом небе, она так радовалась, что у них появится собственный дом... – Губы Фионы дрогнули, но она взяла себя в руки. – Примерно через год, когда дом достроили, они переехали.

– А вы? Где вы живете?

– В Дублине. В Рэнела.

– Вы сказали, что снимаете вместе с кем-то квартиру.

– Ага. Я и еще две девушки.

– Чем вы занимаетесь?

– Я фотограф. Пытаюсь устроить выставку, но пока работаю в студии Пьера – помните, он еще участвовал в передаче про элитные ирландские свадьбы? Я обычно занимаюсь детскими фотосессиями или, если у Кита... Пьера... две свадьбы в один день, на одной из них работаю я.

– Сегодня утром у вас была детская фотосессия?

Ей пришлось постараться, чтобы вспомнить, – утро было так далеко от нее.

– Нет. Я разбирала снимки, сделанные на прошлой неделе, – мать ребенка заедет сегодня за альбомом.

– Во сколько вы ушли?

– Примерно в четверть десятого. Один из парней сказал, что сам делает альбом.

– Где находится студия Пьера?

– У Феникс-парка.

По утренним пробкам и в таком драндулете до Брокен-Харбора минимум час.

– Вы волновались за Дженни?

Она снова тряхнула головой, словно от удара током.

– Вы уверены? Немаленькие хлопоты только из-за того, что кто-то не отвечает на звонки. Напряженно пожав плечами, Фиона осторожно поставила стаканчик рядом с собой и стряхнула пепел.

– Я хотела убедиться, что с ней все в порядке.

– А почему что-то вдруг должно быть не в порядке?

– *Потому*. Мы всегда созваниваемся – каждый день, уже много лет. И ведь я оказалась права, верно? Все было не в порядке...

У Фионы задрожал подбородок. Я наклонился к ней, чтобы дать салфетку, и не отодвинулся.

– Мисс Рафферти, мы оба знаем, что причина не только в этом. Вы не стали бы срываться с работы, рискуя вызвать недовольство клиентки, и не потратили бы целый час на дорогу только потому, что сестра сорок пять минут не берет трубку. Может, она слегла с мигренью или потеряла телефон? Может, ее дети заболели гриппом? Вы могли придумать сотню гораздо более правдоподобных причин, но тут же решили, что случилась беда. Почему?

Фиона прикусила губу. В воздухе воняло сигаретным дымом и горелой шерстью – девушка уронила горячий пепел на пальто. От самой Фионы, ее дыхания и кожи исходил прелый горький запах. Интересный факт с передовой: свежее горе пахнет рваной листвой и сло-манными ветками – как зеленый, душераздирающий вопль.

– Это просто пустяк, – сказала она наконец. – Давным-давно, несколько месяцев назад, был один случай. Я и вспомнила-то о нем, только когда...

Я ждал.

– Просто... Однажды вечером она мне позвонила. Сказала, что в доме кто-то побывал.

Я почувствовал, как вскинулся Ричи – словно терьер, готовый броситься за палкой.

– Она сообщила об этом в полицию? – спросил я.

Фиона затушила сигарету и бросила окурочек в стаканчик.

– Вы не понимаете. Сообщать было не о чем – окна не разбиты, замок не выломан, из вещей ничего не пропало.

– Тогда с чего она взяла, что в доме кто-то побывал?

Фиона снова пожала плечами, на этот раз еще более напряженно, и опустила голову.

– Просто ей так показалось. Не знаю.

Я добавил в голос побольше суровости:

– Мисс Рафферти, это может быть важно. Что именно она сказала?

Фиона глубоко, судорожно вздохнула и заправила волосы за ухо.

– Ладно, – сказала она. – Ладно. Ладно. Ну, значит, звонит мне Дженни и спрашивает: “Ты сделала дубликаты наших ключей?” А у меня их ключи были, наверное, *две секунды* – прошлой зимой, когда Дженни и Пэт повезли детей на Канары на неделю и хотели, чтобы кто-то мог войти, вдруг пожар или еще что. Ну я и говорю: “Конечно, нет...”

– А вы их сделали? – спросил Ричи. – Ну, дубликаты?

Фокус удался – он ни в чем не обвинял, а спрашивал словно бы из чистого любопытства. И это замечательно – значит, не придется устраивать ему разнос (по крайней мере, большой) за то, что влез в разговор.

– Нет! Зачем они мне?

Фиона резко выпрямилась. Ричи пожал плечами и смущенно улыбнулся:

– Просто решил уточнить. Я обязан был спросить, понимаете?

Фиона снова обмякла.

– Ну да. Наверное.

– А кто-то другой не мог сделать дубликаты в ту неделю? Вы не оставляли ключи там, где их могли взять ваши соседки или коллеги? Повторяю, задавать вопросы – наша работа.

– Они висели на моем брелоке, но я не держала их в сейфе или еще где. Когда я на работе, ключи у меня в сумке, а дома висят на крючке в кухне. Но никто ведь не знал, что это ключи от дома Дженни. По-моему, я даже никому не говорила, что они у меня.

Тем не менее ее соседкам и коллегам предстоят обстоятельные беседы с полицией – и, само собой, нужно будет навести о них справки.

– Давайте вернемся к телефонному разговору, – сказал я. – Вы ответили Дженни, что не делали дубликаты ключей...

– Да. Дженни говорит: “Ну, так или иначе, у кого-то они есть, а мы давали их только тебе”. Пришлось полчаса убеждать ее, что я без понятия, о чем она толкует, чтобы она хоть объяснила мне, в чем дело. Наконец она говорит, что днем уходила с детьми по магазинам или еще куда, а когда вернулась, заметила, что в доме кто-то побывал. – Фиона начала рвать салфетку, роняя белые клочки на красное пальто. Ладони у нее были маленькие, пальцы тонкие, с обгрызенными ногтями. – Я спрашиваю, как она это поняла, а она отказывается говорить. В конце концов я из нее вытянула, что, мол, занавески раздвинуты как-то неправильно, а еще пропало полпачки ветчины и ручка, которую она держит возле холодильника, чтобы составлять списки покупок. Я такая: “Ты шутишь”, так она чуть трубку не повесила. Ну, я ее успокоила, и как только она перестала на меня наезжать, стало ясно, что она очень напугана. Реально в ужасе. А ведь Дженни не размазня.

Вот одна из причин, по которым я дал втык Ричи за то, что он попытался отложить этот допрос. Разговори свидетеля сразу после того, как рухнул его мир, и он, возможно, будет болтать без умолку, но подожди денек, и он уже начнет восстанавливать разрушенные укрепления – люди действуют быстро, если ставки настолько высоки. Поймай человека сразу после того, как в небе расцвел ядерный гриб, и он выложит все, от любимых жанров порно до прозвища, которым втайне называет своего босса.

– Вполне естественно, – сказал я. – На ее месте любой бы встревожился.

– Да ведь это же *ломтики ветчины* и *ручка*! Вот если бы пропали драгоценности, половина нижнего белья или еще что, тогда, конечно, голову потеряешь. Но это... Я ей сказала: “Ладно, предположим, по какой-то дикой причине кто-то влез к вам в дом. Но это же не Ганнибал Лектер, верно?”

– И как отреагировала Дженни? – быстро спросил я, пока до Фионы не дошло, что она только что сказала.

– Снова обозлилась на меня – мол, главное не в том, что именно он *сделал*, а в том, что теперь она ни в чем не может быть уверена. Например, к чему он прикасался, заходил ли в комнаты детей, рылся ли в их вещах... Мол, будь у них деньги, она бы все детское добро выбросила и новое купила, а то мало ли что. Дженни вдруг стало казаться, что все стоит слегка не на своих местах, что все грязное. Как он проник в дом? *Зачем* он проник в дом? Все это не давало ей покоя. Она повторяла: “Почему мы? Чего он от нас хотел? Мы что, похожи на богачей? В чем дело?”

Внезапно Фиона спрятала лицо в ладонях и наклонилась так, что почти согнулась пополам.

– Хороший вопрос. У них ведь есть сигнализация, не знаете, она была в тот день включена? – невзначай спросил я.

Девушка распрямилась и покачала головой:

– Я спросила, и Дженни сказала нет. Днем она никогда ее не включала, только по ночам, перед сном, но и то потому, что местные подростки устраивают вечеринки в пустых домах и иной раз вытворяют бог знает что. По словам Дженни, днем поселок практически вымирает – ну, вы и сами видите, – так что сигнализация казалась ненужной. Но она сказала, что теперь будет ее включать. И добавила: “Если у тебя есть дубликаты, не пользуйся ими. Я поменяю

код *прямо сейчас*, сигнализация теперь будет работать круглые сутки, и точка”. Говорю же, Дженни очень испугалась.

Но когда полицейские выломали дверь, когда мы четверо расхаживали по ненаглядному домику Дженни, сигнализация была отключена. Очевидное объяснение: Спейны сами открыли дверь убийце, и этого человека Дженни не боялась.

– Она сменила замки?

– Я ее тогда спрашивала, будет ли она их менять. Она колебалась, но в конце концов сказала, что, скорее всего, нет – замки, дескать, встанут в пару сотен, а такие расходы семейный бюджет не потянет. Сигнализации достаточно. Она сказала: “Пускай возвращается, я не против. Я даже почти хочу, чтобы он вернулся, тогда хотя бы станет понятно, что я это не придумала”. Я же говорю, она не трусиха.

– А где в тот день был Патрик? Это произошло до того, как он потерял работу?

– Нет, после. Он уезжал в Атлон на собеседование – тогда у них с Дженни еще были две машины.

– И как он отнесся к этому проникновению?

– Не знаю, она мне не говорила. По-моему... если честно, кажется, она ему ничего не рассказала. Во-первых, она разговаривала со мной вполголоса – возможно, потому, что дети спали, – но в таком большом доме?.. А еще она все время якала: “Я поменяю код, я не смогу уложить это в бюджет, я разберусь с этим парнем, пусть только попадется”. “Я”, а не “мы”.

А вот и еще одна маленькая странность – тот самый подарочек, про который я говорил Ричи.

– Почему она не рассказала Пэту? Казалось бы, если, по ее мнению, в доме побывали чужаки, надо было первым делом сообщить об этом мужу.

Фиона снова пожала плечами и опустила голову.

– Наверное, не хотела его волновать. На него и так слишком много всего навалилось. Думаю, поэтому она и замки не стала менять, иначе пришлось бы объяснять все Пэту.

– Вам не показалось это немного странным – и даже рискованным? Разве он не имеет права знать, что кто-то влез в его дом?

– Возможно, но я-то подумала, что никто к ним не влезал. То есть какое самое простое объяснение? Что Пэт взял ручку и съел долбаную ветчину, а кто-то из детей трогал занавески? Или что к ним проник невидимый взломщик, который умеет проходить сквозь стены и которому захотелось перекусить сэндвичем?

В ее голосе появились напряженные, виноватые нотки.

– Вы так и сказали Дженни?

– Да, более или менее, но стало только хуже. Она совсем разошлась, говорила, что ручка особенная, из отеля, где они провели медовый месяц, и Пэт знал, что ее нельзя трогать; что она точно знала, сколько ветчины было в той пачке...

– Она действительно из тех, кто помнит такие вещи?

– Ну да, вроде того, – не сразу ответила Фиона, словно эти слова причиняли ей боль. – Дженни... она любит все делать правильно. Понимаете, когда она ушла с работы, то решила стать идеальной мамой-домохозяйкой. В доме ни пятнышка, детей она кормила натуральной едой, которую готовила сама, каждый день делала гимнастику по DVD-дискам, чтобы вернуть фигуру... В общем, да, она могла помнить, что лежало в холодильнике.

– Вы знаете, из какого отеля была ручка? – спросил Ричи.

– Из “Голден-Бэй Резорт” на Мальдивах... – Фиона снова вскинула голову и уставилась на него. – Вы правда думаете, что... Думаете, ее и впрямь кто-то взял? Думаете, что это человек, который, который... Думаете, что он вернулся и...

Ее голос начал подниматься по опасной спирали.

– Мисс Рафферти, когда произошел этот инцидент? – спросил я, пока она не впала в истерику.

Она бросила на меня безумный взгляд, сжала в комочек клочки салфетки и собралась.

– Месяца три назад.

– В июле.

– Может, и раньше. Но точно летом.

Я мысленно завязал узелок на память: просмотреть распечатку телефонных разговоров Дженни и найти вечерние звонки Фионе, а также проверить, не сообщал ли кто-нибудь, что видел на Оушен-Вью подозрительных чужаков.

– И с тех пор подобных проблем у них не возникало?

Фиона быстро вдохнула, и я услышал, как хрипит ее сдавленное горло.

– Возможно, были и другие случаи, но после того разговора Дженни ничего бы мне не рассказала. – У нее задрожал голос. – Я ей говорю: “Возьми себя в руки, хватит пороть чушь”. Я думала... – Она пискнула, словно щенок, которого пнули, зажала рот руками и снова зарыдала. – Я думала, что она свихнулась, что у нее плохо с головой, – невнятно повторяла она сквозь всхлипы, вытирая сопли салфеткой. – О боже, я думала, что она свихнулась.

4

Больше мы в тот день ничего из Фионы не вытянули – успокаивать ее было некогда. Прибыл еще один полицейский, и я поручил ему записать имена и телефоны родственников, работодателей, коллег и друзей детства Фионы, Дженни и Пэта, отвезти Фиону в больницу и проследить, чтобы она не распускала язык при репортерах. Потом мы передали ее, плачущую, с рук на руки.

Не успели мы отвернуться, как я уже вытащил мобильник и начал набирать номер – воспользоваться рацией было бы проще, но нынче слишком у многих журналист и психов имеются сканеры. Я взял Ричи за локоть и повел по дороге. С моря все еще дул мощный и свежий ветер, взлохмачивая волосы Ричи. Я почувствовал на губах вкус соли. Вместо пешеходных дорожек в нестриженной траве были протоптаны узкие тропинки.

Бернадетта соединила меня с полицейским, который находился в больнице с Дженни Спейн. Судя по голосу, ему было лет двенадцать, он вырос на какой-то ферме и обладал анальным типом характера – то есть то, что надо. Я отдал распоряжения: как только Дженнифер Спейн закончат оперировать – если, конечно, она выживет, – ее нужно положить в отдельную палату, а он, словно ротвейлер, должен охранять вход. Впускать в палату сугубо по удостоверениям и в сопровождении полицейских, а родных не пускать вообще.

– Сестра потерпевшей отправится в больницу с минуты на минуту, рано или поздно явится и их мать. Заходить в палату они не должны.

Ричи грыз ноготь, наклонив голову, но, услышав эти слова, вскинул глаза на меня.

– Если они потребуют объяснений, а они потребуют, не говори им, что действуюешь в соответствии с моими распоряжениями. Извинись, скажи, что таков порядок, а ты не уполномочен его нарушать, и повторяй это, пока они не отстанут. И, сынок, найди себе стул поудобней. Скорее всего, ты там надолго. – Я дал отбой.

Ричи прищурился, глядя на меня против солнца.

– Думаешь, перебор? – спросил я.

Он пожал плечами:

– Если сестра говорит правду и к Спейнам на самом деле кто-то влез, то история и впрямь жутковатая.

– По-твоему, я ставлю усиленную охрану, потому что сестра рассказала жутковатую историю?

Он шагнул назад, поднимая руки, и я сообразил, что повысил на него голос.

– Я просто имел в виду...

– Приятель, для меня ничего “жутковатого” не существует. Жуть – это для детишек в Хэллоуин. Я просто стараюсь прикрыть все тылы. Представь, какими идиотами мы будем выглядеть, если кто-то заявится в больницу и закончит начатое? Хочешь объяснять это репортерам? Или, раз уж на то пошло, хочешь объясняться с главным инспектором, если завтра на первых полосах появятся фотографии ран Дженни Спейн?

– Нет.

– Нет. Вот и я тоже. И готов немного хватить через край, лишь бы этого избежать. А теперь давай отведем тебя в дом, пока большой злой ветер не застудил твои крошечные яички.

Пока мы возвращались к подъездной дорожке Спейнов, Ричи держал рот на замке, но потом осторожно сказал:

– Родственники.

– Что с ними?

– Вы не хотите, чтобы они ее видели?

– Не хочу. Тебе удалось уловить самое важное в показаниях Фионы, помимо страшной жути?

– У нее были ключи, – неохотно сказал он.

– Да. У нее были ключи.

– Она сама не своя от горя. Может, я и простак, но мне не показалось, что она притворяется.

– Может, да, а может, и нет. Я знаю одно: у нее были ключи.

– Спейны чудесные, любят друг друга, любят детей... Она говорила о них так, словно они до сих пор живы.

– И что? Если она прикидывалась раньше, то могла изобразить и это. К тому же ее отношения с сестрой вовсе не так просты, как она пытается представить. Нет, нам предстоит посвятить еще немало времени Фионе Рафферти.

– Точно, – сказал Ричи.

Я толкнул дверь, но он замешкался на пороге, топча коврик и потирая затылок.

– В чем дело? – спросил я, смягчив голос.

– Она сказала еще кое-что.

– Что?

– Надувные замки стоят недешево. Сестра хотела арендовать такой по случаю первого причастия дочери. Пара сотен.

– Ты это к чему?

– Их финансы. В феврале Патрика сокращают, так? В апреле они еще при деньгах и привозят надувной замок на день рождения Эммы. Но примерно в июле им уже не на что поменять замки, хотя Дженни кажется, что в доме кто-то побывал.

– Ну и что? Просто у Патрика закончилось выходное пособие.

– Да, скорее всего. Как раз об этом я и говорю: пособие закончилось слишком быстро. У меня полно друзей, которые потеряли работу, но всем, кто провел на одном месте несколько лет, выплатили столько, что хватит надолго – если соблюдать экономию.

– И какие у тебя версии? Азартные игры? Наркотики? Шантаж? – В нашей стране пьянство даст сто очков вперед остальным порокам, но спустить все сбережения на бухло за несколько месяцев не получится.

Ричи пожал плечами:

– Возможно. Или они просто продолжали тратиться так, словно Пэт по-прежнему зарабатывает. Некоторые мои приятели тоже так делали.

– В этом все ваше поколение – твое, Пэта и Дженни. Никогда не сидели на мели, не видели страну в кризисе, потому не смекнули бы, что к чему, даже начнись он у вас на глазах. Вам хорошо живется – гораздо лучше, чем моему поколению: половина из нас может купаться в деньгах и при этом экономить на второй паре башмаков, а то как бы не обнищать. Но у вашего стиля жизни есть и свои недостатки.

В доме всюду трудились криминалисты – я расслышал обрывок фразы: "...запасные есть?" "Конечно! – радостно крикнул Ларри в ответ. – Глянь в моем..."

Ричи кивнул:

– Пэт Спейн не ожидал, что останется без гроша, иначе не отстегнул бы столько бабла за надувной замок. Либо он рассчитывал еще до конца лета найти новую работу, либо был уверен, что срубит денег другим способом. Если до него стало доходить, что замыслы провалились, а деньги на исходе... – Ричи потянулся пальцем к зазубренному краю выломанной двери, но вовремя отдернул руку. – Мужчине тяжело осознавать, что он не в состоянии обеспечить семью.

– Значит, ты по-прежнему ставишь на Патрика.

– Ни на кого я не ставлю, пока мы не услышим мнение доктора Купера, – осторожно ответил Ричи.

– Хорошо. Да, Патрик – фаворит, но впереди еще не один барьер, и кубок запросто может достаться аутсайдеру. Так что первым делом надо уменьшить количество претендентов. Предлагаю перекинуться парой слов с Купером, пока он не упорхнул, потом наведаться к соседям – вдруг у них найдется для нас что-то интересное. Когда закончим, Ларри и его ребята познакомят нас со своими находками; к тому времени они уже свалят со второго этажа, и мы сможем поискать там причины разорения Спейнов. Как тебе такой план?

Ричи кивнул.

– Отлично подмечено про надувной замок. – Я похлопал его по плечу. – Посмотрим, сможет ли Купер изменить расклад.

* * *

Дом стал другим: глубокая тишина исчезла, развеялась, словно туман, повсюду горел свет и слышался гул уверенной, слаженной работы. Двое ребят Ларри методично обрабатывали кровавые брызги; один разливал пробы по пробиркам, второй фотографировал места, откуда они взяты. Тощая носатая девица расхаживала с видеокамерой. Эксперт по отпечаткам отклеивал ленту с ручки окна; чертежник насвистывал сквозь зубы, рисуя схему. Судя по размеренному темпу, все собирались задержаться здесь надолго.

На кухне Ларри сидел на корточках рядом с горсткой желтых маркеров улик.

– Ну и бардак, – с наслаждением сказал он, увидев нас. – Мы застрянем тут до скончания веков. На кухню уже заходили?

– Остановились в дверях, – сказал я. – Но полицейские здесь побывали.

– Разумеется. Не отпускай их, пока не дадут нам отпечатки своей обуви, чтобы их можно было исключить. – Он выпрямился, прижимая ладонь к пояснице. – Ох, черт. Староват я для этой работы. Если вы к Куперу, то он наверху, с детьми.

– Не будем ему мешать. Оружие не нашли?

Ларри покачал головой:

– Не-а.

– А записку?

– “Яйца, чай, гель для душа” сойдет? Других нет, только этот список на доске. Но если вы думаете на этого парня, – кивок в сторону Патрика, – то не хуже моего должны знать, что большинство мужиков записок не оставляют. Сильные и молчаливые до последнего вздоха.

Кто-то перевернул Патрика на спину. Лицо неестественно белое, челюсть отвалилась, но с опытом учишься эти вещи не замечать, так что Пэт был симпатичный парень с квадратным подбородком и бровями вразлет – девушки западают на таких.

– Мы пока не знаем, на кого думать, – сказал я. – Нашли что-нибудь незапертое? Заднюю дверь, окно?

– Вроде нет. Вообще-то система безопасности тут неплохая. На окнах крепкие запоры, стеклопакеты, надежный замок на задней двери – кредитной карточкой такой не вскрыешь. Я не пытаюсь делать за вас вашу работу, но имейте в виду: влезть в такой дом не так-то просто, особенно не оставив следов.

Очевидно, Ларри тоже ставил на Патрика.

– Кстати, о ключах, – сказал я. – Сообщи, если найдешь хоть один. Всего должно быть не меньше трех комплектов. И посматривай, не завалилась ли где ручка с надписью “Голден-Бэй Резорт”. Погоди-ка...

Купер, с термометром и чемоданчиком в руках, пробирался по коридору с таким видом, будто боялся испачкаться.

– Детектив Кеннеди, – сказал он обреченно, словно до последнего надеялся, что я каким-то чудом исчезну. – И детектив Курран.

– Доктор Купер, – сказал я. – Надеюсь, мы не помешали.

– Я только что завершил предварительный осмотр. Тела можно убрать.

– Можете предоставить нам какую-либо новую информацию? – Помимо прочего, Купер бесит меня тем, что рядом с ним я начинаю разговаривать так же, как он.

Купер приподнял чемоданчик и, вопросительно вскинув брови, посмотрел на Ларри.

– Киньте у двери в кухню, там ничего интересного, – весело сказал тот.

Купер бережно поставил чемоданчик и наклонился, чтобы убрать термометр.

– Похоже, что обоих детей задушили, – сказал он. Я почувствовал, что Ричи снова задержался. – Поставить точный диагноз сейчас невозможно, однако видимые травмы и симптомы отравления отсутствуют, поэтому я склонен считать, что причиной смерти стала гипоксия. На трупах нет следов удушения или удушения, а также гиперемии и конъюнктивального кровоизлияния, которые обычно возникают, если жертву душили руками. Криминалистам придется проверить подушки на следы слюны и слизи, указывающие на то, что их прижимали к лицам жертв... – Купер взглянул на Ларри, и тот показал ему большой палец. – Впрочем, принимая во внимание тот факт, что вышеупомянутые подушки лежали на кроватях жертв, наличие биологических жидкостей едва ли является, если можно так выразиться, “дымящимся пистолетом”. В ходе вскрытия, которое начнется завтра утром ровно в шесть часов, я постараюсь сузить список возможных причин смерти.

– Признаки изнасилования есть? – спросил я.

Ричи дернулся, как если бы его ударило током. Купер на секунду перевел на него удивленный, презрительный взгляд.

– В результате предварительного осмотра не выявлено никаких признаков сексуального насилия, ни недавнего, ни хронического, – сказал он. – Я, разумеется, постараюсь ответить на этот вопрос с большей уверенностью после вскрытия.

– Разумеется, – сказал я. – А этот погибший? О нем можете что-нибудь сообщить?

Купер достал из чемоданчика лист бумаги и принялся выжидающе его изучать, пока мы с Ричи не подошли поближе. На листе были напечатаны два контура мужского тела – вид спереди и сзади. Первый был испещрен аккуратной, страшной морзянкой красных точек и тире.

– Мужчина получил четыре ранения в грудь, которые, похоже, были нанесены односторонним лезвием, – сказал Купер. – Одно из них, – он постучал по красной горизонтальной линии на левой стороне груди, – представляет собой относительно поверхностную резаную рану: лезвие наткнулось на ребро рядом со срединной линией и скользнуло вдоль кости, пройдя приблизительно пять дюймов, но, похоже, не проникло глубоко. Рана должна была вызвать значительное кровотечение, однако едва ли оказалась бы смертельной даже при отсутствии медицинского вмешательства.

Его палец двинулся вверх, к трем похожим на листья красным пятнам, которые шли по неровной дуге из-под левой ключицы к центру груди.

– Остальные тяжелые повреждения – колотые раны, также нанесенные односторонним лезвием. Здесь лезвие проникло между ребрами в верхней левой части груди; здесь – ударило в грудину; здесь – вошло в мягкие ткани у края грудины. До завершения вскрытия я, разумеется, не могу сообщить ничего о глубине и траекториях ранений, а также описать причиненные ими повреждения. Однако, если только нападавший не обладал исключительной силой, удар, пришедший непосредственно в грудину, мог разве что отколоть фрагмент кости. Полагаю, мы можем безбоязненно утверждать, что причиной смерти послужило либо первое, либо третье из этих ранений.

Фотограф щелкнул вспышкой, и перед глазами остался сверкающий послеобраз: яркие, извивающиеся потеки крови на стенах. На миг мне почудилось, будто я чувствую ее запах.

– Есть ли защитные ранения?

Купер ткнул пальцем в красную россыпь на изображении рук.

– На правой ладони поверхностная резаная рана длиной три дюйма, и еще одна, более глубокая, на мышце левого предплечья, – рискну предположить, что именно она является источником большей части крови, наличествующей на месте преступления; она должна была вызвать обширное кровотечение. Помимо этого, на предплечьях жертвы есть несколько незначительных повреждений – маленьких порезов, ссадин и ушибов, – которые свидетельствуют о борьбе.

Патрик мог быть на любой из сторон этой схватки и порез на ладони получить разными способами: либо он защищался, либо его рука скользнула по лезвию, когда он наносил удары ножом.

– Могла ли жертва сама нанести себе ножевые ранения?

Брови Купера приподнялись, словно я ребенок-дебил, которому удалось сказать что-то интересное.

– Вы правы, детектив Кеннеди, такое действительно возможно. Разумеется, это потребовало бы значительной силы воли, но да, это определенно возможно. Поверхностный порез мог быть так называемой нерешительной раной – пробной предварительной попыткой, за которой последовали более глубокие порезы. Подобное поведение довольно распространено среди самоубийц, которые вскрывают себе вены, и я не вижу причин, по которым оно было бы несвойственно самоубийцам, предпочитающим иные методы. При условии, что погибший был правой, – а это необходимо установить, прежде чем отваживаться даже на предположения, – раны на левой стороне тела могли быть нанесены им самим.

Мало-помалу жуткий чужак Фионы и Ричи начал проигрывать в гонке, исчезая за горизонтом. Пока он еще не совсем сошел с дистанции, но в центре внимания оказался Патрик Спейн, который быстро приближался по прямой к финишу. Именно этого я и ожидал с самого начала, однако вдруг почувствовал крошечный укол разочарования. Детективы отдела убийств по натуре охотники – из темных шипящих джунглей жаждешь притащить домой самолично выслеженного белого льва, а не взбесившуюся домашнюю кошечку. И, кроме всего прочего, слабак внутри меня испытывал к Пэту Спейну что-то вроде жалости. Ричи правильно сказал: парень делал все что мог.

– Можете назвать время смерти? – спросил я.

Купер пожал плечами:

– Как обычно, это лишь приблизительная оценка, и задержка осмотра не благоприятствовала точности. Однако нам помогло то, что термостат поддерживает температуру в доме на уровне двадцати одного градуса. Я вполне уверен, что все три жертвы умерли не ранее трех часов ночи и не позднее пяти утра – вероятнее всего, ближе к трем.

– Есть предположения, кто умер первым?

– Они умерли между тремя и пятью часами утра, – ответил Купер, отчеканивая каждое слово, будто вдавливал что-то недоумку. – Если бы у меня были основания для дополнительных выводов, я бы так и сказал.

В ходе каждого расследования Купер – просто смеха ради – находит предлог, чтобы унижить меня перед моими людьми. Когда-нибудь я выясню, какую жалобу нужно подать, чтобы он от меня отстал, но до сих пор – и ему это известно – я спускал все на тормозах: он всегда выбирает моменты, когда моя голова занята более важными вещами.

– Несомненно, – сказал я. – А как насчет оружия? О нем вы можете нам что-нибудь сообщить?

– Одностороннее лезвие, как я и сказал. – Даже не одарив меня уничтожающим взглядом, Купер снова наклонился над своим чемоданчиком и убрал в него лист бумаги.

– А здесь вступаем мы – разумеется, если вы не против, доктор Купер, – сказал Ларри.

Купер милостиво взмахнул рукой – каким-то образом им с Ларри удалось поладить.

– Снайпер, иди сюда. Гляди, что нашла для тебя моя подружка Морин. Точнее – не нашла.

Длинноногая девушка с видеокамерой отодвинулась от кухонного шкафа и указала на ящики: на каждом была закреплена сложная защита от детей, и я понял почему – в верхнем лежал симпатичный пластиковый контейнер с затейливой надписью *Cuisine Bleu* поперек внутренней стороны крышки. Контейнер был предназначен для пяти ножей, четыре были на месте, от длинного разделочного до миниатюрного, меньше моей ладони, – сверкающие, остро наточенные, жуткие. Второго по величине ножа не хватало.

– Ящик был открыт, поэтому мы так быстро их обнаружили, – сказал Ларри.

– И никаких следов пятого ножа? – спросил я.

Все покачали головами.

Купер бережно, палец за пальцем, снимал перчатки.

– Доктор Купер, вы не могли бы взглянуть на выемку для ножа и сказать, соответствует ли он ранам погибшего? – спросил я.

Купер даже не обернулся.

– Для обоснованного заключения требуется полный осмотр ран – и поверхностный, и в поперечном разрезе – и предпочтительно иметь для сравнения нож, о котором идет речь. Разве я произвел подобный осмотр?

В юности Купер враз бы меня довел, но теперь я умею держать себя в руках, и скорее ад замерзнет, чем я пойду у него на поводу.

– Если нож можно исключить – например, по длине лезвия или форме рукояти, – то нам нужно узнать об этом сейчас, пока я не отправил десяток летунов искать неизвестно что.

Купер вздохнул и удостоил контейнер полусекундного взгляда.

– Не вижу причин исключать его из рассмотрения.

– Прекрасно. Ларри, можно взять с собой один из ножей и показать поисковой группе, что мы ищем?

– Да ради бога. Может, этот? Судя по выемкам в контейнере, он почти такой же, только поменьше. – Ларри достал средний нож, ловко бросил его в прозрачный пластиковый пакет для вещдоков и протянул мне. – Верни, как закончите.

– Договорились. Доктор Купер, сколько погибший мог пройти, получив такие ранения? Как долго мог оставаться на ногах?

Купер снова устремил на меня неприязненный взгляд.

– Меньше минуты. Или несколько часов. Шесть футов – или полмили. Выбирайте, детектив Кеннеди, ведь, боюсь, я не могу предоставить желаемый вами ответ. Слишком много неизвестных, чтобы сделать обоснованное предположение, а вне зависимости от того, как поступили бы на моем месте вы, необоснованные версии я строить отказываюсь.

– Если тебя интересует, мог ли погибший избавиться от оружия, – услужливо вмешался Ларри, – то я скажу так: через парадный вход он не выходил. Ни в прихожей, ни на двери нет ни капли крови. Зато его подошвы попросту залиты кровью, как и руки, а поскольку он слабел, ему пришлось бы за что-то держаться, так? (Купер пожал плечами.) Ясное дело, пришлось бы. Кроме того, оглянись вокруг: из бедняги кровь хлестала фонтаном. Он бы нам тут все заляпал и оставил за собой прелестный след, как из сказки про Гензеля и Гретель. Нет, после начала драмы парень в переднюю часть дома не выходил и наверх не поднимался.

– Понятно, – сказал я. – Если нож найдется, сразу же сообщи мне. Ну, не будем вам мешать. Спасибо, парни.

Снова сверкнула вспышка, и на этот раз перед глазами отпечатался силуэт Патрика Спейна – ослепительно белый, с широко раскинутыми руками, словно он выполнял захват или падал.

* * *

– Значит, все-таки чужак, – подытожил Ричи, когда мы шли к машине.

– Все не так просто, сынок. Патрик Спейн мог выйти в сад позади дома, мог даже перелезть через стену – или просто открыть окно и забросить нож куда подальше. И помни: Патрик не единственный подозреваемый. Не забывай о Дженни Спейн. Купер ее еще не осмотрел, а ведь она вполне могла выйти из дома, спрятать нож, вернуться и аккуратно улечься рядом с мужем. Может, это двойное самоубийство, может, она покрывала Патрика – она, похоже, из тех, кто готов посвятить свои последние минуты защите семейной репутации. А может, это вообще ее рук дело, от начала до конца.

Желтый “фиат” исчез: Фиона отправилась навестить Дженни в больнице. Я понадеялся, что за рулем полицейский и она в истерике не врежется в дерево. Зато в конце проезда, у фургона морга, стояли новые машины – возможно, журналисты или местные жители, которых полиция не подпустила к месту преступления, – но я был готов поспорить, что это мои летуны, а потому направился к ним.

– И подумай вот о чем: посторонний не пришел бы безоружным в надежде порыться в кухонных ящиках и найти что-нибудь подходящее. Он принес бы оружие с собой.

– Может, он так и сделал, а потом заметил ножи и решил, что лучше воспользоваться тем, что не выведет нас на него. Или вообще не планировал никого убивать. А может, тот нож – вообще не орудие убийства и он умыкнул его, чтобы сбить нас со следа.

– Не исключено. Вот одна из причин, почему нож надо найти как можно скорее, – необходимо убедиться, что мы не идем по ложному пути. Вторую причину назовешь?

– Иначе от него могут избавиться.

– Точно. Предположим, это дело рук чужака; если у нашего мужчины – или женщины – есть хоть капля ума, то он, скорее всего, утопил оружие еще ночью. Но если он настолько туп, что не догадался сделать это сразу, вся эта движуха непременно наведет его на мысль, что не стоит держать у себя окровавленный нож. Если он бросил нож в поселке, надо схватить его, когда он за ним вернется, если взял домой – то поймать, когда он будет его выбрасывать. Разумеется, все это при условии, что он где-то неподалеку.

Словно подброшенные взрывом, две чайки вспорхнули над кучей мусора, крича друг на друга. Ричи дернул головой.

– Спейны подвернулись ему не случайно. Здесь не то место, где можно просто пройти мимо и заметить подходящие жертвы.

– Да уж, – согласился я. – Совсем не то. Если он не один из погибших или местных, значит, он нарочно явился сюда по их душу.

Летуны – семь парней и девушка, всем лет под тридцать, – торчали возле своих машин, стараясь выглядеть смыслеными, деловитыми и готовыми ко всему. При нашем приближении они выпрямились и одернули куртки, а самый высокий отбросил сигарету.

– Ты что затеял? – спросил я, указав на окуроч. Парень растерянно уставился на меня. – Собирался оставить его тут, на земле, чтобы криминалисты нашли его, приобщили к делу и послали на анализ ДНК? Какой список ты надеялся возглавить – подозреваемых или растратчиков нашего времени?

Парень торопливо подобрал окуроч и неуклюже запихнул обратно в пачку, и все восемь летунов разом сообразили: пока они работают со мной, лажать нельзя. Да, Ковбой Мальборо весь побагровел, но кто-то ведь должен пострадать ради общего блага.

– Так-то лучше, – сказал я. – Меня зовут детектив-сержант Кеннеди, а это детектив Курран.

Их имена я спрашивать не стал, на рукопожатия и болтовню не было времени, к тому же я все равно бы не запомнил. Я не держу в памяти, какие сэндвичи любят мои летуны и когда дни рождения у их детей, только слежу за тем, что они делают и делают ли они это хорошо.

– Полный инструктаж будет позже, а сейчас вам нужно знать одно: мы ищем нож марки *Cuisine Bleu* с изогнутым шестидюймовым лезвием и черной пластиковой рукоятью. Он часть набора и похож вот на этот, только чуть побольше. – Я поднял перед собой пластиковый пакет. – У всех есть камеры в телефонах? Сфотографируйте его, чтобы помнить, что именно вы разыскиваете. Вечером, перед тем как разъедетесь, не забудьте удалить снимок.

Они мигом вытащили телефоны и начали передавать друг другу пакет так бережно, словно он состоял из мыльных пузырей.

– Описанный нож, скорее всего, является орудием убийства, но в нашем деле гарантий нет, так что если заметите в кустах другой нож, то, ради бога, не проходите радостно мимо только потому, что он не соответствует описанию. Также нас интересуют окровавленная одежда, следы ботинок, ключи и любые даже самую малость необычные находки. Если нашли что-то примечательное, что надо делать?

Я кивнул Ковбою Мальборо – если отчитал кого-нибудь, нужно дать ему шанс исправиться.

– Вещдок не трогать, – ответил он. – Не оставлять без присмотра. Вызвать криминалистов, чтобы сфотографировали его и забрали.

– Точно. И мне тоже позвоните. Хочу увидеть все ваши находки. Мы с детективом Курраном идем опрашивать соседей, так что вам понадобятся номера наших мобильных, а нам, соответственно, ваши. По рации пока переговариваться не будем. Связь тут паршивая, поэтому, если не дозвонитесь, пишите эсэмэски. Никаких сообщений на автоответчик. Все поняли?

Невдалеке первая репортерша встала на фоне живописных строительных лесов и наговаривала текст в камеру, борясь с раздуваемыми ветром полами пальто. Через час-другой сюда съедутся еще человек двадцать ее коллег, и большинство из них без колебаний взломают головную почту сотрудника уголовной полиции.

Мы обменялись номерами телефонов.

– Скоро к нам присоединятся другие поисковики, – сказал я, – и тогда вы получите другие задания, но сейчас нам надо пошевеливаться. Первая локация – задний сад. Начните от ограды и двигайтесь в противоположную сторону от дома. Следите, чтобы между вашими зонами поиска не оставалось промежутков, процедура вам известна. Вперед.

* * *

В доме, стоявшем вплотную к дому Спейнов, нас ждал облом – он пустовал. В гостиной не было ничего, кроме смятой в комок газеты и густых зарослей паутины. Ближайшие признаки жизни наблюдались только на другой стороне проезда, через два дома от нас, в номере пять: лужайка выглядела запущенной, но на окнах висели кружевные занавески, а на подъездной дорожке валялся детский велосипед.

Когда мы подходили к дому, за занавесками произошло какое-то движение. За нами кто-то наблюдал.

Дверь открыла тучная женщина с плоским недоверчивым лицом и темными волосами, собранными в куцый хвостик. Одета она была в мешковатую розовую фуфайку с капюшоном и серые легинсы – плохой выбор. Обилие автозагара почему-то не скрывало ее мучнистую бледность.

– Да?

– Полиция, – я показал удостоверение, – можно зайти на пару слов?

Она посмотрела на мое фото так, словно оно не соответствовало ее высоким стандартам.

– Я тут выходила спросить у полицейских, что происходит. А они сказали, чтоб я вернулась в дом. Вообще-то это моя дорожка, я имею право на ней стоять, и вы мне не указ!

Знакомство обещало быть занимательным.

– Понимаю. Если вам потребуется выйти на участок, вас не станут задерживать.

– Пусть только попробуют. К тому же я и не пыталась *выйти на участок*, а только хотела узнать, что происходит.

– Совершено преступление. Нам необходимо с вами побеседовать.

Женщина перевела взгляд на усердно работающих поисковиков за нашими с Ричи спинами – и отступила от двери: любопытство, как это частенько бывает, пересилило осторожность.

Ее дом был спланирован так же, как и дом Спейнов, но мутировал в нечто совершенно иное. Прихожая завалена грудami барахла – Ричи споткнулся о колесо коляски и с трудом удержался от непрофессионального восклицания. В грязной, жарко натопленной гостиной, обклеенной вычурными обоями, висел густой запах супа и мокрой одежды. Пухлый мальчик лет десяти, ссутулившись и открыв рот, сидел на полу и играл в какую-то игру на *PlayStation*, явно с рейтингом “18+”.

– Он не в школе, потому что заболел. – Женщина вызывающе скрестила руки на груди.

– Тем лучше для нас. – Я кивнул мальчику, но тот проигнорировал нас и продолжил жать на кнопки. – Вдруг он нам поможет. Я детектив-сержант Кеннеди, это детектив Курран. А вы...

– Шинейд Гоган. Миссис Шинейд Гоган. Джейден, выключи эту штуку. – Акцент выдавал в ней уроженку какой-то полудикой окраины Дублина.

– Миссис Гоган, – сказал я, сев на диван в цветочек и доставая блокнот, – насколько хорошо вы знаете соседей?

– Их? – Она дернула головой в сторону дома Спейнов.

– Да, Спейнов.

Ричи подсел ко мне. Шинейд Гоган оглядела нас колючими маленькими глазками, но через секунду пожала плечами и втиснулась в кресло.

– Мы с ними здороваемся. Но дружить не дружим.

– Ты говорила, что она высокомерная корова, – сказал Джейден, не отрываясь от истребления зомби.

Мать стрельнула в него свирепым взглядом, но пацан этого не заметил.

– Заткнись.

– А то что?

– А то пожалеешь.

– А она действительно высокомерная корова? – спросил я.

– Никогда я так не говорила. Я видела перед их домом “скорую”. Что случилось?

– Совершено преступление. Что вы можете рассказать о Спейнах?

– Кого-то застрелили? – поинтересовался Джейден.

Парень отлично справлялся с несколькими делами одновременно.

– Нет. В чем проявляется высокомерие Спейнов?

Шинейд пожала плечами:

– Ни в чем. Нормальные они.

Ричи почесал крыло носа ручкой.

– Серьезно? – сказал он немного неуверенно. – Но ведь... То есть я-то без понятия, никогда с ними не встречался, но дом их выглядит довольно выпендречно. Сразу заметно, что люди много о себе возомнили.

– Надо было раньше их видеть. Перед домом стоял здоровенный внедорожник, и мужик каждые выходные его мыл и натирал, красовался. Недолго длилась шикарная жизнь, так?

Шинейд по-прежнему сидела, развалившись в кресле, – руки сложены, толстые ноги широко расставлены, – но злоба в ее голосе сменилась удовлетворением. Обычно я не разрешаю новичкам вести допрос в первый же день, однако Ричи нашел правильный подход, и его акцент принесет нам больше пользы, чем мой. Я не стал ему мешать.

– Сейчас-то им похвастаться особо нечем, – согласился он.

– Да ладно, они по-прежнему считают себя самыми крутыми. Джейден сказал что-то их мелкой девчонке...

– Тупой сукой назвал, – уточнил Джейден.

– ...так ко мне заявила ее мамаша и давай грузить, мол, дети не ладят и нельзя ли как-то *восстановить согласие*? Типа, сплошное кривляние, понимаете? Строи́ла из себя этакую милашку. Я говорю – мальчишки есть мальчишки, смирись. Ну, она ушла недовольная и с тех пор держит свою маленькую принцессу подальше от нас. Якобы мы им не ровня. Да она просто завидует.

– Чему? – спросил я.

Шинейд кисло глянула на меня:

– Нам. Мне.

Я не видел ни одной причины, по которой Дженни Спейн могла завидовать ей, но это, похоже, не имело значения. Шинейд, скорее всего, полагала, что и Бейонсе не пригласила ее на свой девичник исключительно из зависти.

– Ясно. А когда именно это произошло?

– Весной. Может, в апреле. А что? Она говорит, что Джейден им что-то сделал? Потому что он никогда... – Она с трудом, но угрожающе приподнялась в кресле.

– Нет-нет-нет, – успокаивающе сказал я. – Когда вы в последний раз видели Спейнов?

После секундного размышления она решила мне поверить и осела в кресло обратно.

– Говорить мы больше не говорили. Я их иной раз встречаю, но после того случая мне с ними разговаривать не о чем. Вчера днем я видела, как она с детьми заходила в дом.

– Во сколько?

– Примерно без четверти пять. Наверное, забрала девчонку из школы и поехала по магазинам – у нее в руках были пакеты. Выглядела она великолепно. Мальчишка ейный закатил истерику – хотел чипсов. Избалованный.

– Вчера вечером вы с мужем были дома? – спросил я.

– Ага. Куда тут ходить-то? Здесь ничего нет – ближайший паб в городе, до него двенадцать миль.

Вероятно, на месте заведений Уилана и Линча сейчас бетон и строительные леса, – их снесли, чтобы освободить пространство для блестящих новеньких версий, которые пока еще не материализовались. На секунду я почувствовал запах воскресного обеда в “Уилане”: куриные наггетсы, замороженная картошка фри во фритюре, сигаретный дым, “Сидона”⁴.

– Какой смысл переться туда и не пить, ведь потом придется за руль садиться, автобусы-то туда не ездят.

– Вы слышали что-нибудь необычное?

Еще один взгляд, на этот раз более неприязненный, словно я ее в чем-то обвинил и она прикидывает, не врезать ли мне бутылкой.

– А что мы должны были услышать?

Джейден вдруг хихикнул.

– Ты что-то слышал? – спросил я.

– Чё, типа крики? – Джейден даже обернулся.

– Ты слышал крики?

---

⁴ “Сидона” – ирландский безалкогольный напиток на основе яблок.

Недовольная гримаса.

– Не-а.

Рано или поздно другой детектив столкнется с Джейденом в совершенно ином контексте.

– Тогда что ты слышал? Нам будут полезны любые сведения.

К выражению неприязни на лице Шинейд примешивалось что-то вроде настороженности.

– Ничего мы не слышали, – сказала она. – Телик работал.

– Ага, – поддакнул Джейден. – Ничего. (На экране что-то взорвалось.) Бля!.. – заорал он и снова прилип к экрану.

– А ваш муж, миссис Гоган?

– Он тоже ничего не слышал.

– Он может это подтвердить?

– Его нет дома.

– А во сколько он вернется?

Она пожала плечами:

– А чё случилось?

– Вы не видели, недавно кто-нибудь входил или выходил из дома Спейнов?

Шинейд поджала губы.

– Я за соседями не шпиюню, – отрезала она, подкрепив мою уверенность в том, что именно этим она и занимается.

– Конечно, нет, – сказал я. – Но это же не шпионство. Вы ведь не слепая и не глухая, волей-неволей видите, как люди приходят и уходят, слышите шум моторов. Сколько домов на вашей улице заселены?

– Четыре: мы, они и еще два дома в другом конце. А что?

– А то, что если вы видите незнакомых людей в вашем конце улицы, то понимаете, что они приехали к Спейнам. Недавно у Спейнов бывали гости?

Она закатила глаза.

– Если и бывали, то я их не видела, ясно?

– Они не так уж популярны, как воображают, – с усмешкой сказал Ричи.

Шинейд усмехнулась в ответ:

– Именно.

Он доверительно подался к ней:

– У них вообще хоть кто-нибудь бывает?

– Теперь уже нет. Когда мы только вселились, по воскресеньям к ним приезжали гости – такие же, как они, на здоровенных внедорожниках и все такое. Шлялись тут с бутылками вина, пиво им, видите ли, не по вкусу. Устраивали барбекю – опять же, сплошная показуха.

– А сейчас не устраивают?

Усмешка стала шире.

– С тех пор как его с работы выставили – нет. Весной они отмечали день рождения одного из детей, но больше к ним никто не приезжал. Как я сказала, я за ними не слежу, но это ж кое о чем говорит, да?

– Точно. Скажите, а у вас не возникало проблем с мышами, крысами или другими вредителями?

Мои слова привлекли внимание Джейдена – он даже поставил игру на паузу.

– Охренеть! Их сожрали крысы?!

– Нет.

– А-а, – разочарованно протянул он, но к игре не вернулся.

Этот пацан действовал мне на нервы. Глаза у него были плоские и бесцветные, словно у кальмара.

– Крыс у нас никогда не было, – сказала его мать. – При такой канализации я бы не удивилась, но их нет – по крайней мере, пока.

– Не лучшее место, да? – спросил Ричи.

– Помойка, – ответил Джейден.

– Да? Почему?

Мальчишка пожал плечами.

– Вы поселок-то видели? – спросила Шинейд.

– По-моему, нормальный, – удивленно сказал Ричи. – Милые домики, места полно, вы все так симпатично обустроили...

– Ага, мы тоже так думали. На планах все выглядело обалденно. Погодите...

Она, кряхтя, выбралась из кресла, нагнулась – лучше бы я этого не видел – и принялась рыться в завалах на столике: журналы о знаменитостях, рассыпанный сахар, радионяня и жирная тарелка с недоеденной сосиской в тесте.

– Вот. – Шинейд вытащила какую-то брошюру и сунула ее Ричи. – Мы думали, что покупаем это.

На обложке – тем же волнистым шрифтом, что и на знаке перед въездом в поселок – надпись “Оушен-Вью” поверх фотографии смеющейся пары, обнимающей двоих идеальных, словно из каталога, детишек на фоне белоснежного дома и по-средиземноморски синих волн. Внутри меню: дома с четырьмя спальнями, с пятью, особнячки, дуплексы – все что душе угодно. Дома как на подбор чистенькие, сверкающие – и мастерски отфотошопленные: и не скажешь, что это всего лишь модели. У каждого типа жилья свое название: “Бриллиант” – отдельный дом с пятью спальнями и гаражом, “Топаз” – квартира с двумя спальнями в дуплексе, “Изумруд”, “Жемчужина” и остальные – нечто среднее. Мы, похоже, находились в “Сапфире”. Другие волнистые надписи взхлеб расписывали пляж, детский сад, развлекательный центр, магазин и игровую площадку – “уютную гавань, где весь спектр услуг для роскошной современной жизни находится в шаговой доступности”.

Должно быть, это выглядело чертовски соблазнительно. Как я говорил, многие воруют нос от новостроек, но лично я их обожаю: от них веет позитивом, они словно большие ставки, сделанные на будущее. Правда, по какой-то причине – возможно, потому, что я увидел поселок своими глазами, – брошюра показалась мне, как выразился бы Ричи, жутковатой.

– Вот что нам обещали. – Шинейд ткнула коротким пальцем в брошюру. – Все это. Так в договоре написано и вообще.

– И вы этого не получили? – спросил Ричи.

Она фыркнула:

– А сами не видите?

Ричи пожал плечами:

– Когда поселок достроят, он может стать очень даже крутым.

– Да не достроят его никогда, из-за кризиса люди перестали покупать дома, а строители перестали строить. Пару месяцев назад вышли мы утром на улицу – а там ни рабочих, ни экскаваторов, ничего. Уехали и не вернулись.

– Иисусе. – Ричи покачал головой.

– Вот именно, Иисусе. Туалет на первом этаже сломался, но сантехник, который его устанавливал, не хочет к нам ехать, потому что ему не заплатили за работу. Все говорят, идите в суд, требуйте компенсацию, – но с кем судиться-то?

– С застройщиком? – предложил я.

Шинейд снова вперила в меня тяжелый взгляд, словно хотела врезать мне за тупость.

– Угу, до этого мы и сами додумались. Но их не доищешься – сначала они бросали трубку, а теперь сменили номер. Мы даже к вашим ходили, но они сказали, что *полиция туалетами не занимается*.

Ричи поднял брошюру, чтобы снова привлечь внимание Шинейд.

– А как же все остальное – детский сад и прочее?

– А, это. – Шинейд презрительно скривила губы и сделалась совсем уж страшилищем. – Вы это все только в брошюре и увидите. Мы раз триста жаловались на отсутствие детского сада, ведь в том числе из-за него мы сюда и переехали. Ну и чё? Нет его. Потом наконец открылся, но проработал только месяц – туда ходили всего пятеро детей. А на месте игровой площадки прямо Багдад какой-то – дети жизнью рискуют, когда там играют. Развлекательный центр так и не построили. Про это мы тоже жаловались, так они поставили в пустом доме велотренажер и говорят: “Вот, пожалуйста!” Велик потом своровали.

– А магазин?

Шинейд невесело хмыкнула.

– Ага, шас. За молоком езжу на заправку на шоссе, которая в пяти милях отсюда. У нас даже уличных фонарей нет. Я, как стемнеет, на улицу боюсь выходить, ведь тут может быть кто угодно – насильники или еще кто... Вон в тупике Оушен-Вью дом кучка иммигрантов снимает. А если со мной что-то случится, вы, что ли, разбираться приедете? Несколько месяцев назад муж звонил вашим, когда какие-то гопники устроили гулянку в доме через дорогу, так копы только утром приехали. Нас могли уже спалить, а вам хоть бы хны.

Иными словами, любая попытка вытащить что-то из Шинейд будет не менее веселой и приятной.

– Вы не в курсе, сталкивались ли Спейны с подобными проблемами – с девелоперами, любителями гулянок, с кем угодно?

Шинейд пожалла плачами:

– Я-то откуда знаю. Говорю же, мы с ними не дружили, понятно? Да что с ними случилось-то? Умерли они или чё?

Парни из морга скоро начнут выносить тела.

– Возможно, Джейдену лучше подождать в другой комнате, – сказал я.

Шинейд смирила взглядом сына.

– Без толку. Он все равно станет подслушивать под дверь.

Джейден с готовностью кивнул.

– Совершенно жестокое нападение. Я не имею права разглашать подробности, но речь идет об убийстве, – сказал я.

– Божечки... – выдохнула Шинейд и покачнулась. Ее мокрый жадный рот так и остался раззявленным. – А кого убили?

– Этого мы сообщить не можем.

– Он ее уколошил, да?

Джейден забыл про игру: на экране застыл падающий зомби, ошметки черепа которого разлетались во все стороны.

– У вас есть основания полагать, что он мог ее убить?

Шинейд снова бросила на меня настороженный взгляд исподлобья, откинулась в кресле и скрестила руки на груди.

– Я просто спросила.

– Миссис Гоган, если вам что-то известно, вы должны нам сообщить.

– Ничего я не знаю, да и плевать мне.

Это все брехня, но подобное тупое ослиное упрямство мне знакомо: чем сильнее я буду давить, тем сильнее отпор.

– Ясно. В последние несколько месяцев вы не видели в поселке посторонних?

Джейден резко и визгливо хихикнул.

– Никого я тут не вижу, – сказала Шинейд. – А увидела бы – не узнала. Мы тут ни с кем не хороводимся. У меня свои друзья, с соседями любезничать мне ни к чему.

Что в переводе означало: соседи ни за какие деньги не стали бы тусоваться с Гоганами. Скорее всего, они все просто им завидуют.

– В таком случае, не видели ли вы кого-то подозрительного? Возможно, кто-то показался вам внушающим опасения?

– Только иммигранты в конце Оушен-Вью. Их там десятки, и, по-моему, большинство нелегалы. Но с ними вы тоже разбираться не намерены, да?

– Мы передадим информацию в соответствующее подразделение. Скажите, к вам никто не стучался? Не предлагал что-нибудь купить, проверить трубы или проводку?

– Ага, как же, заботит кого-то наша проводка... *Господи!* – Шинейд подскочила в кресле. – Так, значит, к ним маньяк вломился вроде тех, кого по телику показывают, – серийный убийца?

Она внезапно оживилась: страх содрал маску непроницаемости с ее лица.

– Мы не можем раскрывать подробности... – начал я.

– Выкладывайте все сейчас же! Я не собираюсь сидеть тут и ждать, чтобы какой-нибудь псих ворвался в дом и стал нас пытаться, пока вы будете смотреть сложа руки...

Нам впервые удалось вызвать у нее хоть какие-то эмоции. Посиневшие соседские дети – всего лишь тема для сплетен, не более реальная, чем в каком-нибудь телешоу, но как только опасность грозит лично тебе – это совсем другое дело.

– Уверю вас, мы не будем смотреть сложа руки...

– Не вешайте мне лапшу! Я позвоню на радио, я позвоню на “Шоу Джо Даффи”...

И вместо расследования нам придется бороться с грандиозной истерикой в прессе на тему “полицейским плевать на простых людей”. Знаем, проходили. Это все равно что отбиваться от голодных мопсов, которыми в тебя с бешеной скоростью швыряется машинка для игры в теннис.

Не успел я найти какие-нибудь успокаивающие слова, как Ричи наклонился к ней и задумчиво сказал:

– Миссис Гоган, ваше беспокойство совершенно естественно, ведь вы прежде всего мама.

– Именно. Я должна думать о детях. Я не собираюсь...

– Это был педофил? – жадно спросил Джейден. – Что он с ними сделал?

Я уже начал понимать, почему Шинейд его игнорирует.

– Сами понимаете, о многом мы не имеем права распространяться, – продолжал Ричи, – но я не могу допустить, чтобы вы, мама, опасались за жизнь своих детей. Надеюсь, что все сказанное останется между нами. На вас ведь можно положиться, да?

Я уже готов был его остановить, но пока что он справлялся довольно хорошо, и Шинейд начала успокаиваться. Из-под испуга снова проступило жадное любопытство.

– Ага. Ладно.

– Я вам так скажу. – Ричи наклонился поближе. – Вам бояться нечего. Если в поселке завелся опасный преступник – и я говорю *если*, – то мы сделаем все необходимое, чтобы его обезвредить. – Он выдержал выразительную паузу и многозначительно шевельнул бровями. – Вы меня понимаете?

Недоуменное молчание.

– Да, – наконец сказала Шинейд. – Конечно.

– Ну разумеется. Но помните: никому ни слова.

– Никому, – важно пообещала она. Само собой, Шинейд растрезвонит всем своим знакомым, однако по сути сказать ей нечего – она сможет только самодовольно отмалчиваться и туманно намекать на секретные сведения, которые нельзя разглашать. Неплохой трюк, Ричи поднялся в моих глазах еще на ступеньку.

– И теперь, когда вам все известно, вы больше не беспокоитесь, правда?

– А, нет. У меня все супер.

Радионяня яростно завопила.

– Да ну нах... – сказал Джейден, возвращаясь к зачистке зомби и прибавляя громкости.

– Малыш проснулся, – сказала Шинейд, не двигаясь с места. – Мне пора.

– Можете сообщить нам еще что-нибудь о Спейнах? – спросил я.

Она снова пожала плечами. Выражение плоского лица не изменилось, но в глазах блеснул огонек. К Гоганам мы еще вернемся.

– Хочешь настоящую жуть? Посмотри на того пацана, – сказал я Ричи, когда мы шли к машине.

– Ага. – Ричи потерял ухо и оглянулся на дом Гоганов. – Он что-то недоговаривает.

– Он? Мать – да, но сынок?

– Определенно.

– Ладно, когда вернемся, попробуй его расколоть.

– Я?

– У тебя хорошо получается. Подумай, как подобрать к нему подход. – Я убрал блокнот в карман. – Ну а пока кого еще хочешь расспросить о Спейнах?

Ричи повернулся ко мне:

– Понятия не имею. В обычных обстоятельствах я бы сказал – поговорим с родственниками, соседями, друзьями, коллегами, парнями из паба, где пил муж, с теми, кто видел их последними. Но оба сидели без работы, и паба здесь нет. Никто к ним не заходит, даже родные – дорога-то не ближняя. Может, их вообще несколько недель никто не видел, разве что у школьных ворот. А соседи у них *вот такие*.

Он мотнул головой назад. Джейден стоял у окна гостиной, прижав нос к стеклу, разинув рот и сжимая в руке джойстик. Он увидел, что я его заметил, но и глазом не моргнул.

– Бедняги, – тихо сказал Ричи. – Никого-то у них не было.

5

Соседей, которые жили в другом конце улицы, не было дома – разъехались на работу или еще куда. Купер тоже отбыл – вероятно, в больницу, взглянуть на то, что осталось от Дженни Спейн. Не было и фургона морга, трупы отправились в ту же больницу и будут дожидаться внимания Купера всего в паре этажей от палаты Дженни – если, конечно, она до сих пор жива.

Криминалисты продолжали усердно работать. Ларри помахал мне из кухни:

– Иди-ка сюда, юноша. Погляди на это.

“Этим” оказались пять мониторов радионянь, покрытых черным порошком для выявления отпечатков, разложенных по прозрачным пакетикам для вещдоков и аккуратно выложенных на кухонном столе.

– Пятый аппарат я нашел вон в том углу, под грудой детских книжек, – торжествующе заявил Ларри. – Его светлость желает видеокамеры, его светлость их получает. Хорошие, кстати. Я, конечно, не специалист по детскому оборудованию, но, по-моему, это хай-энд. Поворачивающийся объектив, переменный фокус, при свете дают цветную картинку, в темноте – монохромную в инфракрасном режиме, а по утрам, поди, яйца пашот варят... – Радостно щелкая языком, Ларри провел двумя пальцами вдоль ряда мониторов, выбрал один и нажал на кнопку включения через пластиковый пакет. – Угадай, что это. Ну же, угадай.

Загорелся черно-белый экран; по краям – сгрудившиеся серые цилиндры и прямоугольники, плавающие белые пылинки, в середине – бесформенное темное пятно.

– Капля?⁵

– Я сначала тоже так подумал, но потом Деклан – вон он, Деклан, помаши добрым дядям... Деклан заметил, что шкафчик чуть-чуть приоткрыт, и заглянул внутрь. Угадай, что он нашел?

Ларри эффектным жестом распахнул шкафчик:

– Полюбуйся!

На секунду показалось кольцо зловещих красных огоньков, но потом померкло и исчезло. Камера была прикреплена ко внутренней стороне дверцы, похоже, с помощью целого рулона клейкой ленты. Коробки с хлопьями и жестянки с горошком сдвинуты к краям полок. За ними кто-то пробил в стене дыру размером с тарелку.

– Что за черт? – спросил я.

– Придержи коней, сначала посмотри сюда.

Еще один монитор. Те же размытые монохромные тени: косые балки, банки с краской и какое-то шипастое, плохо различимое механическое приспособление.

– Чердак?

– Он самый. А эта штука на полу – капкан. Для ловли животных. И это тебе не безобидная мышеловочка. Я не специалист по дикой природе, но, похоже, такой штуковиной можно пуму поймать.

– Приманка в ней есть? – спросил Ричи.

– А он мне нравится, – сказал мне Ларри. – Толковый юноша, зрит в корень. Далеко пойдет. Нет, детектив Курран, к сожалению, приманки нет, поэтому остается неизвестным, кого они пытались поймать. Под самой крышей есть дыра, в которую кто-то мог забраться, – нет, Снайпер, рано радуешься, человек в нее не пролезет; может, лиса, которая соблюдает диету, там и протиснется, но точно не зверюга, на которую нужен медвежий капкан. Мы проверили чердак на отпечатки лап и экскременты, однако там какали разве что пауки. Если в доме и водились вредители, то очень осторожные.

---

⁵ Желеобразное инопланетное существо из одноименного американского фильма ужасов 1988 года.

– Отпечатки есть? – спросил я.

– О боже мой, отпечаткам несть числа. Отпечатки на всех камерах, и на капкане, и на загородке лаза на чердак. Однако юный Джерри утверждает – правда, не для протокола, – что на очень предварительный взгляд нет оснований сомневаться, что они принадлежат твоей жертве, – этой жертве, конечно, а не ребятишкам. То же самое с отпечатками ботинок на чердаке: взрослый мужчина, размер обуви такой же, как у нашего парня.

– А как насчет дыр в стенах – вокруг них что-нибудь есть?

– Опять же, тьма отпечатков. Ты, похоже, не шутил, когда предупреждал, что нам придется потрудиться. Судя по размерам, многие из них принадлежат детям – они лазили везде. Большинство остальных, опять же по словам Джерри, скорее всего, оставлены жертвой, но это нужно подтвердить в лаборатории. Навскидку я бы сказал, что жертвы сами проделали дыры и к прошлой ночи это отношения не имеет.

– Ларри, посмотри на их дом. Я парень аккуратный, но моя квартира не была в таком прекрасном состоянии с тех самых пор, как я в нее въехал. Люди поддерживали уют – они даже бутылочки с шампунем по линейке расставляли. Спорю на полтинник, что ты здесь ни пылинки не найдешь. Зачем столько усилий, зачем содержать дом в идеальном порядке – и проламывать дыры в стенах? И, раз уж без дыр было не обойтись, почему нельзя потом их заделать или хотя бы прикрыть?

– Люди – психи, все как один. Тебе ли, Снайпер, не знать, – сказал Ларри. Он уже терял интерес: ему важно, что произошло, а не почему. – Я только говорю, что *если* дыры проделал кто-то посторонний, то либо с тех пор стены протерли, либо этот кто-то работал в перчатках.

– Еще что-нибудь вокруг дыр есть – кровь, следы наркотиков?

Ларри покачал головой:

– Крови нет ни внутри дыр, ни вокруг, не считая капель, которые брызнули во время резни. Остаточных следов наркотиков не нашли, но если ты думаешь, что мы могли их упустить, я вызову собаку.

– Пока повремени, если другие улики не укажут в том же направлении. А среди кровавых следов нет отпечатков, которые могут принадлежать нашим жертвам?

– Ты видел этот кавардак? Сколько, по-твоему, мы здесь? Спроси меня снова через неделю. Сам видишь, кровавых отпечатков ног тут хватит на маршевый оркестр графа Дракулы, но большинство наверняка оставили неуклюжие лапищи полицейских и санитаров. Будем надеяться, что немногие отпечатки, имеющие непосредственное отношение к *преступлению*, к тому времени успели достаточно подсохнуть, чтобы сохраниться после их топотни. То же с кровавыми отпечатками ладоней: их полно, но есть ли среди них стоящие, можно только гадать.

Ларри попал в свою стихию, он обожает трудности и любит поворчать.

– Ларри, если кто-то и может их восстановить, то только ты. Телефонов, принадлежавших жертвам, не видно?

– Твое слово – закон. Ее мобильник лежал на прикроватном столике, его – на столе в прихожей; мы упаковали и стационарный – просто так, по приколу – и компьютер.

– Прекрасно, отправьте все это в отдел по борьбе с компьютерной преступностью. А ключи?

– Полный комплект в ее сумке, на столе в прихожей: два ключа от входной двери, ключ от черного хода, ключ от машины. Еще один полный комплект в кармане его пальто. Запасной комплект в ящике стола в прихожей. Ручка “Голден-Бэй Ризорт” пока не нашлась, но если что – мы тебе сообщим.

– Спасибо, Ларри. Если не возражаешь, мы пороемся на втором этаже.

– А я-то боялся, что это будет очередной скучный передоз, – радостно бросил Ларри нам вслед. – Спасибо, Снайпер. За мной не заржавеет.

* * *

Спальня Спейнов отливала уютной, нежной позолотой: задернутые занавески защищали от истекающих слюной соседей и журналистов с телеобъективами, однако ребята Ларри, сняв отпечатки с выключателей, оставили свет гореть – для нас. В воздухе стоял не поддающийся определению домашний запах обжитой комнаты – едва ощутимая нотка шампуня, лосьона после бритья, кожи.

Вдоль одной стены встроенный гардероб, а по углам – два комода кремового цвета с изогнутыми боками, обработанные наждачкой для эффекта старины. На комод со стороны Дженни три фотографии в рамках. На двух – пухлые краснолицые младенцы, посередине – снимок со свадьбы, сделанный на лестнице какого-то крутого загородного отеля. На Патрике смокинг и розовый галстук, в петлице розовая роза. Дженни в облегающем платье со шлейфом, лежащим на ступенях, букет розовых роз, много темного дерева, через вычурное окно на лестничной площадке пробиваются клинья солнечного света. Дженни красивая – по крайней мере, была: среднего роста, стройная, длинные светлые волосы уложены в какую-то замысловатую конструкцию на макушке. Патрик тогда был на пике формы – широкая грудь, плоский живот. Одной рукой он обнимал Дженни, и оба улыбались до ушей.

– Начнем с комодов, – сказал я и направился к тому, что стоял со стороны Дженни.

Если кто-то из этой пары и хранил секреты, то она. Мир был бы другим – намного сложнее для нас и намного проще для пребывающих в блаженном неведении мужей, – если бы женщины просто выбрасывали вещи.

В верхнем ящике хранилась главным образом косметика, а также упаковка с противозачаточными – понедельничной таблетки нет, Дженни придерживалась графика – и синяя бархатная шкатулка для драгоценностей. Дженни была равнодушна к украшениям: в шкатулке лежали и дешевые побрякушки, и несколько изящных вещиц, которые показались мне довольно дорогими, – моя бывшая жена любила камушки, так что в каратах я разбираюсь. Кольцо с изумрудом, о котором упоминала Фиона, на месте, в потертой черной коробочке, – ждало, пока Эмма подрастет.

– Смотри, – сказал я.

Ричи оторвал взгляд от ящика с нижним бельем Патрика. Он действовал быстро и аккуратно – встряхнув каждую пару трусов, бросал ее в кучу на пол.

– Значит, не ограбление, – сказал он.

– Видимо, нет. По крайней мере, не профессиональное. Если что-то идет не так, любитель может испугаться и сбежать, но профессионал – или коллектор – не уйдет без того, за чем пришел.

– Любитель не годится. Как мы и предполагали, это не случайное преступление.

– Верно. Предложишь версию, в которую вписывается все, что у нас есть?

Ричи развернул несколько пар носков и кинул их в кучу, собираясь с мыслями.

– Незванный гость, про которого говорила Дженни, – сказал он чуть погодя. – Допустим, он сумел снова проникнуть в дом – возможно, даже не единожды. Фиона сама признала, что Дженни не стала бы ей об этом рассказывать.

Никаких презервативов, припрятанных на дне шкатулки с украшениями, никаких блистеров с транквилизаторами среди кисточек для макияжа.

– Однако Дженни сказала Фионе, что включит сигнализацию. Как он с ней справился? – спросил я.

– Но ведь в первый раз он с замками управился. Похоже, Патрик считал, что он забирался через чердак – например, из соседнего дома. Возможно, он был прав.

– Если бы Ларри и его ребята нашли на чердаке подходящий лаз, они бы нам сообщили. Ты же слышал, они везде искали.

Ричи начал аккуратно складывать носки и трусы обратно в ящик. Обычно мы не беспокоимся о том, чтобы оставлять место преступления в идеальном порядке, и я не мог понять – то ли он думал, что Дженни сюда вернется, что, учитывая шансы продать дом, было довольно вероятно, то ли полагал, что Фионе придется разбирать вещи. В любом случае ему стоит остерегаться излишней сострадательности.

– Ладно, значит, наш парень разбирается в сигнализациях, – сказал он. – Возможно, он с ними работает. Возможно, именно так он и выбрал Спейнов: установил им сигнализацию, помешался на них...

– Согласно брошюре, дом продавался вместе с сигнализацией, так что она была здесь еще до того, как они заселились. Сынок, ты же не в фильме “Кабельщик”.

Белье в ящике Дженни было аккуратно разложено: сексуальное для особых случаев, удобное белое – для спорта и бело-розовое в рюшечках – должно быть, повседневное. Никаких выкрутасов, никаких игрушек – видимо, Спейны предпочитали старый добрый секс.

– Но давай на секунду допустим, что наш парень каким-то образом пробрался в дом. Что дальше?

– Он начинает наглеть, пробивает дыры в стенах. Такое от Патрика уже не скроешь. Может, Патрик думает так же, как и Дженни: лучше узнать, в чем дело, лучше поймать этого парня, чем отпугнуть его или сделать дом неприступным, – поэтому устанавливает наблюдение в местах, где, как ему кажется, побывал злоумышленник.

– Значит, капкан на чердаке предназначен для человека – чтобы поймать с поличным и задержать до нашего приезда.

– Или до тех пор, пока Патрик с ним не разберется. Смотря по обстоятельствам, – сказал Ричи.

Я поднял брови:

– Сынок, да у тебя извращенный ум. Это хорошо. Главное – не слишком увлекайся.

– Когда кто-то пугает твою жену, угрожает детям... – Ричи встряхнул пару штанов цвета хаки; рядом с его костлявой задницей они выглядели огромными, словно принадлежали супергерою. – Не удивлюсь, если у него зачесались кулаки.

– Да, звучит довольно гладко. – Я задвинул ящик с бельем Дженни. – Остается только один вопрос: почему?

– Почему он нацелился на Спейнов?

– Почему вообще всё? Это же несколько месяцев слежки, чтобы закончить массовым убийством. Зачем выбирать эту семью? Зачем вламываться к ним ради пары ломтиков ветчины? Зачем снова вламываться и пробивать стены? Зачем переходить к убийствам? Зачем рисковать, начиная с детей? Зачем душить их, но потом резать взрослых? Зачем все это?

Ричи выудил из заднего кармана штанов Патрика пятьдесят центов и по-детски пожал плечами, вздернув их до самых ушей:

– Может, он псих.

Я прекратил разбирать белье.

– Так и напишешь в деле для прокурора? “Ну фиг знает, может, он псих ненормальный”? Ричи покраснел, но на попятный не пошел.

– Не знаю, как это называется у врачей, но вы же понимаете, о чем я.

– Вообще-то, сынок, не понимаю. “Псих” – это не мотив, разновидностей психов полным-полно, но большинство не склонны к насилию, и у каждого есть своя логика, пусть и неясная таким, как мы с тобой. Никто не убивает целую семью только потому, что нашло психованное настроение.

– Вы попросили выдвинуть версию, в которую вписывается все, что у нас есть. Ничего лучше я придумать не могу.

– Версия, построенная на аргументе “потому что он псих”, – это не версия, а дешевая отмазка. И леньность мысли. Детектив, я ожидал от тебя большего.

Я отвернулся и снова принялся разбирать комод, но почувствовал, что он замер.

– Выкладывай, – сказал я.

– Я сказал этой Гоган, что ей не стоит беспокоиться насчет маньяков, только для того, чтобы она не обзванивала всякие ток-шоу, но на самом деле у нее есть все основания для страха. Не знаю, каких терминов вы от меня хотите, но если этот парень – псих, то никому и не нужно нарываться на неприятности, он сам их обеспечит.

Я задвинул ящик, прислонился к комоду и сунул руки в карманы.

– Несколько веков назад жил один философ, который считал, что самое простое решение – всегда самое верное. Не самое легкое, а такое, для которого требуется минимальное количество дополнительных допущений. Как можно меньше всяких “если” и “может быть”, как можно меньше неизвестных парней, которые волею случая очутились в гуще событий. Видишь, куда я клоню?

– Вы считаете, что никакого чужака не было, – ответил Ричи.

– Неправильно. Я считаю, что у нас есть Патрик и Дженнифер Спейн, – и любая версия, в которой участвуют они, требует меньше допущений, чем остальные. Подоплека случившегося кроется либо снаружи, либо внутри. Я не говорю, что чужака не было. Я говорю, что даже если убийца пришел снаружи, проще всего исходить из предпосылки, что *причина* находилась внутри.

– Погодите... – помотал головой Ричи. – Вы же сказали, что не исключаете версию с чужаком. А та загородка на чердаке? Вы сами предположили, что она нужна для поимки парня, который продырявил стены. Что...

Я вздохнул:

– Ричи, когда я говорил “чужак”, я имел в виду человека, который одолжил Патрику Спейну деньги на азартные игры. Человека, с которым Дженни трахалась на стороне. Я имел в виду Фиону Рафферти, а не гребаного Фредди Крюгера. Разницу улавливаешь?

– Да. – Ричи ответил ровным голосом, но, судя по тому, как напряглась его челюсть, уже начал раздражаться. – Улавливаю.

– Я знаю, что это дело кажется – как ты его назвал? – *жутковатым*. Знаю, что в таких обстоятельствах воображение запускается на полную катушку. Тем важнее не терять голову. Самое вероятное решение было у нас еще по дороге сюда – банальное убийство с самоубийством.

– Это не банально. – Ричи указал на дыру над кроватью. – *Для начала*.

– Откуда ты знаешь? Может, избыток свободного времени действовал Патрику Спейну на нервы и он решил заняться ремонтом. Может, как ты и предположил, здесь какая-то проблема с проводкой и он попытался сам все починить, чтобы не платить электрику, – этим можно объяснить и выключенную сигнализацию. Может, в доме действительно завелась крыса, Спейны ее поймали и оставили капкан на случай, если набегут ее товарки. Может, дыры увеличиваются каждый раз, когда мимо проезжает машина, и Спейны хотели заснять это на видео, чтобы потом предъявить запись на судебном процессе против строителей. Вполне возможно, что все странности в этом деле сводятся к дефектам при строительстве.

– Вы так думаете? Серьезно?

– Ричи, друг мой, я думаю, что воображение – опасная вещь. Правило номер шесть, или какое оно там по счету: выбирай скучную версию, которая требует наименьшего напряжения воображения, и не ошибешься.

С этими словами я продолжил копаться в футболках Дженни Спейн. Некоторые бренды были мне знакомы – у нее и моей бывшей оказались одинаковые вкусы. Через минуту Ричи покачал головой и, крутанув пятидесятицентовик на комоде, начал складывать штаны Патрика. На какое-то время мы оставили друг друга в покое.

Секрет, которого я ждал, нашелся в глубине нижнего ящика – комок, засунутый в рукав розового кашемирового кардигана. Когда я встряхнул рукав, что-то запрыгало по толстому ковру – маленький твердый предмет, плотно завернутый в салфетку.

– Ричи, – позвал я, но он уже отложил джемпер и подошел взглянуть.

Это был круглый значок – дешевый металлический пустячок из тех, какие можно купить в киоске, если одолевает непреодолимое желание нацепить на себя лист марихуаны или название музыкальной группы. Местами краска уже облезла, но когда-то значок был голубым; с одной стороны – улыбающееся желтое солнце, с другой – нечто белое, похожее то ли на воздушный шар, то ли на воздушного змея. Посередине – надпись пухлыми желтыми буквами: “Я ХОЖУ К «ДЖО-ДЖО»!”

– Ну как тебе? – спросил я.

– По-моему, какая-то банальщина, – ответил Ричи и серьезно посмотрел на меня.

– По-моему, тоже, однако он лежал в довольно небанальном месте. С ходу придумаешь банальную причину, по которой он тут очутился?

– Его спрятал кто-то из детей. Некоторые дети обожают прятать все подряд.

– Возможно. – Я перевернул значок в ладони. На булавке виднелись две тонкие полоски ржавчины – там, где она долго была воткнута в один и тот же кусок ткани. – А все-таки интересно, что это такое. Название “Джо-Джо” тебе ни о чем не говорит?

Он покачал головой:

– Коктейль-бар? Ресторан? Детский сад?

– Может быть. Никогда о нем не слышал, но значок не выглядит новым, так что заведение могло давным-давно закрыться. Или оно на Мальдивах или в другом месте, где они отдыхали. Не ясно только, зачем Дженни Спейн понадобилось его прятать. Что-нибудь подороже я бы принял за подарок от любовника, но значок?

– Если она очнется...

– Мы спросим ее, в чем тут дело. Правда, не факт, что она нам расскажет.

Я снова завернул значок в салфетку и нашел пакет для вещдоков. С комода мне улыбалась Дженни, уютившаяся в объятиях Патрика. Даже с этой мудреной прической и под слоями макияжа она выглядела невероятно молодой. Лицо, светящееся ликованием, говорило, что замужняя жизнь для нее была подернута золотистой дымкой. *И жили они долго и счастливо.*

* * *

Настроение у Купера улучшилось – видимо, потому, что в деле открывались новые глубины чернухи. Он позвонил мне из больницы, как только осмотрел Дженни Спейн. К тому времени мы с Ричи перешли к гардеробу, где нас ждало примерно то же самое: множество вещей, в большинстве своем не дизайнерских, но модных – например, у Дженни три пары уггов. Никаких наркотиков, денег и мрачных секретов. На верхней полке гардероба Патрика мы нашли старую жестяную коробку из-под печенья, внутри несколько сухих стебельков, обглоданная морем деревяшка со следами зеленой краски, горстка камушков и выбеленных ракушек – подарки от детей, собранные на берегу моря.

– Детектив Кеннеди, вам будет приятно узнать, что оставшаяся в живых жертва по-прежнему остается в живых.

– Доктор Купер. – Я включил громкую связь и вытянул руку с телефоном в направлении Ричи; он опустил пригоршню галстуков *Hugo Boss* и стал слушать. – Спасибо, что позвонили. Как она?

– По-прежнему в критическом состоянии, но, по мнению ее врача, у нее отличные шансы выжить.

“Ура!” – сказал я Ричи одними губами. Тот скорчил какую-то неопределенную гримасу: хорошая новость для нас, а для Дженни Спейн – не очень.

– Я с ним согласен, хотя живые пациенты и не являются моей специальностью.

– Можете рассказать нам о полученных ею повреждениях?

Повисла пауза: Купер раздумывал, не заставить ли меня дожидаться официального отчета, но хорошее настроение победило.

– Ей было нанесено множество ранений, некоторые правомерно охарактеризовать как значительные. Резаная рана от правой скулы до правого угла рта. Колотая рана: лезвие наткнулось на грудину и полоснуло по правой груди. Колотая рана ниже правой лопатки. Колотая рана в живот, справа от пупка. Кроме того, небольшие порезы на лице, шее, груди и руках – все они будут подробно описаны и отмечены на схеме в моем отчете. Орудием послужил однолезвийный клинок или клинки – весьма вероятно, те же, которыми были нанесены ранения Патрику Спейну.

Когда кто-то уродует лицо женщине, особенно молодой и хорошенькой, это почти всегда личное. Краем глаза я снова увидел улыбку и букет розовых роз – и отвернулся.

– Кроме того, травма левой затылочной части головы предположительно тупым тяжелым предметом, ударная поверхность которого примерно соответствует по форме и размерам мячу для гольфа. На обоих запястьях и предплечьях свежие синяки, форма и расположение которых указывают на то, что потерпевшую удерживали за руки. Следов сексуального насилия нет, и в последние сутки она не имела половых контактов.

Кто-то оторвался на Дженни Спейн по полной.

– Насколько сильным должен был быть нападавший или нападавшие? – спросил я.

– Судя по краям ран, оружие было чрезвычайно острым, а это означает, что для нанесения колотых и резаных ран не требовалось особой силы. Что касается тупой травмы головы, то тут все зависит от оружия – например, если она действительно была бы нанесена мячом для гольфа, который нападавший держал в руке, ему потребовалось бы вложить в удар значительную силу. Если же мяч был бы помещен, скажем, в длинный носок, то силу заменило бы ускорение, и такой удар мог бы нанести даже ребенок. Впрочем, синяки на запястьях свидетельствуют о том, что действовал не ребенок, – в ходе борьбы пальцы нападавшего соскальзывали, поэтому точно определить размеры его ладоней невозможно, но я могу вас уверить, что на миссис Спейн напал взрослый человек.

– Могла ли потерпевшая сама нанести себе эти повреждения?

Перепроверяй все, даже то, что кажется очевидным, иначе за тебя это сделает адвокат защиты.

– Только в высшей степени талантливый потенциальный самоубийца, – Купер снова заговорил голосом заклинателя недоумков, – мог бы пырнуть себя под лопатку, ударить себя по затылку, а затем, за долю секунды до потери сознания, спрятать оба орудия так тщательно, чтобы их не нашли по крайней мере в течение нескольких часов. За отсутствием доказательств того, что миссис Спейн – высококлассная гимнастка и фокусница, нанесение повреждений самой себе, вероятно, можно исключить.

– Вероятно? Или точно?

– Если вы мне не верите, детектив Кеннеди, – любезно сказал Купер, – не стесняйтесь, попробуйте осуществить это чудо ловкости сами. – И отключился.

Пока я говорил, Ричи напряженно размышлял, размеренно почесывая за ухом.

– Итак, Дженни исключается, – сказал он.

Я убрал телефон в карман пиджака.

– Но не Фиона: если она по какой-то причине напала на Дженни, то вполне могла изуродовать ей лицо. Возможно, ей осточертело всю жизнь считаться сестрой-дурнушкой. Пока-пока, старшая сестра, похоронят тебя в закрытом гробу, и больше ты не первая красавица в семье.

Ричи задумчиво взглянул на свадебное фото.

– На самом деле Дженни не красивее Фионы. Просто более ухоженная.

– А это одно и то же. Если они вместе ходили по клубам, я могу точно сказать, кому из них доставалось все мужское внимание, а кто был утешительным призом.

– Но это же свадьба. Не каждый же день Дженни так расфуфыривается.

– Ставлю что угодно, что каждый. Тут, в ящике, косметики больше, чем Фиона за всю жизнь использовала. Каждая шмотка в гардеробе Дженни Спейн стоит дороже, чем весь прикид ее младшей сестры, и Фионе это прекрасно известно – помнишь ее замечание про дорогую одежду Дженни? Все просто: Дженни – красотка, Фиона – нет. И, раз уж речь зашла о мужском внимании, вспомни, как горячо Фиона заступалась за Патрика. По ее словам, они трое давно знакомы, и я бы хотел поподробнее узнать, что там за предыстория. Я видел и не такие любовные треугольники.

Ричи кивнул, продолжая разглядывать фото.

– Фиона маленькая. По-вашему, она могла прикончить такого здоровяка, как Патрик?

– С помощью острого ножа и элемента неожиданности? Да, думаю, что могла. Я не говорю, что она главная подозреваемая, но и вычеркивать ее из списка еще рано.

Когда мы вернулись к обыску, Фиона поднялась еще на пару строчек в списке: в глубине гардероба Патрика, за полкой для обуви, обнаружился клад – крепкая серая коробка для хранения документов. С глаз долой – она не сочеталась с интерьером, – но из сердца не вон: Спейны хранили в идеальном порядке все документы за последние три года. Я готов был расцеловать коробку. Если бы пришлось выбирать один-единственный способ изучить жизнь жертвы, я бы без колебаний выбрал финансовую информацию. В электронной переписке, дружеских разговорах и даже в дневниках люди постоянно втирают очки, но выписки по их кредиткам не врут никогда.

Позже, когда все это добро придет в отдел, мы успеем с ним тщательно ознакомиться, однако общее представление я хотел получить уже сейчас. Мы сели на кровать – Ричи на секунду замялся, словно боясь ее испачкать или испачкаться сам, – и разложили вокруг себя бумажки.

Сверху лежало самое важное: четыре свидетельства о рождении, четыре паспорта, свидетельство о браке. У Спейнов была страховка – действующая, – по которой в случае смерти одного из супругов погашалась ипотека. Еще один полис – двести штук на Патрика и сто на Дженни, – но срок его действия истек летом. По завещанию они оставляли все друг другу; если бы умерли оба, всё, включая опеку над детьми, досталось бы Фионе. На свете полно людей, которые весьма обрадовались бы несколькими сотням тысяч и новому дому, особенно если бы к этой благодати не прилагалась пара детей.

А затем мы перешли к финансовым документам, и Фиона Рафферти упала в списке подозреваемых так низко, что почти скрылась из виду. У Спейнов все было просто – один совместный счет для всех доходов и расходов, что для нас было очень кстати. Как мы и предполагали, они сидели на мели. Бывшие работодатели Патрика отстегнули ему немаленькую компенсацию при сокращении, но с тех пор единственными поступлениями были пособие по безработице и выплаты на детей. А траты не прекращались. В феврале, марте, апреле деньги утекали со счета с той же скоростью, что и раньше. В мае Спейны начали урезать расходы. К августу вся семья уже тратила меньше, чем я один.

Слишком поздно. Ипотека была уже на три месяца просрочена, и Спейны получили два письма от кредиторов – каких-то ковбоев под названием “Пора домой”, – причем второе было гораздо менее любезным, чем первое. В июне они оба перешли на другой мобильный тарифный план – без абонентской платы – и практически перестали кому-то звонить. Телефонные счета за четыре месяца соединены скрепкой – их общей суммы девочке-подростку едва хватило бы на неделю разговоров. В конце июля внедорожник вернулся туда, откуда приехал; они уже месяц не платили за “вольво”, четыре месяца – по кредиткам и вдобавок задолжали полтинник за электричество. Согласно последней банковской выписке, на их счете было триста четырнадцать евро пятьдесят семь центов. Если Спейны и проворачивали мутные делишки, то либо катастрофически бездарно, либо просто блестяще.

Впрочем, даже перейдя в режим экономии, они не отказались от интернета – надо как можно скорее передать их ноутбук в отдел по борьбе с компьютерной преступностью. Может, в реальной жизни Спейны и оказались в изоляции, но к их услугам был целый интернет, а в киберпространстве некоторые рассказывают такое, в чем не признались бы и лучшим друзьям.

Можно сказать, что в каком-то смысле они разорились еще до того, как Патрик потерял работу. Да, он прилично зарабатывал, однако парочка постоянно умудрялась превышать шеститысячный лимит по кредитке, спуская трехзначные суммы в магазинах *Brown Thomas* и *Debenhams*⁶ и на нескольких сайтах со смутно знакомыми девчачьими названиями, – а ведь на них висели еще два кредита за машины и ипотека. Только наивные люди полагают, будто банкротами становятся те, чья зарплата не покрывает долги. Любой экономист скажет вам, что банкротство – это состояние души. Кризис кредитования наступил не потому, что однажды утром люди обеднели, а потому что испугались.

В январе, когда Дженни потратила двести семьдесят евро на каком-то сайте под названием *Shoe 2 You*, у Спейнов все было в ажуре. В июле, когда она не стала менять замки после того, как в дом кто-то проник, у них за душой не было ни цента.

Некоторые люди стойко принимают удар судьбы, мыслят позитивно и изображают благополучие, пока впереди не замаячит просвет, а некоторые ломаются и падают. Безденежье доводит людей до того, о чем они не могли и помыслить, толкает законопослушного гражданина к туманному, осыпающемуся краю, за которым десятки видов преступлений. Оно превращает безобидных, миролюбивых людей в обезумевшие от ужаса клубки из зубов и когтей. Я почти ощущал сырую, словно у гниющих водорослей, вонь страха, доносившуюся из темной глубины шкафа, в котором Спейны держали под замком своих чудовищ.

– Похоже, раскапывать подноготную сестры не потребуется, – сказал я.

Ричи еще раз пролистал банковские выписки и остановился на безнадежной последней странице.

– Иисусе... – покачал он головой.

– Честный парень, жена и дети, хорошая работа, дом – все, как он мечтал. И вдруг на тебе – мир рушится. С работы уволили, машину забрали, дом скоро заберут – а может, и Дженни подумывает забрать детей и уйти, раз он семью не обеспечивает. Это могло довести его до крайности.

– И все это меньше чем за год, – сказал Ричи и положил выписки на кровать рядом с письмами кредиторов, держа их двумя пальцами, словно они радиоактивные. – Да, такое вполне могло случиться.

– Пока у нас слишком много “если”, и вот еще: если ребята Ларри не найдут доказательств того, что убийца – не кто-то из своих, если оружие обнаружится неподалеку и если Дженни

---

⁶ Ирландская и британская сети универмагов.

Спейн не очнется и не выдаст нам чрезвычайно убедительную историю, злодеем в которой окажется не ее муж... Тогда мы сможем закрыть это дело гораздо раньше, чем предполагали.

В этот момент у меня зазвонил телефон.

– Ну вот, – сказал я, выуживая его из кармана. – Сколько ставишь на то, что один из летунов нашел где-то поблизости оружие?

Звонил Ковбой Мальборо, и от волнения его голос ломался, как у подростка.

– Сэр... – сказал он. – Сэр, вы должны это увидеть.

* * *

Он был на тропинке Оушен-Вью – этот двойной ряд домов между проездом Оушен-Вью и морем едва ли можно было назвать улицей. Когда мы проходили мимо, другие летуны, словно любопытные животные, высовывали головы из проемов в стенах. Ковбой Мальборо помахал нам из окна второго этажа.

У серого блочного дома, оплетенного зелеными сетями ползучих растений, были только стены и крыша. Палисадник зарос высокой, по грудь, сорной травой и утесником, заполонившими подъездную дорожку и пустой дверной проем. Нам пришлось карабкаться по трухлявым строительным лесам, стряхивая с ног стебли, и лезть в брешь окна.

– Я сомневался, нужно ли... – начал Ковбой. – То есть я знаю, что вы заняты, сэр, но вы велели звонить, если найдем что-нибудь интересное. А это...

Кто-то аккуратно и с толком обустроил в верхнем этаже личное логово. Расстеленный спальный мешок – полупрофессиональный, для экспедиций в дикие края – прижат обломком бетона. Плотная полиэтиленовая пленка на окнах защищает от ветра. У стены ровным рядом выстроились три двухлитровые бутылки с водой. В прозрачном пластиковом контейнере – дезодорант, брусок мыла, мочалка, зубная щетка и тюбик зубной пасты. В углу совок и щетка, кругом чистота, ни паутины. В пакете из супермаркета – прижат еще одним куском бетона – пара пустых бутылок из-под “Люкозейда”, комок оберток от шоколада, засохшие корки сэндвича в смятой фольге. На гвозде, вбитом в балку, – пластиковый капюшон от дождя из тех, что носят старушки. А на спальном мешке, рядом с потертым футляром, – черный бинокль.

Прибор не выглядел особенно мощным, но это и не требовалось – задние окна смотрели прямо на чудесную застекленную кухню Патрика и Дженни Спейн, которая находилась всего в тридцати-сорока футах. Ларри и его ребята там, похоже, обсуждали одно из кресел-мешков.

– Боже милостивый, – пробормотал Ричи.

Я не сказал ни слова: меня распирала такая злость, что наружу мог вырваться только рев. Все, что я знал об этом деле, взлетело в воздух, перевернулось вверх тормашками и рухнуло мне на голову. Это логово – не наблюдательный пункт профессионального убийцы, которого наняли вернуть деньги или наркотики, тот бы заранее все убрал, и мы ни за что не догадались бы, что здесь кто-то побывал. Нет, здесь выслеживал своих жертв псих, о котором говорил Ричи, – человек, который сам приносит неприятности.

Патрик Спейн все-таки был единственным из сотни. Он все делал правильно. Женился на подруге детства, завел с ней двух здоровых детей, купил хороший дом, рвал задницу, чтобы за него расплатиться и под завязку набить его модным барахлом. Он, черт побери, сделал все, что должен был сделать, но потом приперся этот маленький говнюк с дешевым биноклем и разнес все на атомы, а Патрику не оставил ничего, кроме вины.

Ковбой Мальборо встревоженно смотрел на меня, боясь, что снова облажался.

– Так-так-так, – холодно сказал я. – У Патрика появился конкурент.

– Похоже на гнездо сталкера, – сказал Ричи.

– Это оно и есть. Так, всем выйти. Детектив, звони своим приятелям и скажи, чтобы возвращались на место преступления. Пусть не подают виду, что что-то произошло, но уйти они должны сейчас же.

Ричи поднял брови, Ковбой раскрыл было рот, но, взглянув на меня, снова его захлопнул.

– Возможно, прямо сейчас этот парень за нами наблюдает, – сказал я. – Пока это единственное, что мы о нем знаем, – он любит наблюдать. Я вам гарантирую: он все утро крутился неподалеку, хотел увидеть, как нам понравится его работа.

Справа, слева, прямо впереди – ряды глазающих на нас недостроенных домов. За нашими спинами – пляж, песчаные дюны и заросли шуршащей травы; с обеих сторон – холмы с грядами острых валунов у подножия. Он мог затаиться где угодно. Куда бы я ни повернулся, было чувство, что кто-то целится мне в лоб.

– Не исключено, что наша активность напугала его и заставила временно залечь на дно, – сказал я. – Если нам повезло, то он не видел, что мы нашли его укрытие. Но он вернется – и нам нужно, чтобы он чувствовал себя в безопасности. Потому что при первой же возможности он поднимется сюда. Ради этого. – Я кивнул в сторону ярко освещенной кухни, по которой ходили Ларри и его группа. – Ставлю все до последнего цента: остаться в стороне он не сможет.

6

Как ни посмотри, а убийство – это хаос. Наша работа, в сущности, проста: мы боремся против хаоса и за порядок.

Я помню, какой была страна в моем детстве. Мы ходили в церковь, ужинали всей семьей за одним столом, и ребенку в голову бы не пришло послать взрослого на хер. Зла тоже хватало – я об этом не забыл, – но все мы отлично знали, что к чему, и правил просто так не нарушали. Если вам кажется, что это скучная, старомодная, беспонтовая ерунда, подумайте вот о чем: люди улыбались незнакомцам, здоровались с соседями, не запирали дверей и помогали старушкам донести покупки, – а число убийств приближалось к нулю.

Однако в какой-то момент мы начали дичать. Дикость попала в воздух, словно вирус, и распространяется до сих пор. Посмотрите на своры детей в неблагополучных районах – безмозглые, расторможенные, как бабуины, они ищут выход для агрессии. Посмотрите на бизнесменов, которые отпихивают беременных женщин, чтобы занять места в поезде, вытесняют маленькие машины с дороги на своих внедорожниках; посмотрите, как они багровеют и кипят от ярости, когда мир осмеливается им перечить. Посмотрите, как подростки закатывают истерики с воплями и топаньем ногами, когда в кои-то веки не получают желаемое сию секунду. Все, что мешает нам превратиться в животных, размывается, утекает, будто песок сквозь пальцы, исчезает без следа.

Последний шаг к одичанию – убийство. Между ним и вами стоим мы. Даже если все промолчат, мы скажем: “Здесь есть правила. Здесь есть пределы допустимого, есть незываемые границы”.

Лично я не отличаюсь богатым воображением, но по вечерам, размышляя, не зря ли прошел мой день, думаю вот о чем: когда мы начали превращаться в людей, то прежде всего провели черту перед входом в пещеру и сказали: “Диким зверям входа нет”. Я делаю то же, что и первые люди, которые строили стены, чтобы удержать море, и сражались с волками, защищая огонь в очаге.

Я собрал всех в гостиной Спейнов – стало довольно тесно, но о том, чтобы беседовать в аквариумной кухне, не могло быть и речи. Летуны скучились плечом к плечу, стараясь не наступать на ковер и не задевать телик, словно они в гостях у Спейнов и надо вести себя прилично. Я рассказал о том, что обнаружилось за садовой оградой. Один из криминалистов тихо и протяжно присвистнул.

– Слушай, Снайпер, – сказал Ларри, удобно устроившийся на диване. – Не подумай, что я сомневаюсь в твоей компетенции, но, может, просто какой-то бездомный нашел себе там уютную временную ночлежку?

– С биноклем, дорогим спальником и прочей хренью? Исключено, Ларри. Гнездышко обустроили по единственной причине: чтобы шпионить за Спейнами.

– И это не бездомный, – сказал Ричи, – или же ему есть где помыться и постирать спальный мешок. Там не воняет.

– Свяжись с кинологами и попроси как можно скорее прислать розыскную собаку, – велел я ближайшему летуну. – Скажи, что мы отслеживаем подозреваемого в убийстве и нам нужна лучшая ищейка. (Он кивнул и вышел в прихожую, на ходу доставая телефон.) Пока собака не возьмет след, в дом никому не входить. Вы все, – я кивнул летуну, – можете продолжить поиски оружия, но на этот раз держитесь подальше от убежища – обойдите дом и двигайтесь прямо к пляжу. Когда придет кинолог с собакой, я скину вам сообщение, и все бегом сюда. Мне понадобится хаос перед домом: люди должны носиться, кричать, подъезжать на машинах с включенными фарами и сиренами, собираться в кружок, якобы разглядывая что-то. Побольше

драматизма. И молитесь своему святому – или кто там у вас, – чтобы, если наш парень наблюдает из укрытия, хаос возбудил его любопытство и он вышел посмотреть, что происходит.

Ричи подпирал стену, засунув руки в карманы.

– Он оставил в логове бинокль. Если он захочет глянуть, в чем дело, то не сможет отсидеться в сторонке и понаблюдать издалека – ему придется подойти поближе.

– Никаких гарантий, что у него нет второго бинокля, но будем надеяться. Если он подойдет близко, его, возможно, даже удастся схватить, однако рассчитывать на это не стоит; весь поселок – сплошной лабиринт, прятаться здесь можно хоть несколько месяцев. Тем временем собака идет в логово, нюхает спальник – если пес не заберется на второй этаж, кинолог может его спустить – и приступает к работе. *Один* криминалист идет с ними – *не привлекая внимания*, – снимает все на видео, берет отпечатки пальцев и уходит. Остальное может подождать.

– Джерри, – Ларри указал на долговязого юношу, и тот кивнул. – Во всем Дублине никто не снимает отпечатки быстрее него.

– Джерри, здорово. Если найдешь отпечатки, сразу возвращайся в лабораторию и делай свое дело. Остальные будут изображать бурную деятельность столько, сколько тебе нужно, а потом вернемся к своим задачам. Времени у нас ровно до шести часов. Потом мы очистим территорию. Те, кто еще работает в доме, пусть продолжают, но снаружи все должно выглядеть так, словно мы разъехались. Я хочу, чтобы наш парень увидел, что берег чист – в буквальном смысле.

Брови Ларри вылезли практически на плешь. Ставить на карту всю работу – большой риск: воспоминания свидетелей могут измениться даже за ночь, дождь может смыть кровь и запахи, прилив – унести в море выброшенное оружие и окровавленную одежду. Обычно я не рискую, но это дело не похоже на другие.

– Как только стемнеет, – сказал я, – мы вернемся на позиции.

– Похоже, ты считаешь, что собака его не найдет, – заметил Ларри. – По-твоему, этот парень знает, что делает?

Летуны дружно встряхнулись: эта мысль заставила их насторожиться.

– Именно это мы и стремимся выяснить, – сказал я. – Вероятно, нет, иначе он бы за собой убрал, но рисковать я не собираюсь. Закат примерно в полвосьмого, может, чуть позже. Часов в восемь-полдевятого, как только стемнеет, мы с детективом Курраном отправимся в логово и проведем там ночь. – Я поймал взгляд Ричи, и тот кивнул. – Тем временем два детектива будут патрулировать поселок – опять же, не привлекая внимания – и наблюдать за любым движением в поселке, особенно если это движение направлено в сторону дома Спейнов. Желаящие есть?

Все летуны разом вскинули руки. Я выбрал Ковбоя – он это заслужил – и паренька, достаточно молодого, чтобы одна бессонная ночь не подкосила его на всю неделю.

– Учтите, что он может скрываться как за пределами поселка, так и внутри. Может, он прячется в одном из пустующих домов, а может, здесь живет. Если заметите что-то интересное, сразу звоните мне. Рациями по-прежнему не пользуемся: надо исходить из предпосылки, что парень увлекается приборами для слежки настолько, что мог обзавестись сканером. Если кто-то выглядит подозрительно, постарайтесь сесть ему на хвост, но ваша главная задача – чтобы он вас не засек. Если вам хоть мельком покажется, что вы засветились, снимайте наблюдение и доложите мне. Ясно?

Они кивнули.

– Кроме того, мне нужно, чтобы пара криминалистов осталась на ночь.

– Только не я, – сказал Ларри. – Снайпер, я люблю тебя, но у меня планы, и вдобавок, не пойми меня неправильно, я слишком стар для ночных приключений.

– Не страшно. Уверен, что кому-нибудь из присутствующих не помешают сверхурочные. Я прав?

Ларри изобразил, что подбирает отвалившуюся челюсть, – у меня репутация человека, который не щедр на сверхурочные. Несколько криминалистов кивнули.

– Если хотите, можете взять спальные и по очереди дремать в гостиной, мне просто нужно, чтобы кто-то имитировал активную деятельность. Носите вещи из машин в дом и обратно, берите пробы с предметов в кухне, включите там ноутбук и откройте таблицу, которая выглядит профессионально... Ваша задача – заинтересовать нашего парня настолько, чтобы он поддался искушению подняться в гнездышко за биноклем.

– Приманка, – сказал Джерри, эксперт по отпечаткам.

– Именно. У нас есть приманка, следопыты, охотники – будем надеяться, что наш парень угодит в ловушку. С шести до заката у нас будет пара часов; можете перекусить, заехать отметить в контору, если надо, взять все необходимое для слежки. А пока возвращайтесь к работе. Спасибо, парни и прекрасные дамы.

Они разошлись; два криминалиста бросали монетку, разыгрывая сверхурочные, несколько летунов пытались произвести впечатление на меня или друг на друга, делая пометки в блокнотах. На рукаве моего пальто остались пятна ржавчины от строительных лесов. Я вышел в кухню, чтобы смочить найденную в кармане салфетку.

Ричи последовал за мной.

– Если проголодался, возьми машину и сгоняй на заправку, о которой говорила Гоган, – сказал я.

Он покачал головой.

– Все супер.

– Хорошо. Ночью поработать не против?

– Без проблем.

– В шесть прокатимся в отдел, отчитаемся перед главным инспектором, возьмем все, что нужно, потом снова встретимся и вернемся сюда. – Если быстро доберемся до города и доклад шефу не займет много времени, я, возможно, успею найти Дину и отправить ее на такси к Джерри. – Можешь записать себе сверхурочные. Я не собираюсь.

– Почему?

– Я не сторонник самой идеи сверхурочных.

Ребята Ларри перекрыли воду и забрали сифон на случай, если наш парень здесь отмылся, но из крана вытекла струйка оставшейся воды. Я намочил салфетку и принялся тереть рукав.

– Да, я слышал. А что так?

– Я не нянька и не официант и почасовую оплату не беру. И я не политик, который требует тройное вознаграждение за каждый чих. Мне платят за работу, что бы это ни значило. Это Ричи оставил без комментариев.

– Вы на все сто уверены, что парень за нами наблюдает, так? – спросил он.

– Наоборот: скорее всего, он сейчас далеко, у себя на работе, – если у него есть работа и если ему хватило пороку сегодня туда прийти. Но, как я уже сказал, рисковать я не собираюсь.

На периферии зрения блеснуло что-то белое, и я, еще не успев осознать, что делаю, развернулся к окну и приготовился бежать к задней двери. Один из криминалистов на дорожке брал пробу с брусчатки.

Ричи красноречиво промолчал, а я выпрямился и засунул салфетку в портфель.

– Ну, может, насчет “на все сто” я загнул, но вы все-таки думаете, что он за нами наблюдает, – сказал Ричи.

Огромная клякса Роршаха на полу, где лежали Спейны, темнела, образуя корку по краям. Рикошетающие от окон лучи серого предвечернего солнца отбрасывали во все стороны беспорядочные искаженные отражения: кружащиеся листья, кусок стены, головокружительное птичье пике из-под облаков.

– Да, – сказал я. – Думаю, он наблюдает.

* * *

Теперь нам оставалось скоротать остаток дня и дожидаться сумерек. Пресса уже начала собираться – позже, чем я ожидал; очевидно, их навигаторам это место понравилось не больше, чем моему. Репортеры занимались своим делом – напирали на оградительную ленту, пытались заснять криминалистов, серьезными голосами наговаривали текст в камеры. Для меня журналисты – необходимое зло: они паразитируют на зверях, сидящих в каждом из нас, приманивают гиен, заливая первые полосы кровью, но часто бывают полезны, поэтому лучше с ними не ссориться. Я проверил прическу в зеркале в ванной Спейнов и вышел, чтобы сделать заявление. На секунду я даже подумал отправить вместо себя Ричи: при мысли о том, что Дина услышит мой голос, говорящий о Брокен-Харборе, я почувствовал жжение в груди.

Перед домом толпились десятка два журналистов – представители ведущих газет и таблоидов, национальных телеканалов и местного радио. Я постарался говорить как можно короче и монотоннее в надежде, что вместо того, чтобы дать в эфир кадры с моим заявлением, на мои слова просто сошлутся, и дал понять, что все четверо Спейнов погибли. Наш парень будет смотреть новости, и мне хотелось, чтобы он чувствовал себя уверенно и в безопасности: никаких свидетелей, идеальное преступление, поздравь себя с тем, что ты такой молодец, и приходи еще раз взглянуть на свою безупречную работу.

Вскоре прибыли поисковая группа и кинолог с собакой, пополнив множество действующих лиц в нашем садовом спектакле: та баба Гоган и ее сынок перестали притворяться, что не подглядывают, и высунулись из двери, а репортеры чуть не порвали оградительную ленту, пытались увидеть, что происходит, – и я посчитал это за хороший знак. Вместе с остальными ребятами я склонялся над чем-то воображаемым в прихожей, выкрикивал в открытую дверь бессмысленную тарабарщину, бегал к машине, чтобы что-нибудь из нее достать. Потребовалась вся моя сила воли, чтобы не поискать взглядом в лабиринте домов мимолетное движение, отблеск линз, но я ни разу не поднял глаза.

Собака – лоснящаяся, мускулистая немецкая овчарка – моментально взяла след от спального мешка, но уже в конце улицы потеряла. Я велел кинологу провести ее по дому – если наш парень наблюдал за нами, я хотел внушить ему мысль, что собаку вызвали именно для этого. Потом я распорядился продолжить поиски оружия, а летунам раздал новые задания: съездить в школу Эммы – быстро, пока не закрылась, – поговорить с ее учительницей, друзьями и их родителями; съездить в детский сад Джека – с той же целью; обойти все магазины рядом со школой и выяснить, откуда взялись пакеты, которые видела Шинейд Гоган; узнать, не шел ли кто-нибудь за Дженни и нет ли у кого-то записей с камер наблюдения; съездить в больницу, куда положили Дженни, и поговорить с приехавшими родственниками; разыскать тех, кто не приехал, и объяснить им, что они должны держать рот на замке и не общаться с прессой; объездить все больницы в радиусе шестидесяти миль и расспросить про ночной урожай ножевых ранений – вдруг Спейны порезали нашего парня, когда сопротивлялись; позвонить в контору и выяснить, не обращались ли Спейны в полицию в последние полгода; позвонить в Департамент полиции Чикаго и попросить, чтобы сообщили печальную новость Иэну, брату Пэта; найти всех до единого жителей этого богом забытого места и пригрозить им всеми карами, включая тюремное заключение, если о чем-либо расскажут прессе раньше, чем нам; выяснить, видели ли они Спейнов, что-нибудь странное – или хоть что-нибудь вообще.

Мы с Ричи продолжили обыск дома. Теперь все было иначе, ведь Спейны превратились в полумиф, в такую же редкость, как сладкоголосая птица, которую никто не видел своими глазами, стали настоящими, совершенно безвинными жертвами. Раньше мы искали следы их роковых безрассудств, теперь – ошибку, которую они, сами того не подозревая, совершили:

чеки покажут, кто продавал Спейнам еду, бензин, детскую одежду; поздравительные открытки сообщат, кто был на дне рождения Эммы; листовка перечислит тех, кто участвовал в собрании жильцов. Мы искали заманчивую приманку, которая привлекла к ним в дом человекообразного зверя.

Первым вышел на связь летун, которого я отправил в детский сад.

– Сэр, – доложил он, – Джек Спейн туда не ходил.

Мы переписали номер из списка, висевшего над телефонным столиком. Округлый женский почерк: “врач”, “полицейский участок”, “работа” (зачеркнуто), “Э. – школа”, “Дж. – сад”.

– Никогда?

– Нет, ходил, но до июня, когда сад закрылся на лето. Ребенок должен был вернуться осенью, но в августе Дженнифер Спейн позвонила и сказала, что он останется дома. Заведующая считает, что дело в деньгах.

Ричи наклонился к телефону – мы по-прежнему сидели на кровати Спейнов, еще глубже погружившись в бумаги.

– Джеймс, привет, это Ричи Курран. Ты узнал имена друзей Джека?

– Ага. Три мальчика.

– Хорошо, – сказал я. – Поговори с ними и с их родителями, потом отчитайся нам.

– Можешь спросить родителей, когда они последний раз видели Джека? – добавил Ричи. –

И когда последний раз водили детей поиграть к Спейнам?

– Будет сделано. Свяжусь с вами как можно скорее.

– Да уж будь добр. – Я отключил телефон. – Это ты к чему?

– По словам Фионы, вчера утром Дженни сказала ей, что Джек привел в гости друга из детского сада. Но если Джек не ходил в сад...

– Возможно, она имела в виду друга, с которым он познакомился в прошлом году.

– Но прозвучало-то не так, верно? Может, кто-то кого-то недопонял, но, как вы говорили, тут что-то не сходится. Не понимаю, зачем Фионе врать нам по такому поводу или зачем Дженни врать Фионе, но...

Но если одна из них солгала, было бы неплохо об этом узнать.

– Возможно, Фиона все выдумала, потому что вчера утром разругалась с Дженни и теперь чувствует себя виноватой. Или Дженни сочинила это, потому что не хотела признаваться Фионе, что они совсем на мели. Ричи, вот правило, если не ошибаюсь, седьмое: все лгут – убийцы, свидетели, очевидцы, потерпевшие. Все.

* * *

Один за другим отзвонились и остальные летуны. По словам парней из Чикаго, реакция Иэна Спейна была “хорошей” – стандартная смесь потрясения и горя, ничего настораживающего. Он сказал, что редко переписывался с Пэтом, но что тот не упоминал ни про слежку, ни про какие-либо конфликты. У Дженни родни тоже почти не оказалось: мать приехала в больницу, какие-то двоюродные братья и сестры жили в Ливерпуле, но на этом все. Реакция матери тоже была хорошей – вдобавок она едва не впала в истерику, когда ее не пустили к Дженни. В конце концов летуну удалось взять у нее не обладающие особой ценностью показания: Дженни мало общалась с матерью, и миссис Рафферти знала о жизни Спейнов еще меньше, чем Фиона. Летун уговаривал ее отправиться домой, но они с Фионой расположились лагерем в больнице. Что ж, по крайней мере теперь мы знали, где их найти.

Эмма в самом деле ходила в начальную школу, и учителя сказали, что она хорошая девочка из хорошей семьи: популярная, послушная, общительная, не гений, но вполне способная. Летун записал имена учителей и подруг. Никто не обращался с подозрительными ножевыми ранениями в ближайшие отделения травматологии, никто не звонил в полицию из дома

Спейнов. Обход поселка ничего не дал: из двухсот пятидесяти домов только в пяти-шести десятках кто-то официально проживал, дверь открыли только человек двадцать, да и те почти ничего не знали про Спейнов. Никто не видел и не слышал ничего необычного, хотя с уверенностью сказать об этом не мог: здесь вечно гоняют лихачи, а по пустым улицам шляются полудикие подростки, ища, что бы такого поджечь или сломать.

За продуктами Дженни ездила в супермаркет в ближайшем городке. Вчера в четыре часа дня она купила там молоко, фарш, чипсы и еще что-то – вспомнить весь список девушка-кассир не смогла. Хозяева уже искали чек и записи с камер наблюдения. По словам девушки, Дженни выглядела нормально, спешила и немного нервничала, но была вежлива. Никто не пытался заговорить с Дженни и детьми, никто не вышел из магазина вслед за ними – по крайней мере, кассир ничего такого не видела. Она и запомнила-то их только потому, что Джек прыгал и пел в тележке, а когда она пробивала товары, сказал ей, что на Хэллоуин оденется большим страшным зверем.

Обыск дома принес всевозможную мелочь – фотоальбомы, адресные книжки, поздравления с помолвкой, свадьбой и рождением детей; счета от дантиста, терапевта и фармацевта. Все имена и номера телефонов отправлялись в мой блокнот. Мало-помалу список вопросов становился короче, зато список возможных контактов продолжал расти.

Ближе к вечеру позвонил человек из отдела по борьбе с компьютерными преступлениями, чтобы доложить о результатах предварительного анализа. Мы обосновались в комнате Эммы: я просматривал ее школьный портфель (множество рисунков розовым мелком, на одном тщательно выведено большими неровными буквами: “СЕГОДНЯ Я ПРИНЦЕССА”), Ричи сидел на корточках на полу, перелистывая книги сказок из ее книжного шкафа. Кровать была голой – ребята из морга унесли Эмму вместе с простыней на случай, если наш парень оставил на ткани волосы или волокна, – и теперь комната выглядела такой пустой, что от одного взгляда перехватывало дыхание. Казалось, девочку забрали тысячу лет назад и с тех пор сюда никто не заходил.

Компьютерщика звали то ли Киран, то ли Киан. Он был молод, говорил быстро и явно наслаждался полученной от нас задачей куда больше, чем поисками детского порно на жестких дисках или чем он там занимается целыми днями.

В телефонах и радионянях ничего интересного не оказалось, а вот компьютер – совсем другое дело: кто-то его почистил.

– Ну, если бы я просто включил машину, то поменялись бы все даты доступа к файлам, так? К тому же неизвестно, не установлен ли там блокиратор, который подчистую стирает все при включении. Поэтому первым делом я копирую жесткий диск.

Я включил громкую связь. Сверху доносилось противное назойливое жужжание – в воздухе, на небольшой высоте, кружил вертолет с прессой. Кому-то из летунов придется выяснить, что за телеканал, и предупредить журналистов, чтобы не пускали в эфир кадры с логовом.

– Я подключаю копию к своей машине и захожу в историю просмотров – если на диске есть что-то стоящее, то оно где-то там. Вот только у этого компьютера *нет* истории просмотров. Типа совсем. Ни одной страницы.

– Значит, они пользовались только электронной почтой, – сказал я, заранее зная, что ошибаюсь: Дженни делала покупки в интернет-магазинах.

– Б-з-з-з, ответ неправильный. Спасибо за участие в нашей викторине. Никто не использует интернет только ради электронной почты. Даже моя бабушка умудрилась найти сайт фанатов Вэла Дуникана⁷, а у нее и компа-то никогда не было – его купил я, чтобы она поменьше депрессовала после смерти деда. Браузер можно настроить так, чтобы история удалялась при выходе, но большинство людей не заморачиваются. Обычно это делают только на компьютерах

---

⁷ Вэл Дуникан (р. 1927) – ирландский поп-певец.

общего пользования – в интернет-кафе, например. Я все равно проверил – нет, автоматически браузер историю не стирает. Я начинаю проверять, были ли удаления истории и временных файлов, – и вуаля: в четыре часа восемь минут утра кто-то стер все вручную.

Ричи, по-прежнему сидя на корточках, поймал мой взгляд. Мы так заиклились на пункте наблюдения и проникновении в дом Спейнов, что нам даже в голову не пришло, что у нашего парня могли быть и другие, более изощренные и неочевидные способы пролезть в их жизнь. Мне вдруг показалось, что кто-то следит за мной из гардероба Эммы, и я едва сдержался, чтобы не обернуться.

– Отличная работа, – сказал я, но компьютерщик еще не закончил.

– Теперь я хочу выяснить, что еще сделал этот чувак. Ищу другие файлы, удаленные примерно в то же время, и угадайте, что всплывает? Весь файл с письмами в почтовой программе. Стерт с лица земли. В четыре часа одиннадцать минут.

Ричи делал записи, положив блокнот на кровать.

– Это их электронная почта? – спросил я.

– О да – *вся* электронная почта, все отправленные и полученные письма. А заодно и адреса.

– Что-нибудь еще удалено?

– Нет, это все. В компьютере полно обычного добра – фотки, документы и музыка, – но за последние двадцать четыре часа эти файлы никто не открывал и не изменял. Ваш чувак зашел в комп, удалил интернет-историю и сразу вышел.

– Наш чувак, – повторил я. – А вы уверены, что это сделали не сами хозяева?

Киран – или Киан – фыркнул:

– Абсолютно.

– Почему?

– Потому что компьютерными гениями их не назовешь. Знаете, что у них на рабочем столе? Файл под названием – нарочно не придумаешь – “Пароли”. А в нем – ни за что не догадаетесь – *все* их пароли: от почты, от интернет-банка, от всего. Но вот что самое отпадное: для кучи форумов, для eBaу, даже для самого компьютера у них один и тот же пароль: “Эмма-Джек”. У меня сразу возникло плохое предчувствие, но я же не хочу думать о людях плохо, поэтому, прежде чем биться головой о клавиатуру, звоню Ларри и спрашиваю, нет ли у хозяев компа спиногрызов, а если есть, то как их зовут. Он отвечает – держитесь: “Эмма и Джек”.

– Скорее всего, они рассчитывали, что если компьютер сопрут, вор не будет знать имена детей и, следовательно, не сможет его включить и прочитать файл.

Компьютерщик шумно вздохнул, очевидно помещая меня в одну категорию со Спейнами.

– Да не в этом суть. Мою девушку зовут Адриана, и я скорее глаза себе выколю, чем сделаю паролем к чему-либо ее имя, потому что у меня есть *стандарты*. Поверьте мне на слово: бестолочи, использующие в качестве пароля имена *детей*, даже задницу себе нормально подтереть не могут, не говоря уже об очистке жесткого диска. Нет, это сделал кто-то другой.

– Тот, кто разбирается в компьютерах.

– Ну да. Необязательно профессионал, но человек, умеющий обращаться с компом получше, чем его хозяева.

– Сколько времени это могло занять?

– На все про все? Не много. Он выключил машину в четыре семнадцать, так что прошло меньше десяти минут.

– Парень понимал, что мы сообразим, что к чему? Или думал, что окончательно замел следы? – спросил Ричи.

Компьютерщик неопределенно хмыкнул.

– Сложно сказать. Многие думают, что мы кучка тупых дикарей, которым едва хватает мозгов, чтобы найти кнопку “Пуск”. И многие подкованы в компьютерах достаточно, чтобы вляпаться по уши в дерьмо, особенно если спешат, – а ваш чувак ведь спешил? Если бы он серьезно собирался напрочь все снести и замести следы так, чтобы никто не догадался, что машину кто-то трогал, на то есть специальные программы-удалялки, но для работы с ними нужно больше времени и смекалки. А у вашего чувака не было ни того ни другого. В общем, он наверняка знал, что мы увидим его проделки.

Однако это его не остановило. Значит, в компьютере было что-то очень важное.

– Надеюсь, вы сможете восстановить файлы? – спросил я.

– Частично – да, скорее всего, но сколько – еще вопрос. Попробую использовать программку для восстановления данных, но если чувак несколько раз записывал поверх удаленных файлов – а я бы на его месте так и сделал, – то изначальные файлы будут битыми. Они портятся даже при обычном использовании, а уж если их вдобавок специально удалить... получится каша. Но я-то с ними разберусь.

Казалось, ему не терпится приступить к работе.

– Сделайте все, что в ваших силах, – сказал я. – А мы будем держать пальцы скрещенными.

– Не беспокойтесь. Если я не справлюсь с каким-то жалким любителем с клавишей Delete, значит, мне не место в большом спорте и пора искать адскую работенку в техподдержке. Я вам что-нибудь достану. Можете на меня положиться.

– “Жалкий любитель”... – сказал Ричи, когда я убрал телефон.

Он так и не поднялся на ноги и рассеянно поглаживал фотографию на книжной полке: Фиона и какой-то парень с растрепанными каштановыми волосами, который держит на руках крошку Эмму, утопающую в кружевной крестильной сорочке. Все трое улыбаются.

– Однако подобрать пароль он сумел.

– Ага, – отозвался я. – Либо ночью, когда он попал в дом, компьютер был уже включен, либо он знал имена детей.

* * *

– Снайпер! – воскликнул Ларри, увидев нас на пороге кухни, и отскочил от окна. – Тебя-то мне и надо. Иди сюда и юношу тащи. Я вас очень, очень пораую.

– Мне как раз не помешает очень порадоваться. Что у тебя?

– А что может тебя осчастливить?

– Ларри, не дразни меня. У меня нет сил играть в угадайку. Что ты наколдовал?

– Никакого колдовства – только старая добрая удача. Ты ведь в курсе, что твои патрульные натоптали здесь, как стадо буйволов в брачный сезон?

Я погрозил ему пальцем:

– Дружище, они не мои. Если бы патрульные подчинялись мне, то на месте преступления ходили бы на цыпочках. Ты бы даже не заметил, что они здесь побывали.

– Ну, этих-то я заметил. Они, разумеется, должны были спасти потерпевшую, но, клянусь богом, ощущение такое, будто они *катались* по полу. Короче. Я думал, что обнаружить тут что-то, кроме следов их неуклюжих сапожищ, можно разве что чудом, но, представь себе, они ухитрились не испортить мне все место преступления. Мои славные ребятки нашли отпечатки ладоней. Три штуки. Кровавые.

– Ах вы мои сокровища, – сказал я.

Пара криминалистов кивнула мне. Их ударные темпы замедлились: работа подходила к концу, и ребята сбавили обороты, чтобы ничего не упустить. Все выглядели усталыми.

– Придержи коней, это еще не самое интересное. Жаль тебя обламывать, но твой парень был в перчатках.

– Черт. – В наше время даже самый последний недоумок знает, что нужно надевать перчатки, но мы всегда молимся, чтобы наш случай был исключением, чтобы в пылу момента преступник забыл о предосторожностях.

– Эй, не жалуйся. По крайней мере, мы нашли доказательство, что прошлой ночью в доме побывал посторонний. По-моему, это кое-что да значит.

– Это очень много значит. – Я вспомнил, как бездумно валил все на Пэта, обыскивая его спальню, и меня окатило волной отвращения к себе. – Мы не в претензии на тебя за перчатки, Ларри. Повторяю: ты сокровище.

– Еще бы. Вот, взгляни.

Первый отпечаток, след ладони с пятью кончиками пальцев, был на высоте плеч на одном из окон, выходящих на задний сад.

– Видишь узор из маленьких точек? – спросил Ларри. – Кожа. Руки большие, кстати. Это тебе не какой-нибудь замухрышка.

Второй отпечаток находился на углу детского книжного шкафа, словно наш парень ухватился за него, чтобы не упасть. Третий – на желтом компьютерном столе, рядом со светлым прямоугольником в том месте, где стоял компьютер, словно преступник положил туда ладонь, пока неторопливо читал текст на экране.

– Вот об этом мы и хотели тебя спросить, – сказал я. – Вы сняли с компьютера какие-то отпечатки, прежде чем отправить его в лабораторию?

– Мы пытались. Казалось бы, где искать отпечатки, как не на клавиатуре? Величайшее заблуждение. Люди жмут на клавиши не всеми подушечками пальцев, а только их краешками, причем каждый раз под разными углами... Это как взять лист бумаги, напечатать на нем сто разных слов, одно поверх другого, а потом рассчитывать, что мы составим из них предложение. Наша главная надежда – это мышка, на ней есть пара частичных отпечатков, которые могут на что-то сгодиться. Остальные слишком маленькие или нечеткие, для суда не прокатят.

– А кровь – на клавиатуре или на самой мыши?

Ларри покачал головой:

– Были небольшие брызги на мониторе да пара капель сбоку от клавиатуры. На клавишах и мыши ни пятнышка. Окровавленными пальцами их никто не трогал.

– Значит, над компьютером потрудились до убийств – по крайней мере, до того, как зарезали взрослых. Железные нервы у мужика – сидеть здесь, играть с их интернет-историей, пока они спят наверху.

– Совсем необязательно, – возразил Ричи. – Перчатки кожаные, то есть жесткие, особенно если все в крови. Может, он не смог в них печатать и снял, поэтому на пальцах не было крови...

Большинство новичков на первом выезде держат рты на замке и кивают, что бы я ни сказал. Обычно это правильное решение, но иногда я вижу, как другие напарники спорят, оттачивают друг на друге версии, поносят друг друга последними словами, и мельком чувствую что-то похожее на одиночество. Вот почему мне уже нравилось работать с Ричи.

– Значит, он сидел тут и возился с интернет-историей, пока Пэт и Дженни истекали кровью в четырех футах от него, – сказал я. – Как ни крути, нервы железные.

– Эй? – помахал нам Ларри. – Помните меня? Помните, я сказал, что отпечатки еще не самое интересное?

– Предпочитаю оставлять сладкое напоследок, – отозвался я. – Валяй, Ларри, мы с удовольствием послушаем самое интересное.

Он взял нас обоих под локоть и развернул к луже сворачивающейся крови.

– Вот тут лежал мужчина, правильно? Лицом вниз, головой в сторону двери в прихожую, ногами к окну. По словам ваших буйволов, женщина была слева от него – лежала на левом боку

лицом к нему, прижавшись к его телу и положив голову ему на плечо. А здесь, всего дюймах в восемнадцати от места, где должна была находиться ее спина, мы видим *это*.

Он указал на кровавые брызги на полу в стиле Джексона Поллока, расходившиеся во все стороны от лужи крови.

– Отпечаток ботинка? – спросил я.

– Господи помилуй, вообще-то их тут пара сотен. Но посмотри вот на этот.

Мы с Ричи наклонились. Отпечаток был такой слабый, что я с трудом различил его на фоне мраморного узора плитки, но Ларри и его ребята видят то, чего остальные не замечают.

– Он особенный, – сказал Ларри. – Это кровавый отпечаток левой мужской кроссовки десятого или одиннадцатого размера. И, прикиньте, обувь не принадлежит ни полицейским, ни медикам – *некоторым* людям хватает мозгов носить бахилы – и никому из жертв.

Он так раздулся от гордости, что его комбинезон едва ли не трещал по швам. Ему и впрямь было чем гордиться.

– Ларри, кажется, я тебя люблю, – сказал я.

– Не ты один. Однако сильно не надейся. Во-первых, это только половина отпечатка – вторую стер один из твоих буйволов, – а во-вторых, если твой парень не полный идиот, то кроссовка уже на дне Ирландского моря. Но *если* ты каким-то образом ее раздобудешь, то будет тебе счастье: отпечаток идеален. Я бы и сам лучше не сделал. Когда снимки окажутся в лаборатории, мы сможем назвать тебе размер, а если дашь нам время, то, скорее всего, марку и модель. Найди мне саму кроссовку, и я за минуту докажу, что отпечаток оставила она.

– Спасибо, Ларри. Ты, как всегда, прав: это самое интересное.

Я поймал взгляд Ричи и двинулся к двери, но Ларри стукнул меня по руке:

– Разве я сказал, что закончил? Впрочем, данные пока что предварительные. Порядок ты знаешь: не ссылайся на меня, а то мне придется с тобой развестись. Но ты сам говорил, что тебе нужны любые сведения о том, как происходила борьба.

– Конечно. Любые пожертвования будут приняты с благодарностью.

– Похоже, ты был прав: борьба шла только здесь – зато в полную силу, по всей комнате, да вы сами видите, какой тут разгром. Однако я имею в виду то, что произошло после начала резни. Вон там, в дальнем конце, кресло-мешок, распоротое окровавленным ножом, и на стену с этой стороны, над столом, брызнула целая струя крови, а между ними мы насчитали еще по меньшей мере девять брызг. – Ларри указал на стену, и внезапно брызги бросились мне в глаза, словно кто-то расплескал яркую краску. – Часть крови, скорее всего, хлынула из руки мужчины, Купер так и говорил, что кровь из раны была фонтаном. Если он вскинул руку, защищаясь, то кровь наверняка разлетелась во все стороны. Еще несколько пятен, скорее всего, оставил ваш паренек, размахивая оружием. Эти двое тут намахались от души. Причем пятна на разных уровнях и под разными углами: ваш мальчик резал жертв и пока они отбивались, и когда лежали на полу...

Ричи дернул плечом и попытался сделать вид, что просто почесывает укус.

– На самом деле для нас это большой плюс, – почти нежно заметил Ларри. – Чем жестче борьба, тем больше остается улики – отпечатков, волос, волокон... Залитое кровью место преступления всегда лучше чистого.

Я указал на дверь в прихожую:

– А туда они добрались?

Ларри покачал головой:

– Не похоже. В радиусе четырех футов от двери ни капельки крови, ни кровавого отпечатка – только следы полицейских и медиков. Все точно так, как задумал Господь и дизайнеры.

– Здесь телефон есть? Может, беспроводной?

– Если есть, то мы его не нашли.

– Видишь, к чему я клоню? – спросил я у Ричи.

– Ага. Телефон был на столе в прихожей.

– Точно. Почему ни Патрик, ни Дженнифер даже не попытались добраться до него и позвонить в службу спасения? Как ему удалось удержать сразу обоих?

Ричи пожал плечами. Он по-прежнему разглядывал стену, пятно за пятном.

– Вы же слышали, что сказала Гоган, – дескать, среди жителей поселка у нас не лучшая репутация. Может, они считали, что это бесполезно.

Внутри моей головы вспыхнула картинка: напуганные до ужаса Пэт и Дженни Спейн – им кажется, что мы слишком далеко, что нам на них наплевать, что звонить нам бесполезно, что весь мир их бросил и остались только они двое. Со всех сторон ревущее темное море, и они в одиночку пытаются спастись от вооруженного ножом мужчины, только что задушившего их детей. Судя по тому, как Ричи стиснул зубы, ему представилось то же самое.

– Возможен и другой вариант – две отдельные схватки, – сказал я. – Наш парень делает свое дело наверху, а потом либо Пэт, либо Дженни просыпается и слышит, как он выходит. Версия с Пэтом кажется более вероятной – Дженни вряд ли пошла бы в одиночку. Он бросается за парнем, хватает его здесь, пытается задержать. Это объяснило бы и случайное оружие убийства, и ожесточенную борьбу: наш парень пытался стряхнуть с себя большого, сильного и разъяренного мужика. Шум драки будит Дженни, но, когда она спускается сюда, парень уже одолел Пэта и может без помех расправиться с ней. Все могло произойти очень быстро, на то, чтобы перепачкать комнату кровью, много времени не надо, особенно если есть нож.

– Значит, главной целью были дети, – сказал Ричи.

– Похоже на то. Детей убили аккуратно, методично, преступник действовал планомерно, и все прошло как по маслу. А вот со взрослыми – кровавая, бесконтрольная потасовка, которая легко могла закончиться совершенно иначе. Либо он вообще не рассчитывал иметь дело со взрослыми, либо для них у него тоже был план, но что-то пошло не так. В любом случае начал он с детей – а это говорит о том, что главной целью, скорее всего, были они.

– Или все было наоборот, – возразил Ричи и снова перевел взгляд на перевернутую вверх дном комнату. – Главной целью были взрослые – или один из них, – и кровавая каша входила в его планы с самого начала, а от детей просто пришлось избавиться, чтобы не проснулись и не испортили удовольствие.

Ларри осторожно просунул палец под капюшон и почесал лоб там, где у большинства людей начинаются волосы. Болтовня про психологию ему наскучила.

– Начать он мог где угодно, но, по-моему, вышел через заднюю дверь, а не через парадную. В прихожей чисто, на подъездной дорожке тоже, зато на брусчатке в заднем саду нашлись три кровавых мазка. – Он подозвал нас к окну и указал на аккуратные полосы желтой ленты – одна у самой двери, еще две у края дорожки. – Поверхность неровная, так что определить происхождение мазков не получится – может, это следы обуви, может, кто-то уронил окровавленный предмет, а может, у убийцы шла кровь и он в нее наступил. На данном этапе нельзя исключать, что пару дней назад кто-то из детей просто поцарапал коленку. Пока что мы можем утверждать только одно: следы крови имеются.

– Значит, у него есть ключ от задней двери, – заключил я.

– Либо ключ, либо телепорт. Кстати, в саду оказалась еще одна находка. Возможно, она вас заинтересует, учитывая, что на чердаке капкан и все такое.

Ларри поманил пальцем одного из своих парней, и тот вытащил из кучи один из пакетов с вещдоками.

– Если вам не интересно, мы просто ее выбросим. Жуткая гадость.

В пакете лежала малиновка – вернее, большая ее часть: кто-то оторвал ей голову. Судя по тому, что в рваной темной дыре на месте шеи извивались какие-то бледные твари, случилось это пару дней назад.

– Нам интересно, – сказал я. – Можете определить, кто ее убил?

– Вот это, ей-богу, вообще не моя специальность, но один парень в лаборатории по выходным влезает в мокасины и тащится на природу выслеживать барсуков и тому подобное. Посмотрим, что он скажет.

Ричи наклонился, чтобы получше рассмотреть крошечные поджатые коготки, комочки земли, прилипшие к яркому грудному оперению. Птица уже пованивала, но он этого словно не замечал.

– Если бы ее убил зверь, то наверняка съел бы, – сказал Ричи. – Кошки, лисы и так далее точно выпустили бы ей кишки. Просто так они не убивают.

– Вот уж не думал, что ты у нас натуралист. – Ларри изогнул бровь.

Ричи пожал плечами:

– А я и не натуралист. Меня в свое время направили служить в глубинке Голуэя⁸, вот и набрался всякого от местных парней.

– Ну, продолжай, Крокодил Данди. Кто мог оторвать малиновке голову и не тронуть остальное?

– Может, норка? Куница?

– Или же человек, – сказал я. Увидев останки малиновки, я в ту же секунду подумал вовсе не про капкан на чердаке. Из логова было бы прекрасно видно, как Эмма и Джек вприпрыжку бегут поиграть в сад рано утром и находят в росистой траве вот это. – Люди убивают просто так постоянно.

* * *

Без двадцати шесть мы работали в зоне для игр. Свет за окнами кухни уже начинал угасать.

– Сможешь сам здесь закончить? – спросил я у Ричи.

Он посмотрел на меня, но вопросов задавать не стал.

– Без проблем.

– Вернусь через пятнадцать минут, потом сразу поедem в контору.

Я встал, колени дрогнули и хрустнули – староват я уже для такой работы. Ричи остался сидеть на корточках, разбирая книжки с картинками и пластиковые упаковки с мелкими среди кровавых брызг, уже не нужных Ларри и его группе. Уходя, я задел ногой какую-то синюю пушистую зверушку, и та пронзительно хихикнула и запела. Ее тонкое, нежное, нечеловеческое пение преследовало меня в прихожей до самой двери.

День клонился к вечеру, и поселок стал оживать. Репортеры собрали оборудование и разъехались по домам, вертолет исчез, но по недостроенному дому, в котором мы беседовали с Фионой Рафферти, носилась стая мальчишек, они раскачивались на строительных лесах, приговаривая, что выталкивают друг друга из высоких окон, – танцующие черные силуэты на фоне пылающего неба. В конце дороги подростки, развалившись, сидели на изгороди, окружавшей заросший сорняками сад; ничуть не скрываясь, они курили, прикладывались к бутылке и глазели на меня. Вдали кто-то яростно нарезал круги на большом мотоцикле без глушителя, еще дальше без остановки качал рэп. В пустые оконные проемы ныряли птицы, на обочине что-то шмыгнуло в груды кирпичей и колючей проволоки, вызвав сход крошечной пыльной лавины.

Выезд из поселка обозначался двумя огромными каменными столбами, в проеме отсутствующих ворот колыхались заросли высокой густой травы. Когда я двинулся по пологому склону к песчаным дюнам, трава успокаивающе шуршала и обвивалась вокруг моих щиколоток.

---

⁸ Голуэй – графство на западе Ирландии.

Поисковая группа работала в полосе прилива, копаясь в водорослях и разглядывая пузырящиеся воронки с улитками-береговичками. Завидев меня, поисковики один за другим выпрямились.

– Успехи есть? – спросил я.

Они показали мне свою добычу – пакетики с вещдоками, – словно озябшие дети, плетущиеся домой после того, как целый день охотились за сокровищами на свалке. Окурки, банки из-под сидра, использованные презервативы, сломанные наушники, рваные футболки, обертки, старые ботинки. В каждом пустом доме что-то валялось, каждый пустой дом кто-то захватил и колонизировал: детям хочется поиграть в “слабо”, парочкам – уединиться или получить острые ощущения, подросткам – что-нибудь сломать, животным нужно где-то жить и растить потомство. Природа не терпит пустоты, у нее ничего не пропадает: как только уехали строители, застройщики и риелторы, в дома вселились мыши, крысы, птицы, сорняки, деловитые букашки.

Несколько находок имели определенную ценность: сломанный перочинный ножик – скорее всего, слишком маленький, – а также нож с выкидным лезвием, который мог бы представлять интерес, не будь изъеденным ржавчиной. Три дверных ключа, которые нужно было проверить на совместимость с замками Спейнов, шарф с засохшим темным пятном, которое могло оказаться кровью.

– Славное барахлишко, – сказал я. – Отдайте их Бойлу из отдела криминалистики – и по домам. Ровно в восемь утра продолжите там, где остановились. Я буду на вскрытиях, но как освобожусь, то сразу к вам. Спасибо, леди и джентльмены. Вы хорошо поработали.

Они побрели по дюнам к поселку, стягивая перчатки и потирая затекшие шеи. Я остался. Поисковики решат, что я хочу в тишине подумать о деле – просчитать мрачную математику вероятностей или мысленно увидеть лица мертвых детей. Если наш парень за мной наблюдает, то подумает то же самое. Но они ошибаются. Я заранее выкроил десять минут в расписании, чтобы испытать себя на этом пляже.

Я стоял спиной к поселку, ко всем убитым надеждам, к месту, где раньше на бельевых веревках, натянутых между трейлерами, колыхались яркие купальники. На тусклое небо рано выплыла тусклая луна, мерцающая за тонкими дымчатыми облаками; море было серым, неспокойным, настойчивым. Теперь, когда поисковики ушли, линию прилива снова захватили морские птицы. Я стоял неподвижно, и через несколько минут птицы забыли обо мне и принялись скакать в поисках пищи. Их крики звучали высоко и чисто, словно свист ветра среди скал. Однажды писк ночной птицы за окном трейлера разбудил Дину, и мама процитировала ей Шекспира: “Ты не пугайся: остров полон звуков – и шелеста, и шепота, и пенья. Они приятны, нет от них вреда”⁹.

Подул холодный ветер, я поднял воротник пальто и сунул руки в карманы. В последний раз я был на этом пляже, когда мне было пятнадцать, тогда я только-только начал бриться, только начал привыкать к своим раздавшимся плечам, всего неделю как начал впервые гулять с девчонкой – блондинкой из Ньюри¹⁰ по имени Амелия, которая смеялась над всеми моими шутками и на вкус напоминала клубнику. Я был тогда другим – энергичным, бедовым, хватался за каждую возможность посмеяться или рискнуть; напора во мне было столько, что я мог прошибать каменные стены. Когда мы, парни, боролись на руках, чтобы произвести впечатление на девушек, я потягался со здоровяком Дином Горри и победил его три раза подряд, хоть он и был вдвое больше меня, – вот как сильно мне хотелось, чтобы Амелия мне поаплодировала.

Я смотрел на воду, на ночь, которую приносил прилив, и вообще ничего не чувствовал. Пляж казался картинкой из старого кино, а тот юный сорвиголова – персонажем из книги,

---

⁹ У. Шекспир, “Буря”, пер. М. Донского.

¹⁰ Ньюри – город в Северной Ирландии, в 108 км от Дублина.

которую я прочел в детстве и кому-то подарил. Вот только в спинном мозгу и в ладонях что-то гудело – словно неслышный звук, словно сигнал тревоги, словно струна виолончели, разбуженная зовом камертона.

7

И *разумеется*, Дина, чтоб ее за ногу, меня уже дожидалась.

Когда видишь мою младшую сестру впервые, то прежде всего замечаешь, как она красива – настолько, что и мужчины, и женщины забывают, о чем говорили, стоит ей войти. Дина похожа на фею со старинных рисунков пером: изящная, как у танцовщицы, фигурка, белая кожа, которую не берет загар, пухлые бледные губы и огромные голубые глаза. Походка у нее такая, словно Дина парит в дюйме над землей. Художник, с которым у нее был роман, однажды назвал ее идеалом прерафаэлитов, что звучало бы более романтично, если бы он не бросил ее две недели спустя. Сюрпризом это ни для кого не стало – когда узнаешь Дину поближе, то понимаешь, что она больная на всю голову. Психотерапевты и психиатры ставили ей самые разные диагнозы, но все они сводятся к одному: моя сестра не приспособлена к жизни. Ей просто это не дано. Она может притворяться нормальной – иногда несколько месяцев подряд, а иногда даже целый год, – но для этого ей, словно канатоходцу, требуется предельная концентрация. Так что рано или поздно Дина теряет равновесие и падает – бросает очередную неквалифицированную низкооплачиваемую работу, ее бросает очередной мерзкий бойфренд – мужчины, которым нравятся ранимые девушки, обожают Дину, пока она не показывает им, что такое настоящая ранимость. В конце концов она объявляется на моем или Джерином пороге, обычно посреди ночи, и несет какой-то бессвязный бред.

Тем вечером она, чтобы не быть предсказуемой, заявила ко мне на работу. Наш отдел находится в Дублинском замке, и поскольку этот комплекс построенных за восемьсот лет зданий, имеющих то или иное отношение к защите города, является туристической достопримечательностью, к нам может войти любой прохожий. Мы с Ричи быстро шагали по брусчатке к зданию конторы, и я укладывал в голове факты, чтобы изложить их О'Келли, как вдруг от темного угла отделилось смутное пятно и полетело к нам. Мы оба вздрогнули.

– *Майки*, – с яростным нажимом выпалила Дина; пальцы, напряженные, словно провода, вцепились в мое запястье. – *Сейчас же* заberi меня. Тут все толкаются.

В прошлый раз, когда мы виделись, примерно месяц назад, у нее были длинные волнистые светлые волосы и летящее платье в цветочек. Однако с тех пор она выбрала стиль гранж: волосы выкрашены в цвет воронова крыла и подстрижены под мальчика – судя по челке, обкорналась Дина сама, – огромный драный серый кардиган прямо поверх белой комбинации и байкерские ботинки. Если Дина меняет имидж, это всегда плохой знак. Я мысленно обругал себя за то, что так долго ее не проводывал.

Я отвел ее подальше от Ричи, который пытался подобрать с брусчатки челюсть. Похоже, он увидел меня в совершенно новом свете.

– Все в порядке, солнышко. Что случилось?

– Майки, я не могу... Я чувствую, что у меня что-то в волосах – ну, знаешь, как ветер царапает волосы? Мне больно, он делает мне больно, я не могу найти... не выключатель, а кнопку, которая его останавливает.

Мой желудок превратился в твердый тяжелый комок.

– Ладно, – сказал я. – Ладно. Хочешь, немного посидим у меня дома?

– Нам надо *уйти*. Ты должен меня выслушать.

– Уже уходим, солнышко, только подожди секунду, ладно? – Я подвел ее к лестнице одного из зданий замкового комплекса, закрытого на ночь после дневной толпы туристов. – Посиди здесь.

– *Зачем?* Ты куда?

Она была на грани паники.

– Вон туда, – показал я. – Избавлюсь от напарника, и поедем с тобой домой. Это займет всего две секунды.

– Майки, мне не нужен твой напарник. Слишком тесно, как мы поместимся?

– Именно. Мне тоже он не нужен. Просто отправлю его на все четыре стороны, и можно будет ехать. – Я усадил ее на ступеньку. – Ладно?

Дина подтянула к груди колени и уткнулась лицом в сгиб локтя.

– Ладно, – сдавленно буркнула она. – Только побыстрее, хорошо?

Чтобы нам не мешать, Ричи сделал вид, что читает эсэмэски.

– Слушай, Ричи, возможно, у меня сегодня не получится к тебе присоединиться. Ты по-прежнему готов к ночному дежурству? – спросил я, одним глазом приглядывая за Диной.

Я видел, что на языке у него крутится уйма вопросов, однако он знал, когда лучше держать рот на замке.

– Конечно.

– Хорошо. Выбери летуна. Он – или она, если выберешь как-ее-там – может записать себе сверхурочные, но намекни, что с точки зрения карьеры лучше обойтись без них. Если что-нибудь произойдет, звони *немедленно* – даже если это покажется тебе неважным, даже если думаешь, что справишься сам, звони мне. Понял?

– Понял.

– Хотя вообще-то, даже если ничего не случится, все равно звони – я хочу быть в курсе. Звони каждый час. Если не буду брать трубку, звони, пока не отвечу. Понял?

– Понял.

– Скажи главному, что у меня чрезвычайная ситуация, но пусть не беспокоится, я все улажу и вернусь в дело не позже завтрашнего утра. Доложи ему о том, что было сегодня, и о наших планах на ночь. Справишься?

– Да, скорее всего.

Ричи скривил уголок рта: вопрос пришелся ему не по душе, однако в тот момент мне было не до его самолюбия.

– Никаких “скорее всего”, сынок, просто справься. Скажи ему, что летуны и поисковики уже получили задания на завтра и что нам нужна группа водолазов – они должны как можно скорее начать работу в заливе. Как только закончишь с ним, приступай. Тебе понадобятся еда, теплая одежда, кофеиновые таблетки – кофе не годится, если не хочешь мочиться каждые полчаса – и очки-тепловизоры. Надо исходить из того, что у нашего парня есть какой-то прибор ночного видения. Не хочу, чтобы он имел над тобой преимущество. И проверь свой ствол.

Большинство из нас за всю карьеру ни разу не достают оружие из кобуры. И некоторые позволяют себе расслабиться.

– Мне уже доводилось сидеть в засаде, – ответил Ричи так сдержанно, что я не понял, посылает он меня при этом или нет. – Утром увидимся здесь?

От нетерпения Дина уже откусывала нитки с рукава.

– Нет, не здесь. Ночью я постараюсь выбраться в Брайанстаун, но не факт, что получится. Если не приеду, встретимся в больнице на вскрытиях. Ровно в шесть, и ради бога не опаздывай, иначе остаток утра нам придется лебезить перед Купером.

– Без проблем. – Ричи убрал телефон в карман. – Ну, тогда до встречи. Нам просто нужно сделать все, чтобы не облажаться, так?

– Не облажайтесь.

– Хорошо, – сказал Ричи смягчившимся тоном. Мне почти показалось, что он меня успокаивает. – Удачи.

Кивнув мне, он направился к двери конторы. Ему хватило ума не оборачиваться.

– *Майки*, – зашипела Дина, схватив меня сзади за пальто. – Поехали уже.

Я помедлил с полсекунды, чтобы взглянуть на темнеющее небо и обратиться с горячей молитвой неведомо к кому: *Боги, не дайте нашему парню попасться в руки Ричи. Пусть он проявит большие выдержки. Пусть дождется меня.*

– Вставай. – Я положил руку Дине на плечо, и она вскочила, будто испуганная зверушка – дыхание быстрое, острые локти торчат в стороны. – Поехали.

* * *

В такие дни нужно первым делом увести Дину с улицы. То, что кажется безумием, во многом просто напряжение, беспричинный нарастающий ужас, который обрушивает свои цепкие потоки на все, что проносится мимо, и в конце концов Дина застывает, пораженная необъятностью и непредсказуемостью мира, словно затравленный зверек. Если отвести ее в знакомый дом, где нет чужих людей, громких звуков и резких движений, чтобы вдвоем переждать беду, она успокаивается, и иногда у нее даже наступают долгие периоды просветления. Когда мы с бывшей женой продали дом, при покупке квартиры я думал и о Дине. Мы выбрали подходящее время для развода – по крайней мере, я продолжаю себя в этом убеждать, – рынок недвижимости был на подъеме, и моей половины денег от продажи дома хватило на задаток за квартиру с двумя спальнями в Международном центре финансовых услуг¹¹. Район достаточно центральный, чтобы я мог ходить на работу пешком, и достаточно модный, чтобы я не чувствовал себя таким уж неудачником из-за распавшегося брака. Кроме того, квартира расположена довольно высоко, на четвертом этаже, поэтому Дину не пугает уличный шум.

– Слава богу, наконец-то! – воскликнула она с огромным облегчением, когда я отпер дверь. Она протиснулась мимо меня и прижалась спиной к стене в прихожей, закрыв глаза и глубоко дыша. – Майк, можно в душ?

Я нашел для нее полотенце. Дина бросила сумочку на пол, скрылась в ванной и захлопнула за собой дверь.

В плохой день Дина может провести под душем весь вечер, если горячая вода не кончается и ей известно, что за дверью нахожусь я. По ее словам, в воде она чувствует себя лучше, потому что ее разум отключается, – страшно представить, сколько всего сказал бы об этом Юнг. Когда зашумела вода, а Дина начала напевать, я закрыл дверь гостиной и позвонил Джери.

Звонить своей старшей сестре насчет младшей я ненавижу едва ли не больше всего на свете. У Джери трое детей – десяти, одиннадцати и пятнадцати лет, – она работает бухгалтером в фирме по дизайну интерьеров, принадлежащей ее лучшей подруге, и у нее муж, которого она редко видит. Все эти люди в ней нуждаются. Во мне же, наоборот, не нуждается никто, кроме Дины, Джери и отца, причем Джери нужно главным образом, чтобы я не звонил ей по такому поводу, – и я уже несколько лет ее не подводил.

– Мик! Погоди секунду, я включу стиралку... – Захлопывается дверца, щелкают кнопки, доносится механическое жужжание. – Ну вот. Все в порядке? Ты мое сообщение получил?

– Да, получил. Джери...

– Андреа! Я все вижу! Сейчас же верни ее ему, а то отдам ему твою. Ты этого хочешь? То-то же.

– Джери, послушай. Дине опять сносит крышу. Она у меня, принимает душ, но мне нужно кое-что сделать. Можно я закину ее к тебе?

– О боже... – В трубке послышался вздох.

Джери – наша оптимистка: даже сейчас, двадцать лет спустя, она по-прежнему надеется, что каждый очередной раз станет последним, что однажды утром Дина проснется здоровой.

---

¹¹ Международный центр финансовых услуг (IFSC) – район в центре Дублина.

– Бедняжка... Я бы и рада ее взять, но только не сегодня. Может, через пару дней, если она все еще...

– Джери, я не могу ждать пару дней. У меня большое дело, в ближайшем будущем мне придется работать по восемнадцать часов, а на работу ее с собой не возьмешь.

– Мик, я *не могу*. У Шилы желудочный грипп, об этом я и говорила тебе на автоответчик, а от нее заразился муж. Обоих всю ночь рвало, то одного, то другого. Колм и Андреа тоже того и гляди свалятся. Я весь день вытираю рвоту, стираю и готовлю им чай, и вечером, похоже, буду делать то же самое. Заниматься еще и Диной я не могу. Просто не могу.

Приступы у Дины продолжаются от трех дней до двух недель. На такой случай я всегда приберегаю отпускные дни, и О'Келли ни о чем меня не спрашивает, но в этот раз отгул он мне не даст.

– А папа? – спросил я. – Хоть один раз? Может, он...

Джери промолчала. В моем детстве папа был осанистым и поджарым. Он любил выносить категоричные, непререкаемые суждения: “Женщина может влюбиться в пьяницу, но никогда не будет его уважать. Лучшее лекарство от дурного настроения – свежий воздух и упражнения. Кто возвращает долги раньше времени, тот никогда не будет голодать”. Он мог что угодно починить, что угодно вырастить и при необходимости готовил, убирал в доме и гладил вещи, как настоящий профессионал. После смерти мамы он так и не оправился. Он по-прежнему живет в Тереньюре¹², в доме, где мы выросли. По выходным мы с Джери по очереди заезжаем к нему – убираем в ванной, кладем в морозилку семь сбалансированных обедов, проверяем, работают ли телевизор и телефон. Кухня обклеена психоделическими оранжевыми обоями с завитушками, которые мама выбрала еще в семидесятых; в моей бывшей комнате мои покрытые паутиной учебники с загнутыми уголками страниц стоят на книжной полке, которую папа сделал для меня. Зайдите в гостиную и задайте ему какой-нибудь вопрос, через несколько секунд он отвернется от телевизора, моргнет, скажет: “Сынок, рад тебя видеть” – и продолжит смотреть австралийские мыльные оперы без звука. Время от времени его одолевает беспокойство, он отрывается от дивана и принимается шаркать по саду в шлепанцах.

– Джери, пожалуйста. Всего на одну ночь. Завтра она весь день проспит, а к вечеру я рассчитываю разобраться с работой. Пожалуйста.

– Мик, я бы с удовольствием, но сегодня никак. Дело не в том, что я занята...

Шум на заднем плане стал тише – Джери отошла подальше от детей, чтобы спокойно поговорить. Я представил, как она стоит в заваленной яркими джемперами и школьными тетрадями столовой, вытягивая из аккуратной, еженедельно укладываемой прически прядь светлых волос. Мы оба знали, что я не предложил бы отвезти Дину к отцу, если бы не оказался в безвыходном положении.

– Но ты же знаешь, что с ней творится, если отойти от нее хоть на минуту, а ведь мне надо ухаживать за Шилой и Филом... Что, если кого-то из них стошнит посреди ночи? Они должны сами за собой убирать? Или я должна бросить ее, чтобы она начала дурить и перебудила весь дом?

Я прислонился спиной к стене и провел ладонью по лицу. От воних каких-то химикатов с запахом лимона, которыми пользуется уборщица, казалось, что в квартире нет воздуха.

– Да, знаю, – сказал я. – Не волнуйся.

– Мик... Если мы не справляемся... возможно, пора обратиться к специалистам.

– Нет. – Это прозвучало так резко, что я сам вздрогнул, но пение Дины не оборвалось. – Я справлюсь. Все будет хорошо.

– У тебя не будет проблем? Сможешь найти себе замену?

– У нас так не положено. Но ничего, я что-нибудь придумаю.

---

¹² Тереньюр – район Дублина.

– Ох, Мик, извини. Мне очень жаль. Как только мои немножко поправятся...

– Все нормально. Передавай им от меня привет и сама постарайся не заразиться. Я еще позвоню.

Где-то на заднем плане раздался яростный вопль.

– Андреа! Я что сказала?.. Конечно, Мик. Может, утром Дине станет получше, да? Никогда ведь не знаешь...

– Да, возможно. Будем надеяться.

Дина взвизгнула и выключила душ: закончилась горячая вода.

– Мне пора. Береги себя.

Когда дверь ванной открылась, телефон уже был припрятан, а я резал овощи в кухне.

На ужин я пожарил себе говядину с овощами – Дина была не голодна. Душ ее успокоил, она – в футболке и трениках, которые достала из моего гардероба, – свернулась калачиком на диване, уставившись в одну точку и рассеянно вытирая волосы полотенцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.